

АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

Казанский юридический институт (филиал)
Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации

Ф.Н. БАГАУТДИНОВ

СПРАВЕДЛИВОСТЬ ЕСТЬ!

К а з а н ь
Издательство Академии наук РТ
2 0 1 7

УДК 82-94
ББК 84(2Рос=Тат)6-442.3
Б14

Багаутдинов, Ф.Н.

Б 14 Справедливость есть! / Ф.Н. Багаутдинов. – Казань: Издательство Академии наук РТ, 2017. – 216 с.

ISBN 978-5-9690-0391-0

Книга рассказывает о малоизвестных страницах из истории органов прокуратуры Республики Татарстан 30–60 годов прошлого столетия.

ISBN 978-5-9690-0391-0

© Академия наук РТ, 2017
© Багаутдинов Ф.Н., 2017
© Издательство Академии наук РТ
(оформление), 2017

Вступительное слово

Идея этой книги пришла ко мне как-то неожиданно. Я написал немало книг об истории органов прокуратуры, о руководителях и работниках, внесших вклад в создание и развитие прокуратуры, то есть о положительных героях.

Но ведь были и другие, антигерои, те, кто нарушил присягу прокурора, кто нарушил закон, встал на преступный путь. Их были единицы, но они были! И один такой факт мог свести на нет деятельность всей прокуратуры.

В истории бывают и светлые, и позорные страницы. Надо одинаково рассказывать и о тех, и о других, не приукрашивая историю. В том числе и для того, чтобы такие личности не попадали на высокие должности.

Первоначально я планировал дать своей книге название «Черная книга» или «Книга позора», имея в виду, что прокурорские работники, попавшие на скамью подсудимых, опозорили в целом систему прокуратуры. Действительно, были прокуроры, которые попрали все законы, правила морали и умышленно совершили преступление. И покрыли позором органы прокуратуры. Так случилось в свое время с прокурором Татарской АССР Надеевым. Но были и другие, которые совершили преступления в силу стечения разных обстоятельств, сложившейся ситуации, и которых, честно говоря, жалко. Да и степень вины прокуроров была различной. Поэтому я изменил название книги.

Почему работники прокуратуры встают на путь совершения преступлений? Причины, в первую очередь, очевидно, надо искать в воспитании человека. Что послужило основой совершенных давно преступлений – сегодня не всегда можно точно установить. Где-то не сработал контроль со стороны начальства, где-то сыграла свою роль личная безответствен-

ность. Конечно же, накладывала свой отпечаток и эпоха, в которую работали прокуроры.

Отмечу, что в настоящую книгу не вошли уголовные дела на прокуроров периода сталинских репрессий тридцатых-сороковых годов, за исключением двух очерков – о прокуроре г. Казани Масисе и заместителе прокурора Татарской республики по спецделам Егорове. Эта тема нашла свое полное освещение в моей другой книге – «Между молотом и наковальней» (Казань, 2013 г.). В ней я постарался объективно раскрыть роль прокуроров в массовых репрессиях. Прокурорский надзор тогда не смог противостоять репрессиям и прокуроры стали невольными соучастниками репрессий, каждый в разной степени. Они и сами пострадали – по неполным данным, более 40 работников прокуратуры подверглись уголовным репрессиям, из них 12 были расстреляны, кто-то погиб в лагерях...

Хотя в процессе работы над книгой автор изучил множество архивных документов, книга не претендует на полноту информации по обозначенной теме. В работе нашли отражение наиболее известные, характерные случаи и дела. Кстати, не все преступления прокуроров напрямую связаны с их служебными обязанностями. Прокуроры совершали и так называемые общеуголовные преступления. Кроме этого, отдельные осужденные прокуроры впоследствии были оправданы и реабилитированы.

Основная задача, которую я ставил перед собой: это предостеречь молодых, начинающих прокурорских работников от совершения ошибок в жизни и в работе. Берегите свое честное имя, берегите честь прокурора.

*Доктор юридических наук,
член-корреспондент АН РТ
Ф.Н. Багаутдинов*

КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ

Тридцатые годы – выселение кулачества, массовое принудительное вступление крестьян в колхозы, выходы из колхозов. Прокуроры принимали в этих процессах самое активное участие. Кулаков отправляли в ссылку на основании директивы наркома юстиции Крыленко от 15 апреля 1931 г. «О порядке высылки кулацких хозяйств в отдельные местности РСФСР». Для этого создавались сборные пункты для «концентрации кулацких хозяйств». Прокуроры обязывались принимать активное участие в работе районных троек по раскулачиванию. Высылке подлежали кулаки и их семейства, при наличии в них трудоспособных членов семьи. Во избежание бегства кулаков сельсоветам запрещалась выдача всяких документов членам их семей. Вся работа проводилась под общим лозунгом ликвидации в Татарии кулачества как класса.

Как известно, при этом было допущено немало ошибок, произвола, нарушений. Тогда были так называемые «перегибные дела» – то есть дела о перегибах при коллективизации. В прокуратуре велся учет «перегибных» дел.

Согласно официальным статистическим данным, процент коллективизации крестьянских хозяйств в Татарской АССР по состоянию на 1927 год был ниже всех республик – всего 0,1%.

По мнению известного татарского исследователя-эмигранта Т.Д. Давлетшина, коллективизация сельского хозяйства в Татарстане была проведена при помощи массовых репрессий против крестьянства. После долгого отставания темпов коллективизации в республике сопротивление деревни было в конце концов сломлено, и процент крестьянских хозяйств,

объединенных в колхозы, поднялся с 8, 8 в 1930 года до 47, 2 в 1931 году и до 62, 2% в 1932 году¹.

Вот выдержка из доклада помощника прокурора республики Амирханова от 7 февраля 1930 года, направленного из Кукмора на имя заместителя прокурора Лесовова. Амирханов выехал по волостям и кантонам с проверкой и инструктажем по поводу коллективизации. Он, в частности, пишет:

«Раскулачивание уже приближается к концу. Пока проходит благополучно. Имеем лишь два случая нападения, необходимые меры приняты... В раскулачивании, конечно, имеются некоторые перегибы...

По приезду я проверил заключенных... На сегодняшний день мы имеем 270 человек. Два дома заключенных переполнены до отказа. В срочном порядке переоборудуем третье помещение человек на 75. Горячее питание пищи не дается совершенно. Хлеб тоже отпускается не всем. Все заключенные числятся за ГПУ. Сейчас по волостям уполномоченные ГПУ арестовывают кулаков и духовенство группами. Аресты еще продолжаются. Принимаю все возможные меры к тому, чтобы не попали середняки и бедняки. Почти ежедневно с уполномоченным проверяем заключенных и часть освобождаем. Наши следователи сейчас работают как уполномоченные ГПУ и заняты производством следствия по последним операциям ГПУ...»² Думается, комментарии не нужны. Так протекала на самом деле славная коллективизация.

«Изъятие кулаков» закончилось расстрелом

Вот одно из уголовных дел тридцатых годов, случившееся в деревне Аю-Кутурган Средне-Балтаевской волости Буинского кантона. В конце апреля 1930 г. сюда прибыл отряд во-

¹ Давлетшин Т.Д. Советский Татарстан. Теория и практика ленинской национальной политики. Казань: Жиен, 2005. С. 241; Революционный Восток. 1934. №4. С. 207.

² Национальный архив Республики Татарстан. Фонд Р-3622, опись 1, дело 307. Наркомюст ТАССР. Информационные отчеты... 1930 г.

лостных активистов – для раскулачивания и изъятия кулаков и прекращения волнений и беспорядков среди крестьян. Руководили отрядом ответственный секретарь волкома Рахматуллин Гариф, председатель волисполкома Коновалов Абдулла, начальник волостной милиции Фаляхутдинов Габдулгани, уполномоченный волисполкома, бывший член ТатЦИКА Юнусов, заместитель председателя волисполкома Галимов и др., а также народный следователь прокуратуры 5 участка Буинского кантона Нурулла Мухтаруллин.

Отряд начал производить аресты зачинщиков беспорядков, заседания волостной тройки с принятием решений о выселении кулаков и середняков. Это вызвало обострение ситуации.

Рано утром 29 апреля отряд во главе со следователем прокуратуры Мухтаруллиным производил аресты. Поднялся шум, собрался народ, который протестовал против арестов односельчан. Толпа была безоружной, лишь у школьного сторожа в руках случайно оказался топор. Руководители отряда Рахматуллин и Мухтаруллин дали команду открыть огонь. Первый залп был в воздух, а второй – в толпу. Погибло 3, было ранено 9 безоружных людей. Отряд спешно покинул место конфликта, не оказав помощи раненым.

В итоге в июле 1930 г. Главсуд ТР приговорил Рахматуллина к 8 годам лишения свободы, Мухтаруллина – к 5 годам лишения свободы, остальных – к другим мерам наказания.

Обратимся к биографии Мухтаруллина Нуруллы Салимовича. Он родился в 1910 г. в Куйбышевской (Самарской) области. Родители умерли от голода, и его забрал с собой старший брат на работу в шахту. Там Нурулла окончил татарскую школу при руднике. Работал в разных местах, в том числе и делопроизводителем, секретарем у народного следователя и в суде. Изучив делопроизводство, стал работать следователем в Кайбицком районе, затем в Буинском кантоне.

И вот, не имея ни знаний, ни опыта, Мухтаруллин попадает в такую историю.

В декабре 1930 г. Мухтаруллин был освобожден от отбывания наказания на основании постановления ЦИК СССР от 3 декабря 1930 г. Далее Мухтаруллин работает инструктором в плодоовощной конторе, затем учится в Казанском институте советского строительства.

В конце 1932 г. после окончания института Мухтаруллина Обком направляет судьей в Чистопольский район. Затем он работает прокурором Таканышского района, а с 1938 г. – прокурором Бауманского района г. Казани.

Вот такая карьера, несмотря на наличие судимости за перегибы во время раскулачивания и изъятия кулаков.

Винить Мухтаруллина и других прокуроров, которые вот таким образом участвовали в коллективизации, укреплении колхозов, в раскулачивании, не поворачивается язык. Время было такое, что мало кто понимал истинное положение дел. Кто выступал против таких методов, сам мог оказаться за решеткой. Мухтаруллин и другие послушно выполняли партийное указание, которое шло с самого верха!

Судебно-прокурорские бригады

Районные комитеты партии закрепляли районных прокуроров за конкретными селами, колхозами. Во время посевных, уборочных работ прокуроры были вынуждены без выезда находиться в закрепленных местах, в результате чего страдала их основная прокурорская работа.

В инструктивном докладе от 18 апреля 1932 года по вопросам весенне-посевной кампании секретарь Татарского Обкома Разумов предложил, чтобы в каждом районе были созданы одна-две-три судебно-прокурорские бригады. Они должны были перебрасываться в отдельные села, где кулацко-зажиточные хозяйства саботируют или планируют саботировать

сев. В отношении таких хозяйств Разумов требовал в течение 24 часов организовать и провести показательный суд. Показательному суду должна была предшествовать соответствующая массовая работа. Показательный суд над одним-двумя кулацко-зажиточными хозяйствами должен был ускорить, форсировать сев по остальным хозяйствам единоличного сектора.

Исходя из этой установки, в 1932 году основным методом работы при хлебозаготовках стала организация судебно-прокурорских бригад, которые выявляли кулацко-зажиточную верхушку, не выполняющую твердых заданий, организовывали над ними показательные судебные процессы. Такие бригады были организованы во всех районах Татарской республики. Они проверяли работу сельских советов, выявляли кулацкие хозяйства, проникшие в колхозы. Судебно-прокурорские бригады организовывали на местах судебные процессы над кулаками и зажиточным крестьянством, не выполняющими норм хлебозаготовок.

Незаконные штрафы, аресты, другие репрессии в тот период носили распространенный характер. Участвовали в этом как прокуроры, судьи, милиция, так и представители власти. И.о. прокурора Елабужского района Ф.Ф. Тамбовский летом-осенью 1931 года райкомом партии был закреплен бригадиром в так называемую штурмовую бригаду по Костанеевскому участку. В бригаду также входили ответственный секретарь райкома партии и редактор газеты. Тамбовский, стараясь обеспечить выполнение плана хлебозаготовок, развил бурную деятельность. Он арестовал не только рядовых хлебосдатчиков, но и председателя, члена сельсовета, председателя колхоза. И.о. прокурора направо и налево накладывал штрафы, изымал хлеб, коров и овец. В том числе подвергались аресту бедняки и середняки. Тамбовский проехал по мельницам и описал находившийся там хлеб, отправил его в Елабугу. В результате с мельниц увезли хлеб колхозников, бедняков, единоличников.

Хотя были и другие примеры. Например, прокурор Шереметьевского района Гатауллин Набиулла Гатауллович был весьма рассудительным, осмотрительным и осторожным человеком. В годы коллективизации немало горячих прокурорских чинов ринулись, сломя голову, выполнять волю партии. Они силком загоняли людей в колхозы, участвовали в изъятии у колхозников хлеба, скота и совершали немало других беззаконий. Именно в эти годы состоялись известные судебные процессы: альметьевское дело, нурлатское дело и другие. Прокурор Альметьевского района Валеев, прокурор Нурлатского района Булатов, принявшие участие в незаконных действиях против колхозников, были исключены из партии, осуждены к лишению свободы. Было, кстати, и шереметьевское дело (шереметьевщина). Но Гатауллин, к его чести, не принял участия в нем, наоборот, он старался соблюсти закон.

В резолюции объединенного заседания Шереметьевского райкома и районной контрольной комиссии 15 декабря 1930 года было признано, что районный прокурор Гатауллин допустил «ослабление темпа хлебозаготовок». Прокурора обвинили в том, что он принимал жалобы от колхозников, отменял незаконные штрафы и вообще занимался только исправлением «левых» перегибов. Также было отмечено, что на бедняцком собрании предполагалось принять встречный план на сдачу 3500 пудов хлеба. А райпрокурор Гатауллин на этом собрании провел сдачу только 1200 пудов хлеба. Действия Гатауллина были квалифицированы как правооппортунистический уклон и решением бюро РК от 22 ноября 1930 года ему был объявлен выговор.

Нурлатское дело

4 декабря 1931 г. бюро Нурлатского райкома ВКП (б) по докладу районного прокурора Булатова утвердило резолюцию о признании работы судебно-следственных органов

Нурлатского района удовлетворительной. Не прошло и двух месяцев, как мнение об удовлетворительной работе прокуратуры, милиции резко изменилось.

27 января 1932 г. были арестованы прокурор Нурлатского района Булатов, начальник РУМ Ахмеров, два милиционера и председатель Нурлатского сельсовета – за систематическое групповое пьянство с дискредитацией власти, за связь и пьянство с кулаками, за грубость, матерщину и избиения граждан и за проявление преступной халатности в проведении хозяйственно-политических компаний, за администрирование при хлебозаготовках. В современном понимании уголовно наказуемым из всего этого является, пожалуй, только избиение граждан.

В феврале 1932 г. прокурором Нурлатского района утверждается студент 1 курса института советского права Ахмадуллин, член партии с 1929 г., имел стаж судебной работы, окончил краткосрочные юридические курсы.

14 февраля 1932 г. принимается специальное постановление ОК и ОКК «О состоянии и работе Нурлатской парторганизации». В нем отмечается как о недостаточном нажиме на кулацко-зажиточные элементы деревни, так и о наличии ряда фактов подмены массовой работы голым администрированием при проведении хозяйственно-политических компаний в деревне. Указано на случаи грубо-издевательского отношения к крестьянам, незаконных арестов колхозников, бедняков и середняков со стороны начальника милиции Ахмерова и др. Прокурор района Булатов перечислен в списке руководящих лиц, которые систематически занимались пьянством.

Данным решением начальника милиции Ахмерова исключили из партии – за систематическое пьянство, грубое обращение с крестьянами, избиение колхозника. Прокурор района Булатов был исключен из партии – за систематическое пьянство, связь с чуждыми элементами, дискредитацию пар-

тии и советской власти. Обоих было предписано привлечь к уголовной ответственности и предать суду.³¹

Проверку материалов следствия по «Нурлатскому делу» проводил помощник прокурора Татарской республики Михайлов. Как следует из его заключения, прокурор района Булатов, начальник милиции Ахмеров в составе штурмовой бригады в деревне Утяшкино производили обыски, избияения, ходили по домам с дубинками, сломали забор. Также указано на необоснованное наложение штрафов без соблюдения классового принципа, самоснабжение (расходование продуктов, изъятой мануфактуры), систематическое пьянство. Пожалуй, пьянству в этом заключении уделено наибольшее внимание. Где, с кем, как пили – описывается подробно, с деталями (катание пьяными на лошадях с колокольцами, со стрельбой на улице и в квартире, поездки на дачи к лесникам, устройство пикников, использование для пьянок спирта от врачей и из аптеки и т.д.).

10 марта 1932 г. прокурор Нурлатского района Булатов Гарей был осужден Главным судом по ст. ст. 109, 113 УК РСФСР к 5 годам лишения свободы. По его кассационной жалобе УКК Верховного суда снизила наказание до двух лет лишения свободы. Он находился в заключении с 28 января 1932 г.

В своей жалобе в Обком Булатов просил применить к нему досрочное освобождение, ссылаясь на то, что он сын батрака, вырос в детдомах, допустил ошибку ввиду молодости и излишней доверчивости. В случае освобождения Булатов даже обещал уехать из ТР.

Булатов писал, что он сын батрака, потерял родителей, 6-7 лет был беспризорником. Бывший прокурор в жалобе признавал, что допустил ошибки – пьянство, и указывал, что уже шесть месяцев находится в тюрьме «в окружении кулачества

³¹ ЦГА ИПД РТ. Татарский Обком ВКП (б). Протоколы заседаний бюро... Фонд 15, опись 2, дело 1120. 1932 г.

и профессиональных преступников». В этой связи Булатов просил применить к нему досрочное освобождение.

О том же просил и начальник Нурлатского районного управления милиции Ахмеров Ахмет Джимагулович. Он был исключен из партии решением бюро ОК и ОКК от 14.03.1932 г. 10 марта 1932 г., осужден по ст. 110 и 113 УК РСФСР за превышение власти и дискредитацию партии и советской власти.

Бюро Обкома 25 сентября 1932 г. по заявлению Ахметова и Булатова, осужденных по Нурлатскому делу, своим решением разрешает НКЮ применить к ним постановление ВЦИК от 27.07.1932 г. о досрочном освобождении.

Альметьевское дело

На совещании актива Альметьевского района 16 октября 1930 года по докладу секретаря обкома ВКП(б) Абдуллина к ранее установленному для района плану в 12 тысяч центнеров добавили еще 10 тысяч. Итого – 22 тысячи, прибавка – более 75 процентов. Хотя выступавшие говорили, что максимум можно взять еще 25 процентов в колхозах, а «у индивидуальщиков больше излишка нет, нам крестьяне больше хлеба не дадут».

Под «злостного середняка», а фактически кулака, подводился не только середняк, но и бедный. В результате, как писал об этом прокурор района Валеев наркому юстиции Татарской республики Филиппову, «при милиции иногда скапливалось по 30-40 арестованных крестьян, направляемых уполномоченными без всяких материалов». Ясно, что большая часть этих крестьян арестовывалась без всякой вины. И тем не менее, секретарь райкома Каримов говорил так: «Судить всех не обязательно, но надо задержать их дня на три-четыре и заставить работать».

Зверства этих людей совершались под лозунгом и во имя укрепления колхозов и выполнения хлебозаготовок. Видимо, многие из них верили, что так и надо делать во имя высших

целей, не сомневались в том, что те, против кого осуществляются репрессии, действительно враги нового строя.

Во время проведения хлебозаготовок более половины жителей Сулеева было подвергнуто порке. В селениях Каширово, Кама-Исмагилово, Бишмунча, Старая и Новая Михайловка было по 2-3 случая избияния. В одной только Бишмунче из 92 хозяйств 52 были раскулачены⁴.

28 ноября 1931 года по приказу начальника республиканского управления ОГПУ Кандыбина были арестованы 8 человек. Арестовали и руководителей района. Всех их исключили из партии.

Кстати, обращение о безобразиях в Альметьевском районе поступило от рабочего комитета далекого города Магнитогорска – там работали много выходцев из Альметьевского района, родственники которых пострадали от бесчинств представителей местной власти. Письмо рабочих Магнитогорска поступило прокурору Альметьевского района Л. Валеу. Он попытался поставить вопрос перед властями. В ответ прозвучало: «А как выполнять план хлебозаготовок?» Прокурору посоветовали «Надо обращать внимание не столько на «левые» загибы, а сколько на правый уклон».

Чтобы скрыть свое бездействие, прокурор района Валеев впоследствии попытался исправить дату обращения рабочих города Магнитогорска с 22 октября на 22 ноября 1931 г. Ведь в течение месяца по этому обращению ничего не делалось!

Лишь 23 ноября 1931 г. на место выехал следователь Ахтямов, 28 ноября производятся аресты. Уже в декабре 1931 г. – январе 1932 г. проходят судебные процессы. 4 руководителя, председатель Сулеевского сельсовета Гарифуллин, члены комиссии этого сельсовета Габдрахманов и Богаутдинов, председатель профсоюза Булгаков приговариваются к расстрелу.

Нарком юстиции и прокурор республики Филиппов в 1931 году выступил на объединенном заседании бюро ОК и

⁴ Индус Тагиров. Альметьевское дело. Советская Татария. 1992 г. 8 февраля.

президиума ОКК ВКП (б) с докладом о результатах расследования фактов порки и избиений крестьян в селениях Альметьевского района. Речь шла о событиях в деревне Сулеево – поэтому и дело назвали «сулеевщина». Группа совпартработников в ходе выполнения хозполиткампаний в массовом порядке применяла издевательства, избиения, в результате чего скончались 3 человек, тяжело изувечены 2, один сошел с ума и более 50 человек получили легкие телесные повреждения. По делу привлекались председатель сельского совета деревни Гарифуллин, председатель ревкомиссии этого же сельского совета Даминов, член комиссии по хлебозаготовкам и комиссии по мобилизации средств Абдрахманов, член этой же комиссии Багавов, председатель райпрофсовета Булгаков, учитель Вафин.

Не будем описывать то, что творили эти люди – факты жуткие. Такие же факты имели место и в других деревнях Альметьевского района, соответственно, появились и другие дела – «кашировщина», «абдрахмановщина».

Порке подверглась и семья секретаря прокуратуры. Он обратился за помощью к прокурору района Валееву – но тот не принял никаких мер.

Действия виновных по сулеевскому делу были квалифицированы по ст. 58 УК РСФСР.

За непринятие мер возбудили уголовное дело на предри-ка Сальманова, прокурора Валеева и следователя Ахтямова, а также начальника милиции.

Из Казани потребовали – приговорить не менее 5 человек к расстрелу. Также предписывалось создать общественное мнение в селениях с требованием расстрела, и чтобы ближайшие селения направили свои делегации на судебный процесс⁵².

Приказом по Наркомюсту от 28 декабря 1931 г. прокурор Альметьевского района Валеев, нарсудья Насыбуллин и на-

⁵ Национальный архив Республики Татарстан. Фонд Р-3622, опись 3, дело 2. НКЮ ТАССР. Доклады о работе судебных органов... 1930-1934 гг.

родный следователь Ахтямов снимаются с работы с преданием суду – за допущение в ряде селений Альметьевского района грубейших извращений линии партии и революционной законности, несоздание надлежащих условий и обстановки, непринятие мер к предупреждению этих извращений и фактов возмутительного издевательства кулачества над колхозниками, бедняками и середняками, бюрократизм и нереагирование на доходившие до них сигналы. Если убрать громкие слова и лозунги, то прокурора, судью и следователя обвинили в незаконном прекращении производства по 4 делам об издевательстве над крестьянами.

Валеев и Ахтямов, как указано в других документах, сняты с должности с привлечением к уголовной ответственности за непринятие решительных мер и несоздание обстановки, обеспечивающей борьбу с искривлениями классовой линии и издевательствам над крестьянами в Альметьевском районе.⁶¹

Выездная сессия Верховного суда Татарской республики приговорила к смертной казни председателя Сулеевского сельсовета Альметьевского района Сабира Гарифуллина, члена комиссии по мобилизации средств и по хлебозаготовкам Махума Абдрахманова, председателя райпрофсовета Шарифа Булгакова, представителя волостного исполнительного комитета Ильяса Бахаутдинова. К лишению свободы на 3 года был приговорен председатель Альметьевского райисполкома Сабир Сальманов, к различным срокам лишения свободы были осуждены райпрокурор Латып Валеев и другие, всего 13 человек.

Новым прокурором Альметьевского района назначается Михайлов. Но и он проработал недолго. Решением коллегии НКЮ Татарской республики от 7 августа 1933 года он был снят с работы, а следователю Шарипову объявлен строгий выговор с переводом в другой район. Из материалов провер-

⁶¹ Национальный архив Республики Татарстан. Наркомюст ТАССР. Фонд Р-3622, опись 1, дело 408. Материалы... 1931 г.

ки следует, что прокурор разбазарил вещественные доказательства, поступившие в прокуратуру с уголовным делом по обвинению Иксанова. Тут были 5 кг чая, 30 м мануфактуры, спички и узбекские тюбетейки. Вещи по документам передали в сельпо, но часть чая оставили у себя. На занавески для окон прокуратуры Михайлов взял 15 м мануфактуры. Ну и надел себе на голову узбекскую тюбетейку. Чай раздали судье, следователю, начальнику ИТР, техническим работникам и др. Начальник ИТР и судья взяли материал для пошива платья жене и детям и т.д. Были и другие нехорошие факты (потеря уголовного дела, пьянство и др.)

По факту пропажи дел в суд завели следствия на секретариат нарсуда и прокуратуры.

Прокурор Михайлов в объяснении от 23.07.1933 г. признался в том, что присвоил вещественные доказательства по делам, раздавал их другим работникам юстиции (чай, мануфактура и др.).⁷

В отношении работников прокуратуры Михайлова, Шарипова и судьи Насырова было возбуждено уголовное дело, и они были осуждены к лишению свободы. Пункты обвинения – пьянство, присвоение вещественных доказательств, утеря дел, взяточничество.

В этот же период секретарь Шугуровской районной прокуратуры Ишмуратов Ильяс был осужден народным судом к 2, 5 годам лишения свободы по ст. 109 УК. Он писал в жалобе наркому Филиппову, что совершил небольшое преступление ввиду тяжелого материального положения. Со слов Ишмуратова, он писал по просьбам граждан кассационные жалобы – из-за того, что последние несколько месяцев не получал пайков. Он писал, что семья голодает, четверо детей, распродали все.

Таким образом, прокурорские работники обеспечивались плохо, и это тоже являлось одной из причин совершения ими

⁷ Фонд Р-3622, опись 3, дело 26 НКЮ ТАССР. Материалы... 1934 г.

преступлений, хотя и вовсе не оправдывало их преступные действия.

Проводивший проверку старший следователь прокуратуры Татарской Республики Биктимеров 4 января 1932 г. в докладной записке писал прокурору республики Филиппову. «Райпрокурор Валеев как прикрепленный для наблюдения хода кампаний в Сулеевском, Урсалыбашском, Каширском и ряде других сельсоветов, еще в августе месяце был поставлен в известность об имеющихся фактах избиения колхозников, главным образом в деревне Каширово. После того, как Валееву об этих фактах сообщили на бюро Сулеевской партячейки, Валеев, проезжая на другой день через Каширово, эти факты не проверил, умышленно смазал. Он же, Валеев, будучи в Сулеево, видел, как там кулацкая шайка конфискует имущество колхозников, однако он не только не принял каких-либо мер, а сам лично распорядился отправить отобранное имущество в Альметьево, в комиссионный магазин.

В ноябре месяце в деревню Сулеево случайно попал следователь Ахтямов, и к нему обратилась группа с жалобой. Допросив 16 человек потерпевших, он распорядился и приехал в Альметьево к прокурору. Прокурора дома не было, а затем он обратился к Саттарову, который, скрывавший до тех пор вместе с Каримовым, как член бюро, был [уже] не в силах больше молчать и об этом сообщил начальнику райотделения ГПУ Юсупову, а затем Юсупов – в Казань. До получения конкретного указания Кандыбина, здесь опять-таки на это дело достаточно никто не реагировал».

Л. Валеев имел низшее образование, с августа 1930 г. работал следователем прокуратуры Альметьевского района, а с июля 1931 г. – прокурором Альметьевского района. Как член райкома партии, являлся уполномоченным. В своем объяснении он писал, что выполнял безоговорочно все указания и поручения секретаря райкома Каримова – и даже те поруче-

ния, которые были совершенно неясными и противоречили партийной установке.

Перед выездом в качестве уполномоченного в сельсоветы Л. Валеев получил конкретные указания от Каримова: не ослаблять темпы хлебозаготовок, нажать, как следует, неповоротливым сельским работникам объявить «условный арест», у партийцев отбирать партийные билеты.

Такие же указания были даны на совещании в райисполкоме с участием Хакимова. Последний настаивал на том, чтобы усилить репрессии против негодяев хлеба – кулаков, зажиточных и злостных середняков.

По словам прокурора, судья Насыбуллин на совещании жаловался на то, что осуждено много середняков, и что секретарь райкома Каримов, вопреки требованиям закона, велит давать середнякам 2 года лишения свободы.

В деревне Абдрахманово судья Насыбуллин затребовал от сельсовета характеристику и опись на середняка. Узнав об этом, секретарь райкома Каримов назвал судью дураком.

Каждый день при милиции накапливалось по 30-40 арестованных крестьян, которых направляли уполномоченные. Прокурор при проверках освобождал часть арестованных. Уполномоченные докладывали, что прокурор освобождает арестованных и тормозит хлебозаготовки. Каримов принял свое решение: «арестованных не отпускать, пусть посидят и поработают 3-4 дня, и потом отпускать».

Прокурор Валеев признал: был послушником бюро и наркомат юстиции не информировал.

Вот как изложены действия органов юстиции по «Сулеевщине» в докладной записке наркома юстиции и прокурора Филиппова:

«Районные органы юстиции в Альметьевском районе проявили преступную халатность, формально-бюрократический подход при рассмотрении и расследовании материалов, ка-

ленно-бездушное штампование характеристик сельсоветов, политическую близорукость, косность и неповоротливость в методах выявления преступлений и реагирования на них и даже на совершение уголовных преступлений.

Так, например, за невыполнение заданий по хозяйственно-политическим кампаниям сельсоветом отданы под суд 30 середняков и 4 хозяйства из кулацко-зажиточной верхушки. При отдаче под суд работники сельсовета всем этим хозяйствам давали явно неправильные характеристики и эти же преступники на суде по всем хлебным делам выступали в качестве свидетелей. Суд, руководствуясь этими свидетельскими показаниями и не проверив достоверность характеристик, давал жесткие меры наказания, не считаясь с социальной прослойкой привлекаемых. В результате чего народный судья Насыбуллин допустил искривление классовой линии, осудив 30 середняков к лишению свободы, ссылке на длительные сроки.

Районный прокурор Валеев, находясь уполномоченным в селениях, где происходила «сулеевщина», не принял абсолютно никаких мер к привлечению к ответственности виновных, несмотря на то, что в числе пострадавших, обратившихся к нему за помощью был и секретарь прокуратуры, семья которого подверглась порке. В довершение ко всему и чтобы скрыть свое бездействие и потворство пьяному кулацкому разгулу, совершил подделку отношения из Магнитогорска – вместо 22 октября переделал на 22 ноября. Следователь Ахтямов при расследовании фактов избиения и издевательства над крестьянами не выявил конкретных виновников зла, не вскрыл их классовую сущность, в результате чего его приезды в селения не меняли существующее положение вещей».

И далее, из списка конкретных виновников преступлений:
«Районный прокурор Валеев – находясь уполномоченным в вышеуказанных селениях, не принял мер к немедленному

привлечению к ответственности виновных и допустивший подделку отношения Магнитогорска – вместо 22 октября на 22 ноября.

Начальник милиции Сальманов, прекративший 3 уголовных дела об избиении сулеевских граждан.

Народный судья Насыбуллин – лично штамповавший при даче характеристик и допустивший искривление классовой линии, осудив 30 середняков.

Следователь Ахтямов, не принимавший мер к немедленному расследованию заявления граждан и не проверивший дела об избиениях, истязаниях и убийствах, не арестовавший своевременно преступников».

В результате районный прокурор Латып Валеев, начальник милиции Салих Сальманов, народный судья Насыбуллин, следователь прокуратуры Усман Ахтямов были сняты с работы, исключены из партии и отданы под суд.

При этом прокурору Валееву был 31 год, следователю Ахтямову – 24 года.

Вот выдержки из приговора (январь 1931 г.): «Враги трудящихся, главным образом кулачество, изыскивают всевозможные пути к тому, чтобы затормозить или совершенно свести на нет поступательное движение трудящихся по пути к социализму, прибегая для этого к различным методам. Одним из методов они избрали метод дискредитации Советской власти, создание недовольства, больше того враждебного настроения против власти изнутри, войдя в самый аппарат, разлагая его изнутри. К таким мерам враг прибегает, главным образом, там, где работники советского и партийного аппарата чрезмерно доверчивы, близоруки, доверчивы политически и там разворачивают свою контрреволюционную работу, Подобное положение получилось в Альметьевском районе ТР. Кулачество и просто преступные бандитские элементы, пользуясь политической близорукостью руководите-

лей районного центра, в лице председателя РИК Сальманова и руководителя райкома, в лице секретаря райкома Каримова, а также прокурора Валеева, втерлись в сельский аппарат, а кулак Гарифуллин даже и в партию и проводили самую открытую контрреволюционную работу, причем дошли даже до открытой порки бедняков и колхозников под видом неплатежей налогов, полного их раскулачивания, разбазаривания их имущества, насилования и даже до убийств.

26-30 декабря 1931 года и 1-4 января 1932 года виновные Выездной Сессией Главсуда были уже осуждены к суровым мерам классового подавления.

Настоящее рассматриваемое дело является третьим из числа дел, рассмотренных Главсудом в связи с раскрытием этого гнойника.

Обвиняемый Сальманов конкретно виновен в том, что, состоя председателем Альметьевского райисполкома и даже членом ТатЦИКа, будучи членом партии, проводил свою работу методом голого администрирования, являясь в тот или иной сельсовет, переполненный плательщиками тех или иных денежных налогов, ни слова ни говоря, приступает к работе тем, что кричал матерную брань, командовал «встать» и т.д., причем, от этой ругани и криков все разбежались не только крестьяне, но и сами работники сельаппарата. За свои такие действия его крестьянство прозвало «жандармом», он стал пугалом у них.

Он, Сальманов Сабир, виновен в том, что видя своими глазами расправу кулака Гарифуллина над бедняками Халиуллиной, Максутовой и середняком Абдуллиным в Сулеево, в виде нанесения им побоев, порки плетью, таскание за волосы, не только не прекратил этого, но даже в отношении Халиуллиной scomандовал, сидя в тарантасе, Гарифуллину: «взять ее и выдрать (за) волосы», а Абдуллина предложил, тому же Гарифуллину, посадить в раздетом виде в холодное время в

амбар. Мало того, он ставил работу Гарифуллина в пример другим работникам сельсовета и, как примерного работника, впоследствии распорядился послать на курорт, предложив снять кандидатуру для посылки на курорт другого лица.

Он виновен в том, что явившись в дер. Урсала, предложил председателю сельсовета в 24 часа раскулачить еще 20 хозяйств, объясняя, что процент раскулаченных в этом селении не соответствует каким-то установленным, якобы, нормам.

Он виновен в том, что, состоя разъездным уполномоченным райкома как раз по селениям Сулеево и др., хорошо знал о всех творимых безобразиях кулачества и преступного элемента сельского аппарата – раскулачивание середняков и колхозников – и никаких мер не принимал, а даже для распродажи всякого барахла их открыл в селе Альметьево комиссионный магазин.

Действия Сальманова квалифицируются правильно по ст. 109 и 110, ч. 2 УК.

Валеев Латып виновен в том, что, состоя прокурором по Альметьевскому району, мало того, до середины октября 1931 г. состоя уполномоченным райкома по наиболее многочисленным преступлениям, совершенным [в] селениях Сулеево, Каширово и др., вследствие небрежного отношения к своей работе ничего не замечал, проходил мимо наваленного всякого, отобранного у бедноты и середнячества, скарба во дворе сельсовета, спотыкался об него и ни разу не поинтересовался – у каких слоев крестьянства они отобраны. Мало того, он сам купил за бесценок себе кадку для солки капусты и обменял уздечку из наваленного барахла.

Он, Валеев, виновен в том, что, будучи в этих селениях уполномоченным, не сумел выявить отвратительной порки крестьян, всю контрреволюционную работу кулачества, осевшего в сельсовете, не поинтересовался тем, для чего в сельсовете хранятся плети, мало того, одну плетку взял себе.

Валеев виновен в том, что совершенно потерял свое лицо прокурора в районе, совершенно не боролся за революционную законность. В местный арестантский дом массами заключались под стражу все кому не лень, зачастую совершенно без материала по 40-50 человек, а Валеев решительно этого не пресекал, никого за такого рода незаконные аресты не привлекал. Он превратился в руках Сальманова и секретаря райкома Каримова в лицо, годное для посылок по поручениям, был у них на побегушках. Его действия правильно квалифицированы по ст. 109 УК.

Сальманов Салих виновен в том, что, будучи начальником раймилиции по Альметьевскому району, относился к своим обязанностям явно халатно, абсолютно не знал, что делают его инспектора и рядовые милиционеры. Поступающие заявления о побоях и насилиях над женщинами в селении Урсалыбаш, Кичучатово и др. со стороны сельских работников движения не получали или, будучи переданные совершенно неопытному милиционеру, прекращались с согласия Сальманова.

Он виновен в том, что, когда был обнаружен труп повешенного в лесу десятника лесничества, демобилизованного красноармейца Радаева, он согласился на прекращение этого дела лишь по заключению врача, совершенно не проверяя тщательным дознанием и следствием, мало того, даже не поставил об этом в известность следователя. Заявление же Шаймаратова Габдрахмана с 20/X пролежало долго без резолюции. Благодаря преступной халатности Сальманова Салиха, не проверявшего работу своих инспекторов и, в частности, Закирова, последний, войдя в контакт с кулачеством, в лице Гарифуллина, убийство превратил в самоубийство по делу Шамсинур Гадеевой. Не давал движение заявлениям и жалобам о нанесении побоев и насилии. Наконец, он виновен в том, что принимал в арестантский дом крестьян совершенно без материалов.

Его действия квалифицировать следует по ст. 111 УК.

Что касается следователя Ахтямова, то суд считает, что он виновен лишь в том, что не имел должного наблюдения за милицией, в результате там маршировали заявления без всякого движения. Однако суд считает, что поскольку Ахтямов новый работник, в конечном счете сам раскрыл этот гнойник и уже понес за свое упущение дисциплинарное взыскание – уволен с должности, сам завел в свое время дело по обвинению начальника милиции Сальманова в халатности по должности, поэтому Главсуд признает его по суду оправдать.

На основании изложенного Выездная Сессия Главсуда ТР, исходя из социальной опасности обвиняемых, их социального происхождения, пребывания их на фронтах в Красной армии в самый разгар гражданской войны (Сальманова Сабира и Валеева), руководствуясь статьями 319, 320 УПК и статьей 326 УПК, 110-2, 109 и 111 УК ПРИГОВОРИЛА:

Гражданина Сальманова Сабира на основании ст. 110 ч. 2 и 109 УК подвергнуть по совокупности к 3-м годам лишения свободы.

Гражданина Валеева Латыпа на основании статьи 109 УК подвергнуть к одному году принудительных работ.

Гражданина Сальманова Салиха на основании статьи 111 УК подвергнуть лишению свободы сроком на полтора года.

Гражданина Ахтямова Усмана на основании статьи 326 УПК по суду в уголовном порядке оправдать.

Меру пресечения Сальманову Сабиру и Сальманову Салиху оставить заключение под стражей, а Валеева и Ахтямова из-под стражи освободить.

Приговор объявлен публично с разъяснением обжалования».

Верховный Суд РСФСР изменил приговор Сальманову, определив ему наказание в виде 1 года принудительных работ, и он был освобожден от наказания с зачетом срока ареста.

СВИЯЖСКИЙ «СПРУТ»: ДЕЛО БАНДЫ ШАКУРА-КОНОКРАДА.

О деле Шакура Рахимова, о знаменитой шайке конокрадов из деревни Чутеево написано немало. Различные легенды, истории, вымыслы, домыслы сопровождают это дело. Писали отдельные участники этих событий, судебные журналисты. Есть и известная повесть писателя Евгения Сухова. За перо взялись даже совсем юные представители рода Шакура. Причем, у каждого из них своя правда.

Мне захотелось взглянуть на это дело с другой стороны – а какова роль в деле Шакура Рахимова представителей органов власти, в первую очередь, работников прокуратуры, милиции, судей, исполкомов? Действительно ли Шакур-карак охватил своими щупальцами корысти представителей различных ветвей власти, что и позволяло ему в течение продолжительного времени уходить от ответственности?

Дать однозначный ответ на этот вопрос очень трудно. Материалы следствия и суда носят противоречивый характер, не все моменты и нюансы выяснены с достаточной тщательностью и полнотой. Не всегда можно однозначно утверждать, что же имело место на самом деле: обычная халатность, беспечность, безграмотность, либо же умышленное совершение действий в интересах шайки конокрадов из корыстных побуждений. Попробуем разобраться, исходя из имеющихся в нашем распоряжении архивных материалов и документов.

До 14 августа 1920 года деревня Чутеево входила в Цивильский уезд Чувашской республики, а затем по национальному признаку была передана в состав Татарской республики. В

Свияжском кантоне она вошла в состав Молькеевской волости. Слава деревни Чутеево как пристанища воров простиралась далеко. Как говорили отдельные свидетели, в Чутеях 500 дворов, и 500 воров. В чужих деревнях, в чужих краях чутеевцев даже не пускали на ночлег! – боялись, что они обворуют хозяев. Обычные чутеевцы, не имевшие отношения к банде Шакура, возмущались: «Почему на нас навечно повесили позорное имя воров?!»

Конокрадство в тот период являлось самым распространенным преступлением и считалось весьма опасным. Не случайно на заседании коллегии Наркомюста Татарской республики еще 8 декабря 1921 года председатель трибунала Бирюков даже предложил путем дачи разъяснения подвести конокрадство под вид бандитизма, соответственно усилив наказание, вплоть до расстрела. Другой член коллегии Масютин заявил, что конокрадство – это страшный бич для Татарской республики⁸.

В июле 1925 года в ЦИК Татарской республики поступает обращение писателя Зарифа Башири о преступлениях шайки Шакура Рахимова и покрывающих его ответственных работников. ЦИК образует специальную комиссию.

Писатель, журналист Зариф Башири (Зариф Шарафутдинович Башири) родился в деревни Чутеево в семье муллы. Долгое время работал в Средней Азии. Впоследствии, когда он работал в Уфе, в 1938 году был арестован и необоснованно репрессирован как враг народа.

Летом 1925 года Зариф Башири, работавший тогда редактором крестьянской газеты в Туркестане, приехал в родное село Чутеево, где проживал его брат, учитель. Учитель Баширов, слыша жалобы и разговоры о действиях шайки Шакура, говорил об этом председателю волисполкома. Но тот всегда отвечал: «Дайте факты!» Зариф Башири выслушал рассказы

⁸ Национальный архив Республики Татарстан. Фонд Р-128, опись 1, дело 126. Материалы о деятельности Наркомюста. 1921 г.

своего брата и других односельчан. Всю ночь они писали заявление, которое потом было передано в ЦИК.

Впоследствии Зариф Башири писал о своей большой роли в раскрытии Шакуровской банды. Однако проверка прокуратуры в 1932 года отклонила его притязания⁹. Официальная власть дала понять: это мы раскрыли банду!

29 июля 1925 года на заседании Президиума ОКК был заслушан вопрос о бандитизме в Свияжском кантоне. Совещание вел Палютин, участвовали представители ГПУ, НКВД, уголовного розыска и других органов. Сотрудник ГПУ Штахановский и сотрудник НКВД Айсин проинформировали, что банда Шакура действует в Свияжском кантоне с 1918 года, имеет связь с местными властями (волостной милицией, волостными исполкомами, сельсоветами, судебными органами). Несмотря на массовые грабежи, власть на местах мер не принимает, потому что они сами замешаны в этой шайке.

Президиум ОКК постановил – создать из представителей НКЮ, ГПУ и НКВД комиссию в составе Айсина, Штахановского и Дивеева (от НКЮ) с выездом на место для ведения следствия. Комиссии было предоставлено право использовать все имеющиеся по данному вопросу материалы и конспиративные силы, производить в необходимых случаях аресты.

1 августа 1925 года Штахановский и Айсин получают удостоверение об их командировании в Свияжский кантон для выяснения вопросов, связанных с бандитизмом. Всем парторганизациям предлагается оказывать им содействие.

Айсин являлся заместителем наркома внутренних дел ТАССР. В декабре 1925 года он исполнял обязанности наркома.

4 ноября 1925 года Айсин представил в Областной комитет РКП(б) докладную записку по Чутеевскому делу. В ней он пишет, что 12-14 июля 1925 года получил секретные аген-

⁹ Национальный архив Республики Татарстан. Фонд Р-3622, опись 3, дело 12. НКЮ ТАССР. Постановления... 1932 г.

турные сведения отдела уголовного розыска НКВД ТАССР о безнаказанных преступных действиях шайки конокрадов в составе 23-25 человек в Свияжском кантоне. Одновременно такие же сведения поступили в письмах в редакцию «Крестьянской газеты». О полученных сведениях Айсин сообщил в Татарский Областком РКП(б) и в Правительство ТАССР.

По распоряжению ОК Айсин вместе с заместителем начальника ТООГПУ Штахановским 17-18 июля 1925 года выехал в город Свияжск. Здесь они встретились с уполномоченным ТООГПУ по Свияжскому кантону – тот подтвердил реальность сведений о банде конокрадов. Далее Айсин и Штахановский сделали краткое информационное сообщение по существу вопроса на заседании бюро Свияжского кантком РКП(б) в узком составе. По возвращении в Казань они доложили о результатах поездки на заседании Президиума ОКК – 23 июля 1925 года.

13 августа 1925 года комиссия выехала в Чутеевскую волость в сопровождении 15 вооруженных красноармейцев из батальона ТООГПУ, одного следователя и одного агента уголовного розыска.

Кстати, в докладной записке Айсин отмечает о помощнике прокурора по Свияжскому кантону Суюндюкове, который направил председателю СНК Габидуллину телеграмму, в которой выразил «обиду» по поводу создания комиссии без его ведома и участия.

Комиссия прибыла в Чутеево в 12 часов ночи 13 августа 1925 года. Навстречу отряду попались двое членов шайки на двух подводах. Завязалась перестрелка, в результате была убита одна лошадь конокрадов, а на второй они скрылись. На рассвете отряд приступил к арестам и обыскам. Начались допросы. Узнав о прибытии отряда, председатель сельсовета скрылся. При обыске в его доме нашли воровские вещи и инструменты.

Айсин отмечает, что банда проводила политику «защиты интересов бедняков» – за бесценок продавали им лошадей, предметы сельскохозяйственного обихода и т.д.

Характерно, что в деревне Чутеево не только взрослые, но и даже дети в возрасте 8-10 лет старались всеми силами и способами помешать работе комиссии, в частности, в обнаружении украденного, в задержании конокрадов.

Выявив в течение суток всю картину и добыв путем следствия весьма ценные материалы, комиссия вернулась в Казань.

Через 2-3 дня Дивеев и Штахановский снова выехали в Чутеево для ареста остальных конокрадов, скрывшихся при первой операции.

29 августа 1925 года Дивеев доложил на заседании ОК о результатах работы комиссии.

Кроме этого, Айсин составил отдельную докладную записку на тему: «Конокрады и борьба с ними в ТССР», которая представляет собой очерк деятельности по борьбе с конокрадством органов милиции и уголовного розыска («Чутеевщина», «Бугульминское дело» и другие).

Одну из причин длительного нераскрытия преступлений банды Шакурова Айсин видел в том, что она большую часть своих преступлений совершала за пределами Молькеевской волости, часто – за пределами Свяжского кантона и даже ТССР.

Во второй докладной записке Айсин говорит о получении сведений о банде Шакурова от осведомителей из числа крестьян деревни Чутеево еще в конце сентября 1924 года. В конце февраля 1925 года в Свяжский кантон были направлены 2 секретных сотрудника уголовного розыска. После двух недель работы на месте были арестованы 8 бандитов во главе с Шакуровым. Они были доставлены в Татарский от-

дел уголовного розыска и после предварительного краткого дознания направлены в следственную часть Главсуда ТАССР. Далее бандитов передали в распоряжение помощника прокурора по Свяжскому кантону. И через 2-3 месяца бандиты оказались на свободе. Мотивы освобождения бандитов были неясны для сотрудников ОУР, и они продолжали работу¹⁰.

На основе материалов ОКК постановлением ЦКК было решено провести проверку всех партийных ячеек Свяжской кантонной партийной организации. Руководил проверкой член ЦКК Новиков, который являлся и председателем комиссии по проверке и расследованию дела конокрадов – шакуровщины. Проверка партячеек было завершена в июне 1925 года. В справке отмечается, что по уголовному делу всего привлечено до 70 человек, в том числе до 20 должностных лиц. Комиссия устраивала собрания граждан в 6 волостях, присутствовала на 3 беспартийных крестьянских конференциях. В сентябре-октябре 1925 года проводилось обследование Свяжской партийной организации Областным комитетом партии. На заседании бюро канткома был заслушан доклад «О состоянии судебно-следственного аппарата».

Начинаются снятия с работы, исключения из партии, аресты ответственных работников. В частности, нарсудья П участка Сабир Бикмурзин, член партии с 1919 года, был арестован 8 сентября 1925 года.

9 сентября 1925 года решением бюро областкома РКП(б) председатель исполкома Бикчентаев из Свяжска отзывается в распоряжение ОК.

2 октября 1925 года бюро Свяжского канткома ВКП(б) ходатайствует перед Областкомом об отзыве помощника прокурора Суюндюкова – ввиду его душевной болезни!

¹⁰ ЦГА ИПД РТ. Татарский Обком РКП(б). Фонд 15, опись 1, дело 1365. Материалы... 1925 г.

22 октября 1925 года бюро ОК дает согласие на снятие с работы помощника прокурора Низамутдинова.

На заседании бюро Свяжского канткома ВКП(б) 27 октября 1925 года по докладу Уполномоченного ОКК народный следователь Ишимов исключается из партии.

23 сентября 1925 года на заседании бюро Областкома РКП(б) заслушивается сообщение ОКК (Бажанов) о положении дел в Свяжском кантоне. Бажанов говорит о несомненной поддержке со стороны местных органов сильно развившегося бандитизма и конокрадства в Свяжском кантоне, отмечает, что отдельные представители советских органов входят в компанию с бандитами и делят добытое. Докладчик в этой связи предлагает обновить актив района.

Бюро решает: создать партийную комиссию в составе Бажанова, Дивеева, Кадушина для наблюдения за производством следствия и выработки мероприятий по оздоровлению советского аппарата в Свяжском кантоне¹¹.

В сентябре 1925 года в Свяжск направляется член Областной контрольной комиссии Нигаметзянов. Впоследствии он избирается заместителем председателя кантисполкома и заведует земельным отделом, затем по совместительству становится уполномоченным ОКК по Свяжскому кантону.

В сентябре 1925 года чрезвычайный съезд Молькеевской волости, рассмотрев вопрос о перевыборах волисполкома, принимает резолюцию: «Прочь с дороги конокрадство! Снести с лица земли конокрадов!»

В связи с раскрытием Шакуровской банды в Свяжском кантоне проводилась массовая замена руководящего состава. Состав кантисполкома к началу 1926 года заменили на 100%, состав волисполкомов – на 90%, а сельсоветов – на 60%.

¹¹ ЦГА ИПД РТ. Татарский Обком РКП(б). Протоколы заседаний бюро... Фонд 15, опись 1, дело 1335. 1925 г.

18 октября 1925 года Осман Дивеев в газете «Красная Татария» опубликовал статью «Что было в Свияжском кантоне». То, что случилось в Свияжском кантоне, он назвал «старым гнойником на теле Татарской республики». Осман Дивеев, на тот момент заместитель наркома юстиции, заместитель прокурора Татарской республики, дает общую характеристику дела, рассказывает о совершенных бандой Ш.Рахимова преступлениях, называет пособников и покровителей банды из числа работников милиции, суда, прокуратуры, исполкомов. По данным Дивеева, на тот момент были арестованы 18 чутеевцев – воров-конокрадов, и 12 должностных лиц. Перечислим последних:

Председатель сельсовета деревни Чутеево Ярханов.

Председатель Молькеевского волостного исполкома Тюльматов.

Начальник Молькеевской волостной милиции Ахтямов.

Бывший делопроизводитель Молькеевской волостной милиции Федоров.

Бывшие милиционеры Онисько и Булатов.

Бывший начальник 3-го района милиции Сайдашев.

Бывший делопроизводитель военного стола Молькеевской волости Иванов.

Бывший начальник Кушманской волостной милиции Гауллин.

Бывший народный следователь 2-го участка Свияжского кантона Ишимов.

Бывший нарсудья 2-го участка Свияжского кантона Бикмурзин.

Бывший начальник кантонной милиции Сагеев.

Таким образом, под следствие попали 7 работников милиции. В числе обвиняемых впоследствии оказались и председатель Свияжского кантисполкома Бикчантаев (ранее – председатель Заинского исполкома), секретарь сельсовета Чутеево Амиров.

Как следует из материалов уголовного дела, Осман Дивеев принимал активное участие в расследовании уголовного дела по банде Шакура Рахимова. Он участвовал на допросах, выполняя при необходимости и обязанности переводчика. К примеру, в ходе судебного процесса была допрошена супруга одного из обвиняемых, которая в ходе следствия давала показания не в пользу своего мужа. Защита в суде утверждала, что она плохо знает татарский язык, не все понимала, и говорила совсем не то, что записал следователь. Суд вызвал Османа Дивеева – тот пояснил, что он присутствовал на допросе во время следствия, при этом переводил показания женщины, и всё в протоколе следователем было записано верно.

На экстренном заседании бюро Свияжского канткома ВКП(б) 21 ноября 1925 года представитель ЦКК Новиков сделал информацию о работе комиссии по обследованию советско-партийного аппарата Свияжского кантона в связи с раскрытием шакуровщины. Он говорил о задачах партийной организации-искоренить последствия шакуровщины, создать среди крестьянской массы здоровое настроение по отношению к советско-партийному аппарату.

Председатель КИК Порфирьев в своем выступлении отметил, что крестьянство радуется, что нашлись люди, которые раскрыли преступления шайки Шакура.

По словам Ермина, начальника уголовного розыска Свияжского кантона, чутеевский бандитизм существовал 8 лет, и об этом все знали. Бандитов арестовывали, но часто Казань их освобождала. К раскрытию шакуровщины крестьянство относится хорошо.

Павлов поделился своими наблюдениями о жителях Молькеевской волости – оказывается, они, если увидят приезжего с портфелем, и он окажется начальником, то они призывали такого человека угощать, преподносить взятку.

Пищулина отметила, что в связи с шакуровщиной в волостях практиковалась и кража женщин.

По словам Денисова, население с большим недовольством относилось к судебным-следственным органам, так как во взаимоотношениях с ними без взятки нельзя было обойтись¹².

19 ноября 1925 года на общем собрании граждан в одном из сел Молькеевской волости уполномоченный от волисполкома Жирков, говоря о политическом состоянии волости, заявил, что до 50% населения волости – преступники! Особенно это относилось к деревням Чутеево и Ст. Тябердино. Эту же цифру называли докладчики на общих собраниях граждан и в других деревнях. Представляете масштаб, уровень преступности в отдельно взятом месте?

17 декабря 1925 года бюро Свияжского канткома ВКП(б) заслушивает доклад Носкова о работе прокурорского надзора по кантону. Носков только что приступил к работе. Он указал на ненормальные залежи дел в судах и следственных участках. Причиной слабой работы судебным-следственным органов являлась главным образом юридическая неграмотность работников. Помощнику прокурору поручили увеличить пропускную способность судебного-следственного аппарата.

10 февраля 1926 года бюро рассматривает вопрос о судебным-следственных органах кантона и приходит к выводу, что НКЮ и Главсуд продолжают направлять в кантон совершенно негодных и неспособных работников. Перечисляются фамилии судей, следователей, не соответствующих своей должности.

25 февраля 1926 года бюро обсуждает вопрос о работе кантонной советской милиции. Основной смысл доклада: «Милиция не спала, что-то делала. Но очень мало»¹³.

Во время перевыборов сельсоветов и волисполкомов в Свияжском кантоне в начале 1926 года были выступления

¹² ЦГА ИПД РТ. Фонд 1220, опись 1, дело 506. Свияжский кантком ВКП(б). Протоколы заседаний бюро... 1925-1926 г.г.

¹³ ЦГА ИПД РТ. Фонд Р-1220, опись 1, дело 507. Протоколы заседания бюро Свияжского канткома ВКП(б)... 1925-1926 г.г.

крестьян о бездеятельности прежней власти, отдельные представители которой имели связь с Шакуровщиной.

На заседании XII Свяжской кантонной партийной организации 25-26 мая 1926 года один из выступавших Павлов заметил, что «Шакуровщина не изолирована, свободное отношение шайки с внешним миром, население разуверяется, что будет суд». Он говорил, что ожидается судебный процесс, но население боится и не верит, что «шакуровщина» будет наказана.

В архивных документах мы читаем, что в ликвидации шакуровщины проявил себя как активный работник беспартийный крестьянин Нугуманов из деревни Чутеево. Уполномоченный ОКК Нигаметзянов даже предлагал выдвинуть Нугуманова на должность заместителя заведующего кантземотдела. Нугуманов был избран членом Свяжского кантисполкома. Он, в частности, обращался с письмом по поводу побега трех членов банды Шакура, указывая на недовольство крестьян по этому случаю¹⁴. По имеющимся данным, раскрытию и поимке шакуровской банды способствовал и селькор Талыпов Галиулла.

В отдельных публикациях (И.Шакуровой, в частности) утверждается, что в уголовном деле Ш.Рахимова и его банды нет ни одного признания, ни одного настоящего свидетеля, все отчеты и письма Зарифа Баширова были искажением действительности, и дело рассыпалось в мелкую мозаику... И вообще в ходе следствия не удалось раскрыть ни одного действительно серьезного преступления, совершенного бандой Ш.Рахимова. А убийство Даминова, единственное убийство в деревне за все годы, носило вообще не политический, а личный характер. З.Башири, якобы, собрал все слухи негативного характера.

¹⁴ ЦГА ИПД РТ. Фонд 1220, опись 1, дело 676. Переписка Уполномоченного ОКК по Свяжскому кантону. 1926 г.

Полагаю, что дело обстояло вовсе не так. Следствие и суд для того времени были проведены достаточно тщательно и основательно. Возможно, есть сомнения, вопросы в отдельных деталях, эпизодах и т.д. Но в целом картина преступлений раскрыта с достаточной полнотой. Да и доказательств было предоставлено достаточно причем, и весьма убедительных, неопровержимых.

Шайка Шакура Рахимова, кроме конокрадства, занималась ограблениями различных учреждений (сельские кооперативы, больницы, небольшие заводы, фабрики и т.д.). Преступления совершались в Татарской республике, а также Ульяновской, Нижегородской, Московской губерниях, Чувашской республике.

В ночь с 6 на 7 сентября 1920 года из кооператива в селе Клянчино Свияжского кантона путем пролома пола лавки была похищена мануфактура и нитки. Под полом нашли кошелек с деньгами, личную карточку и еще некоторые другие документы на имя Шакурова Сабира, сына главаря. В домах бандитов впоследствии нашли валенки фабричного изготовления – точно такие же были украдены из кооператива села Клянчино. Это ли не веские доказательства?

Обнаружив документы Сабира Шакурова, начальник милиции Свияжского кантона дает телеграмму начальнику 2-го района Малютину – организовать погоню. Милиция идет по следу, приходит в дом Шакура Рахимова, устраивает обыск. Ничего не нашли, все участники преступления скрылись. Начальник милиции Малютин забирает у Шакура Рахимова лошадь и заявляет: приезжай в район, привези сына, и лошадь вернем. Но что для Шакура одна лошадь? Он никуда не является, и даже не требует вернуть лошадь.

Сабир Шакуров в суде утверждал, что в ночь с 6 на 7 сентября 1920 года в преступлении он не участвовал, его ограбили в пути, забрали и документы. Он якобы подал заявление о

собственном ограблении в уголовный розыск и допрашивался в Тюмерской волости и в Цивильске, однако это не подтвердилось – никуда заявление С.Шакурова об ограблении не поступало.

По случаю же утери документов Сабир Шакуров обратился в сельсовет деревни Кичкеево и получил у его председателя Моисеева соответствующее удостоверение. Правда, в суде Моисеев утверждал, что никакого удостоверения Сабиру Шакурову он не давал, хотя ему и предъявили это удостоверение с подписью Моисеева и печатью.

Обратимся к эпизоду с похищением 14 декабря 1924 года хмеля из амбара крестьянина Никитина в поселке Урмары в Чувашской республики. Похищенный хмель – 32 пуда, преступники продали чувашам Павлову и Дмитриеву. Милиция вскоре арестовала их. На суде Павлов и Дмитриев указали на члена шайки Замалетдинова Насретдина как на лицо, у которого они купили хмель.

В ночь с 19 на 20 декабря 1923 года из кладовых больницы в селе Ногаткино Ульяновской области было похищено белье. Преступники также похитили и кружки, на дне которых с наружной стороны стояли буквы «ОМС». Точно такие же кружки были найдены впоследствии у четырех членов банды. Очень важные и веские улики.

В ночь ограбления Ногаткинской больницы преступники из села Ногаткино у крестьянина Жмырова попутно увели двух лошадей. У одной из лошадей на задней правой ляжке было тавро с буквами П.Д.Е.

Когда по этому делу проводили обыски, то у жителя деревни Чутеево Хасанова Мирзы обнаружили эту лошадь – с буквами П.Д.Е. По словам Хасанова, лошадь он купил у Шакура Рахимова. Потерпевший Жмыров категорически и уверенно опознал свою лошадь. Какие еще нужны доказательства?

Убийство комсомольца Даминава, избиение его матери Даминовой, повлекшее преждевременные роды и последующую смерть ребенка, изуродование мужа Даминовой – сами факты налицо, и оспаривать их нет оснований. Можно спорить о мотивах, о степени участия каждого и т.д.

На следствии и в суде выявились многочисленные нарушения правил конского учета. Когда в Чутеево проводился учет лошадей, то устраивалась грандиозная пьянка с угощениями и подношениями. В результате «конское начальство» перепилось и узаконило всех лошадей в деревне, в том числе и краденых. Дальше уже можно было смело считать краденую лошадь своей – ведь она благополучно прошла конский учет. Не случайно в числе пособников и покровителей шайки оказались заведующий военно-конским участком Воронцов, секретарь Арапов, деловод военного стола Иванов.

Были и другие доказательства совершения бандой неоднократного конокрадства. К примеру, прокурор в суде насчитал не менее 7 случаев продажи краденых лошадей Мазитовым Гарифом.

В ходе следствия проводились экспертизы по определению подлинности учетно-конских удостоверений. Оказалось, что 25 таких удостоверений были подделаны Мирзой Рахимовым.

Когда осенью 1925 года у жителей деревни Чутеево собрали учетно-конские карточки, то одна треть их оказалась вовсе не зарегистрированной в учетно-конском участке исполкома Молькеевского волостного исполкома.

При облаве в Чутеях задержали четырех лошадей без документов, одну из них у Шакурова Сабира.

Основным свидетелем на стороне обвинения выступал обвиняемый Хасанов Мирза. Он подробно и детально рассказывал об обстоятельствах совершенных бандой Шакурова преступлений. По отдельным эпизодам его показания пра-

ктически являлись единственным доказательством – нет ни похищенного, нет других показаний. Но есть нюансы, нити, которые все равно ведут к банде Шакурова. К примеру, в ночь с 30 на 31 октября 1924 года был ограблен кооператив в Подольском уезде Московской губернии. Маленькая деталь – в 1922 году на бумажной фабрике недалеко от пострадавшего кооператива служил один из членов банды, который впоследствии выступил наводчиком.

В ответ на откровенные показания Хасанова, Шакур Рахимов в суде называет его не только «дураком», но и даже «контрреволюционером».

Хасанов во время судебного заседания находился на свободе. В этой связи защитник Бельский заявил ходатайство о заключении его под стражу. В ответ государственный обвинитель Рогинский назвал это ходатайство адвоката неслышанным в судебной практике и противоречащим судебной этике. Рогинский высказался категорически против даже постановки этого вопроса на обсуждение суда. В итоге ходатайство Бельского было отклонено.

Можно ли было раньше раскрыть преступления шайки Шакура Рахимова, пресечь её деятельность? Да, такая возможность была, и такие попытки предпринимались. Но благодаря действиям отдельных представителей «Свияжского спрута» преступникам удавалось избежать ответственности. В материалах уголовного дела имеются некоторые сведения об этих фактах. Но полной информации об этом нет, потому что почти во всех случаях материалы уголовных дел благополучно исчезали.

Еще в 1921 году начальник Свияжского Политбюро Смирнов провел обыск у помощника кантонного военкома Сундырского – по подозрению в связи с бандой, в снабжении банды бланками конского учета. В рапорте Смирнова отмечено, что бандиты украли и продали 41 лошадь. 11 октября

1921 года Политбюро приступило к ликвидации банды. При обыске у Сундырского нашли чистые бланки конских карточек. Военкома поместили под домашней арест, но доказать связь с бандитами не смогли. Возмущенный Сундырский, считая подозрения необоснованными, заявил о выходе из партии и направил партбилет в кантком РКП(б). Ликвидировать банду тогда не удалось, и она понесла лишь легкие потери¹⁵.

На эти обстоятельства впоследствии указывал и Бикчентаев, председатель Свяжского кантисполкома. В заявлении в Областную контрольную комиссию от 22 октября 1925 года он утверждал, что принимал все меры к поимке конокрадов. В частности, в 1921 году, когда Бикчентаев был начальником Свяжской кантонной милиции, им и начальником Политбюро по Свяжскому кантону Смирновым члены чутеевской шайки во главе с Шакуровым дважды арестовывались и направлялись в Казань, но по неизвестным причинам были освобождены.

2 марта 1923 года Бикчентаев стал председателем Свяжского кантисполкома. Он утверждал, что по его инициативе члены шайки Шакура неоднократно арестовывались и направлялись в Казань, но потом освобождались. В последний раз шайка была арестована в феврале-марте 1925 года, направлена в Казань, но их снова освободили.

Бикчентаев в заявлении указывал, что чутеевских конокрадов в последний раз освободил новый помощник прокурора по Свяжскому кантону Суюндюков. До него помощником прокурора был Каримов, который также выступал за освобождение конокрадов, и освободил преступника Тарасова, который потом скрылся. Данное заявление Бикчентаева подтверждали Смирнов, Ермин и Тычкин. Оговоримся, что это версия обвиняемого Бикчентаева.

¹⁵ ЦГА ИПД РТ. Фонд 1220, опись 1, дело 598 а. Список... 1920-1922 г.г. Свяжский кантком РКП(б).

Летом 1923 года в Чутеево приезжает начальник милиции Цивильского уезда Ермилов – чтобы задержать местного конокрада Тухватуллина Гисмея. Ермилов был вместе с крестьянами одной из деревень, у которых похитили лошадей. Однако толпа, в основном состоявшая из членов шайки, не дает этого сделать. Чутеевцы окружили приехавших, в адрес милиционеров сыплются угрозы, и они вынуждены уехать ни с чем.

Ермилов пишет заявление об оказанном милиционерам сопротивлении. Оно попадает к народному следователю Ишимову. Следователь приходит к выводу, что Ермилов выпил самогона, и вел себя по отношению к конокрадам грубо. Ишимов не допрашивает никого – ни милиционеров, ни сопротивлявшихся, и направляет дело в Цивильский уезд – для привлечения к ответственности начальника милиции Ермилова. Хотя по закону расследование должно было проводиться по месту случившегося, то есть в Свяжском кантоне.

Когда дело из Цивильского уезда возвращается обратно, оно снова попадает к Ишимову. А время-то идет, острота момента спадает. И народный следователь придумывает новый ход – направляет дело в суд с предложением о его прекращении. Умелые бюрократические приемы привели к волоките и прекращению дела.

Ишимов в суде объяснял, что совершил ошибку, что он не мог все Чутеево допросить. По словам Ишимова, он «смешанно» вел следствие – и о конокрадах, и о бездействии властей.

Ишимова также обвиняли в том, что он не возбудил уголовное дело на члена шайки Гарифа Мазитова по факту продажи им краденной лошади. Исходя из показаний Мазитова, Ишимов возбудил уголовное дело на ... умершего гражданина.

В марте 1925 года Ишимову передают секретный пакет с материалами об укрывателях конокрадов, бежавших после

облавы в Чутеях. Пакет попадает в число ненужных бумаг, дело никуда не идет. В суде Ишимов пытался убедить прокурора и суд в том, что он получил «анонимку» и изложенные в ней факты не подтвердились.

Свидетель Румянцева в суде показала, что в 1923 году Ишимов хвастался, что Шакур Рахимов подарил ему серебряный самовар. Когда ему не поверили, то он вытащил из мешка самовар и показал его. Сам Ишимов в суде все факты отрицал.

Прокурор Чувашской республики в свое время направил председателю Свияжского кантисполкома Бикчентаеву специальное письмо о чутеевских конокрадах, о необходимости принятия мер к их поимке. По материалам судебного заседания видно, что данное письмо, в конечном счете, попало к помощнику прокурора Низамутдинову. На вопрос прокурора по поводу непринятия мер по данному письму, Низамутдинов пояснил, что он был «страшно перегружен другими делами». «Очевидно, более важными», – иронически замечает прокурор.

Летом 1922 года Бикчентаев арестовал трех крестьян села Б.Кушман, которые жаловались на злоупотребления и хищения в семенной тройке при выдаче семенных ссуд. Жалобы крестьян Бикчентаев приравнивал к контрреволюции, взял с них подписку, что они никуда не поедут с жалобами. Тем не менее, жалобы крестьян о хищениях в семенной тройке дошли до Казани. В результате со специальным заданием из Казани направили следователя Николича.

На месте Николич убедился в наличии злоупотреблений и хищений, и арестовал весь состав Кушманской семенной тройки. Следствие получило и данные о причастности к семенным злоупотреблениям Ишимова, Низамутдинова и Га-тауллины Шафигуллы, тогда заместителя председателя Свияжского кантисполкома. Николич арестовал Ишимова, и тот

просидел три дня. Были получены и сведения о передаче Гатауллину взятки в виде лошади. У него даже был проведен обыск.

Николич ночевал у судьи Иксанова. Вот туда ночью и нагрянул Гатауллин, обеспокоенный активными действиями следователя Николича. В результате Николич сам был арестован. В аресте принимали участие: Гатауллин с наганом, председатель сельсовета Валиуллин с винтовкой. Следственный материал у Николича забрал Гатауллин. Дело было небольшое, содержало отдельные протоколы допросов гражданина Б. Кушмана и письма-записки на татарском языке. Николича отвели в караулку и под конвоем отправили в Свяжский арестный дом. Когда Николича вели на конец деревни в караулку, он уже думал, что его расстреляют.

На следующий день Гатауллин и Иксанов поехали в Свяжск – по пути заезжали к Ишимову, пили чай. На квартире у Ишимова был и Низамутдинов. При этом Ишимов говорил, что если Низамутдинова назначат уполномоченным НКЮ, то он, Ишимов, доставит его на своих лошадях в Свяжск.

Гатауллин в суде утверждал, что арестовал Николича на основании официальной бумаги, которую получил от уполномоченного НКЮ Жиркова. Якобы Николич допускал явно незаконные действия (арестовал Ишимова и т.д.). Жиров эти сведения отрицал, утверждая о полной законности действий Николича. Гатауллин говорил, что дело семенной тройки передал Жирову, последний это отрицал.

Но главное – дело, материалы которого собрал следователь Николич, исчезло бесследно. Николич, усилиями Жиркова был освобожден из-под ареста. Вскоре после этого эпизода происходят и кадровые перестановки. Николичу пришлось уйти со службы. Жиркова снимают с должности, и на его место назначают Низамутдинова. Жиров за подписью трех ответственных работников Свяжска отправляет в

Казань телеграмму – о том, что нельзя назначать Низамутдинова на такой ответственный пост. Но эта телеграмма была перехвачена, до Казани не дошла, а оказалась в руках самого Низамутдинова.

Самого Шакура Рахимова несколько раз задерживали, и он сидел под стражей – в Чебоксарах, Свияжске, Казани. Но каждый раз благополучно выходил на свободу, так как никто против него показаний не давал.

Как мы обычно говорим в таких случаях: для того, чтобы ликвидировать банду Ш. Рахимова, до поры до времени просто не было политической воли. На банду не обращали серьезного внимания. Но любое дело доходит до своей крайней точки. К сожалению, во многих подобных случаях, лишь толчок к решительным действиям с самых верхов дает результат. Да и сегодня мы часто наблюдаем: как выразит недовольство президент, так силовики развивают бурную деятельность, и всё раскрывают, всех разоблачают, выводят на чистую воду. И всегда хочется спросить: что мешало сделать то же самое раньше, без пинка сверху? Это я просто так, ударился в философские размышления. Вернемся к реальной действительности, точнее, к работникам органов юстиции.

На заседании комиссии ОКК по проверке Свияжской партийной организации 10 февраля 1926 года (в составе – Новиков, Чирков) принимается решение: исключить из рядов ВКП(б) нарсудью 3 участка Свияжского кантона Бикмурзина Сабира – за соучастие в преступлениях конокрадов (прекращение и незаконное решение ряда дел на конокрадов, получение от конокрадов взятки лошадьми и т.д.).

В этот же день исключается из партии начальник Свияжской, а потом Лаишевской кантонной милиции Габидуллин Ярулла Ахматович (пьянство, общение, содействие конокрадам, непринятие мер против бесчинства конокрадов, убивших сына Даминовой, причинивших увечья Даминовой, Даминову). Указано, что Габидуллин от следствия скрывается.

В другом решении проверочной комиссии на Иксанова Акмалютдина Шарафутдиновича (кандидат в члены ВКП(б), судья) указано, что он является соучастником Низамутдинова и Гатауллиной, совместно с бывшим заместителем председателя кантисполкома Гатауллиным уничтожил уголовное дело по обвинению соучастников конокрадов Ишимова, Низамутдинова и других.

Также 10 февраля 1926 года из партии исключается бывший начальник Свияжской кантонной милиции Сагеев Ганней Сабирович, член партии с 1917 года – за соучастие и связь с конокрадами Шакуром Рахимовым, Мазитовым, за совместное с ними пьянство, получение от конокрадов лошадей.

Кандидат в члены ВКП(б) народный следователь 2 участка Свияжского кантона Ишимов исключается из партии за общение и связь с конокрадами, получение от них взяток, за задержку дел на конокрадов и прочее.

Председатель сельсовета, кандидат в члены ВКП(б) Ярханов исключается из партии за пьянство с конокрадами, непринятие мер к выявлению конокрадов, ряда других должностных преступлений, непринятие мер к убийцам Даминова.

Более подробно описано в протоколе заседания комиссии дело Низамутдинова Гилямотдина (член ВКП(б), родился в 1895 году, происходит из крестьян Свияжского кантона, служащий, последнее место работы – помощник прокурора по Свияжскому кантону). Обвинялся в пьянстве и общении с ворами – конокрадами Шакуром Рахимовым, Гарифом Мазитовым, Асатом и Адятом Зайнуллиными из Кушман как в бытность судьей, так и помощником прокурора по Свияжскому кантону, получение взятки от Шакура, получение взятки от гражданина Барамышникова, в силу чего шайка конокрадов работала совершенно безнаказанно. Низамутдинова также обвинили в хозяйственно-кулаческом обрастании, что

выразилось в кабальном приобретении в 1921 году двух домов, а также в сокрытии преступлений семенной тройки деревни Кушман, незаконном преследовании и аресте граждан деревни Кушман Шарафутдинова, Гафиуллина и других.

Комиссия ОКК исключила Низамутдинова из партии, добавив в резолютивную часть новые обвинения: «незаконные аресты жалобщиков, хозяйственно-кулаческий уклон, другие некоммунистические поступки».

В протоколе комиссии на бывшего председателя Свяжского кантисполкома Гатауллина Шафигуллу, кроме общих обвинений, выделим обвинения в уничтожении в личных целях следственного материала, в незаконном аресте следователя Николича.

Удивляет, как такой человек занимал должность председателя кантисполкома, если он:

был судим военным трибуналом за укрывательство дезертиров;

исключался из партии за ряд некоммунистических поступков;

во время сбора хлеба ранил совершенно невинного человека и тот остался инвалидом;

закключал сделки на землю со своим отцом в личных целях, и т.д.

Бикчентаев Хайрутдин, 1894 года рождения, начальник Свяжской кантмилиции (1921-1923 г.г.), председатель Свяжского кантисполкома (1923-1925 г.г.), был исключен из партии за систематическое пьянство, общение с бандитами – конокрадами, пьянство с низами, противопоставление советского аппарата партии.

В ходе проверок чиновников наказывали за малейшую связь с конокрадами. Бывшего секретаря ячейки Молькеевской волости Хикмата Самяткина исключили из партии за то, что он пьянствовал с конокрадами, раскатывал с ними на

лошади, получил лошадь от Гарифа Мазитова и даже женился на дочери конокрада! На общем собрании граждан в селе Молькеево народ высказал и подтвердил все эти обвинения в адрес Самяткина¹⁶.

Преступления большинства должностных лиц, работников различных органов государственной власти заключались в том, что они были в дружбе с главарем, членами шайки, вместе с ними гуляли и пьянствовали, закрывали глаза на происходящее. Но были и более конкретные действия.

Например, председатель сельсовета Ярханов, кроме этого, обвинялся в том, что не выполнял правила по учету лошадей, давал заведомо ложные справки о нахождении Мазитова в бегах, когда тот не скрывался, а жил в деревне.

Одна из похищенных лошадей оказалась у отца секретаря сельсовета Амирова. Потерпевший Николаев со своим сыном и милиционером приехали искать лошадь в Чутеево. Они попытались было осмотреть хозяйство отца Амирова, но тот их не пустил. Потерпевший продолжал шуметь, и Амиров через месяц сообщил ему: мол, лошадь твоя нашлась, забирай. Правда, за «прокорм» лошади Амиров содрал с потерпевшего 30 рублей денег! Кроме этого, по отдельным свидетельствам, для Амирова члены банды собрали деньги, и купили ему лошадь. Амирова также обвиняли в получении пальто от Шакура Рахимова. Это основывалось на показаниях жены Шакура.

Когда в 1922 году украли лошадь у отца начальника милиции Сагеева, тот бросился на поиски в Чутеево, но свою лошадь здесь не нашел. Сагеев тогда провел в деревне облаву и задержал четыре краденые лошади. Одну лошадь он вернул за 30 рублей, вторую отпустил. Одну краденую лошадь Сагеев просто забрал себе.

Сагеев имел богатое революционное прошлое. До революции сидел в тюрьмах за политические убеждения, затем

¹⁶ ЦГА ИПД РТ. Уполномоченный ОКК ВКП(б) по Свияжскому кантону. Фонд 1220, опись 1, дело 674. Выписки из протоколов... 1926 г.

был рабочим. Активно участвовал в борьбе с контрреволюцией, во время восстания татарского запасного полка он в бою против восставших получил 10 ран и повреждение черепа.

Лошадь получил и председатель Молькеевского вол-исполкома Тюльматов. Его потом обвинили в неприятии мер по проверке учетных конских карточек шакуровцев.

Одна краденая лошадь, ранее принадлежавшая крестьянину Романову, впоследствии оказалась у начальника милиции 3 участка Свияжского кантона Сайдашева. Когда потерпевший явился и потребовал свою лошадь, то Сайдашев и начальник кантмилиции Сагеев прогнали его.

Уровень взяток того периода, по сравнению с сегодняшними реалиями, был, конечно же, мелок, и соответствовал экономической ситуации. В показаниях мы читаем о лошадях, самоваре, пальто, продуктах, ткани и т.д.

Ишимов Мухамед, народный следователь, играл в преступлениях шайки важную роль. Судебный корреспондент рисует его как скромного и застенчивого человека. В обвинительном заключении перечислены 9 эпизодов преступной деятельности Ишимова. Он прекращал дела на конокрадов, либо волокитил их, необоснованно направляя в другие органы. Ишимова, в частности, обвиняли в том, что он уничтожил поступившее к нему дело о шакуровцах, уничтожил протокол о разделе краденной мануфактуры.

От секретаря сельсовета Ишимов узнал о хранении у Адеева мануфактуры, похищенной членом шайки Алимовым. При обыски у Адеева обнаружили и изъяли 600 аршинов мануфактуры. Но дела не появилось. Новые воры просто разделили ворованное – в дележке участвовали секретарь сельсовета Ярханов, милиционер Молькеевской волости Булатов Рахим. Отпало даже понятому – караульщику Козлову Сафи. Адеев с экспроприацией согласился. Именно эту мануфакту-

ру впоследствии нашли при обыске на чердаке у председателя сельсовета Ярханова.

По поводу обыска у Адеева никакой протокол не составлялся. Милиционер Булатов Рахим на вопрос прокурора Рогинского о причинах этого ответил: «не хотел заводить бумажной волокиты».

Что же сделал Ишимов в отношении Адеева? Он его продержал одну ночь в канцелярии. Затем Ишимов допросил Булатова и, в частности, задал ему такой любопытный вопрос: «Почему вы не оставили мне долю?» Булатов ответил: «Твоя доля не пропадет». Вот такие были нравы, такие порядки.

Судью 2 участка Свияжского кантона Сабир Бикмурзина, кроме обвинений общего характера (пьянство с конокрадами и т.д.), обвиняли и в вынесении судебных решений в пользу членов шайки. В частности, он рассматривал уголовное дело на чутеевских конокрадов Тухватуллина и Салахутдинова (кличка Корсак) по ч. 2 ст. 181 УК РСФСР (покупка заведомо краденого в виде промысла с целью сбыта). Улики были налицо, и Бикмурзин признал подсудимых виновными. Но применил к ним амнистию в честь образования Татарской республики и от наказания освободил. Свое решение судья Бикмурзин обосновал тем, что Тухватуллин «погорел» (то есть у него сгорел дом), а Салахутдинов является многодетным. И самое интересное: судья в решении указал, что заведомо краденая лошадь подлежит возврату – но не потерпевшим, а подсудимым.

На самом деле лошадей вернули только на бумаге, фактически они остались у судьи Бикмурзина. Свидетели по делу показали, что Бикмурзин выезжал на этих краденых лошадях, а одну даже выставил на скачках на сабантуе!

В суде государственный обвинитель Рогинский доказал Бикмурзину, что тот неправильно применил положения закона по указанному делу, и что нельзя было возвращать коно-

крадам лошадей. Бикмурзин в ответ наивно вопрошал: «Лошадей куда было девать?»

Куда? В конце концов, судья мог вернуть лошадей их хозяевам, истинным потерпевшим, или, в крайнем случае, передать государству. Но он этого не сделал.

Еще один штрих к портрету судьи. Однажды милиционер Филиппов увидел в суде конокрада Амирханова и весьма удивился: тот находился в розыске! Милиционер побежал к судье Бикмурзину с предложением о немедленном задержании разыскиваемого. Судья отмахнулся от милиционера: «Охота тебе заниматься бумажной волокитой. Пускай его гуляет...».

Кстати, незадолго до чрезвычайных событий, в апреле 1925 года Рабоче-крестьянская инспекция Татарской республики проверяла работу судьи Бикмурзина и признала ее вполне удовлетворительной. Тогда РКИ в целом проводилось обследование всех работников наркомата и прокуратуры в Свияжском кантоне. Каких-либо серьезных замечаний в их адрес высказано не было.¹⁷

Милиционер Онисько в апреле 1924 года задержал члена шакуровской шайки Афлятунова. Его лошадь показалась Онисько похожей на краденую. Милиционер задержал подводу, в которой было разное имущество, а также лежал наган. Афлятунов убежал, Онисько с его подводой заночевал в ближайшей деревне. Ночью Афлятунов явился к Онисько и уговорил – тот вернул лошадь, подводу и все имущество, за исключением нагана и куска мыла, отданного возчику.

Онисько о случившемся никому не сообщил. Но его начальник Гайфуллин об этом все же узнал и вместе с Онисько поехал в Чутеево для дознания. Обыска при этом не проводилось. Чей был наган, так и не удалось доказать. Вещей уже не было.

¹⁷ Национальный архив Республики Татарстан. Фонд Р-990, опись 1, дело 459. Наркомат РКИ. Материалы проверки Наркомюста ...1925 г.

По состоянию на 1 октября 1925 года в Свяжской кантонной милиции числились 59 человек. При этом 3 начальника волостной милиции оказались членами шакуровской шайки.

Бывший начальник Свяжской кантонной милиции Габидуллин обвинялся в том, что он осенью 1924 года получил от Шакурова Сабира 30 рублей под видом уплаты за прокорм задержанной у него лошади. Габидуллин исключил эту лошадь из списка угнанных лошадей, находящихся в розыске.

В декабре 1924 года избитая Даминова написала заявление на имя помощника прокурора Свяжского кантона. Ее сын Даминов (Тимиршин) не знал, кому и как передать заявление. В итоге он передал заявление начальнику милиции Габидуллину. В заявлении Даминовой речь шла о незаконных действиях Ахтямова и Ярханова. Но заявление никуда не пошло, а просто пропало.

Начальника милиции Габидуллина также обвиняли в том, что он получил 150 рублей от братьев Тазетдиновых за уничтожение заявления Даминовой. Получение денег напрямую не доказывается, но факт утери заявления был налицо.

По уголовному делу достоверно был установлен факт передачи отреза шелка жене помощника прокурора Свяжского кантона Низамутдинова. Тогда зять Шакура Рахимов (Вафа Садыков) приехал на казанский базар и здесь его задержали с краденой лошадью. Задержанного потом отправили в Свяжск, где он и находился под арестом. Узнав о случившемся, Шакур Рахимов поехал в Свяжск на квартиру Низамутдинова и передал сверток с шелком его супруге Фатыме. В этот же день зять Шакура был освобожден. Низамутдинов в суде все эти факты признавал, хотя и не соглашался, что он освободил Садыкова именно за полученный женой шелк. Таким образом, в этом случае имела место классическая взятка.

О собственном зяте Шакуров в суде выразился так: «Ума у него немножко легкий». Видимо, по этой причине Шакур Ра-

химов и бросился спасать зятя, когда его поймали с краденой лошадей на казанском базаре. Зять мог проболтаться, и поэтому надо было его срочно вытаскивать. Что Шакур и осуществил при помощи помощника прокурора Низамутдинова.

В суде Низамутдинов не отрицал сам факт освобождения им Вафы Садыкова, зятя Шакура, но сильно возмутился, когда причиной этого освобождения указывали шелковое платье супруги помощника прокурора. По словам Низамутдинова, Садыков, психически ненормальный, буйствовал в тюрьме, а в больницу его не приняли, поэтому он и был освобожден.

«Почему об этом ничего не указано в постановлении об освобождении?» – интересуется прокурор.

«Технический недосмотр», – отвечает Низамутдинов.

Свидетельница Павлова, учительница, подтверждала, что Шакур ей показывал шелковую материю, и она ее ощупывала на кухне Низамутдинова.

Помощник прокурора Свяжского кантона Низамутдинов ранее работал народным судьей в этом же кантоне. И к нему поступило для рассмотрения уголовное дело по обвинению председателя Молькеевского волисполкома Барамышников в превышении власти. По показаниям Барамышникова, судья сам приехал к нему домой. Сидя за столом и принимая хлебосольное угощение, Низамутдинов сказал будущему подсудимому: «В моей ты власти. Могу пять лет припать, могу одним выговором ограничиться».

Барамышников и члены его семьи со слезами на глазах стали просить Низамутдинова «судить легче». Низамутдинов посмеялся и в знак согласия протянул Барамышникову руку. После крепкого рукопожатия золотое обручальное кольцо с руки Барамышникова переключало на руку судьи. «Будет мое в знак нашей дружбы!» – изрек судья. Кто же станет возражать против дружбы с судьей? А что с делом-то? Да никак, оно просто исчезло, как будто его и не было. Низамутдинов

в суде невразумительно объяснял, что дело он передал. Но сколько ни искали, это дело не нашли.

В заявлении на имя председателя комиссии Новикова от гражданина деревни Б.Кушман Кушманской волости Свияжского кантона Тимиршина Давлетши мы узнаем, что бывший помощник прокурора по Свияжскому кантону Низамутдинов нахальным путем захватил для своей личной наживы и выгоды часть леса, приобретенного в интересах населения для устройства моста через реку Кушман. По этому поводу крестьяне неоднократно подавали жалобы, но ничего не добились. Тимиршин в заявлении писал, что Низамутдинов ранее имел один дом и одну лошадь, а сейчас у него три дома и 2-3 лошади, приобретенные посредничеством «Шакурчины». В заявлении приводились и другие примеры злоупотреблений со стороны Низамутдинова.

В марте 1924 года по этому заявлению в отношении Низамутдинова проводилась проверка по признакам преступления, предусмотренного частью 1 статьи 105 УК РСФСР. Последний преподнес это как происки бывших кулаков. Свияжский кантком и исполком встали на защиту Низамутдинова и просили оставить его на работе. В результате уголовное дело на Низамутдинова 20 декабря 1924 года было прекращено за недостаточностью улик.

Гатауллин, в бытность его заведующим Свияжским кантонным земельным отделом, подписал договор о сдаче земли в количестве 100 десятин в аренду на 12 лет пяти гражданам. В числе этих граждан оказались отец Гатауллина, его дядя и один работник кантземотдела. Типичное распределение земли, оно существует и сегодня.

Договор не прошел заключение у консультанта, и был сразу внесен на рассмотрение Президиума Свияжского кантисполкома. Доклад сделал сам Гатауллин, но лишь в общих чертах, без деталей, и договор был утвержден. Впоследствии

Наркомзем дал заключение о неправильности договора во всех отношениях.

Еще один эпизод из обвинения Гатауллина – в результате его действий стал инвалидом Ахмадеев. В 1920 году во время хлебной разверстки Гатауллин был уполномоченным по сбору хлеба. Вечером он встретил на улице группу людей, которые вели тихий подозрительный разговор. Он им крикнул: «Стой!» Шаги продолжались, и тогда Гатауллин выстрелил в воздух.

Потерпевший, который прибыл в суд, опираясь на клюшку, описал совсем другую картину. Он с товарищами шел по улице, пели песни. Навстречу им попался пьяный Гатауллин. Он крикнул – «стой» и выстрелил в ногу Ахмадееву.

Гатауллин в суде сбивчиво объяснял, что в то время было беспокойно, со стороны крестьян были жалобы на воровство. Да и темно было в тот вечер, ничего не видно. Он не отрицал, что выстрелил, и пуля попала в ногу Ахмадеева, но утверждал, что это произошло случайно. Это уголовное дело было прекращено в 1921 году по амнистии.

На беспартийной конференции гражданин Лебедев задал вопрос Бикчентаеву: «Можно ли местной администрации пьянствовать с бандитами», имея в виду дело конокрадов. Бикчентаев демонстративно ответил утвердительно.

Цивильский уездный комитет, также страдавший от деятельности банды Ш. Рахимова, ставил вопрос о совместной борьбе против конокрадов. 22 февраля 1924 года Свияжский кантонный комитет партии рассмотрел вопрос о решении бюро Цивильского уездного комитета партии от 5 января 1924 г. Из Цивильского уезда тогда написали, что органы власти Свияжского кантона не оказывают помощи в борьбе с конокрадством в с. Чутеево. С гневным несогласием против этих обвинений выступили Бикчентаев, председатель кантисполкома, Низамутдинов, помощник прокурора и другие.

Бикчентаев тогда авторитетно заявил, что в этом нет необходимости, мол, справимся сами.

В суде Бикчентаев утверждал, что с конокрадами не являлся, принимал меры к их поимке, предложив милиции установить за ними серьезное наблюдение. Бикчентаев также пояснял, что он понадеялся на старших партийных товарищей, себя он назвал «молодым политиканом».

Бикчентаева, в частности, обвиняли в том, что он тоже попользовался у конокрадов лошадью. Однажды у шурина Бикчентаева украли – нет, не лошадь, а корову. Следы вели в Чутеево. Бикчентаев приехал в Чутеево и провел ревизию местного стада, но корову шурина не нашел. Вместо коровы Бикчентаев забрал у конокрадов лошадь. В суде же Бикчентаев утверждал, что купил эту лошадь на свои и шурина деньги.

По этому же делу в тюрьме оказался и милиционер Симуков. Когда-то на его квартире с участием начальства случилась большая пьянка. Симуков из тюрьмы отправил жене записку и дал ей инструкцию – что говорить на допросе. Письмо перехватили. Из его содержания следовало, что тогда у одного самогонщика изъяли бочонок хмельного зелья. Бочонок раскупорили на квартире у милиционера Симукова и началась пьянка, в которой участвовал и Бикчентаев. Впрочем, как пел Высоцкий:

«Сначала пошли плясать в избе,
Потом дрались не по злобе,
И все хорошее в себе доистребили».

В завершение банкета Бикчентаев, как следовало из письма Симукова, стал стрелять в потолок...

В уголовном деле, в показаниях отдельных лиц (самого Шакура Рахимова, некоторых должностных лиц) имеются отдельные подтверждения того, что Шакур Рахимов оказывал определенную помощь отдельным голодающим, в частности, бесплатно раздавал им муку. Подтверждали это и жители де-

ревни Чутеево. Были отдельные случаи, когда Шакур Рахимов возвращал обратно украденных коней, когда их хозяева являлись в Чутеево.

Хотя это и были единичные случаи, но через них создавался некий ореол благодетеля, спасителя крестьян.

Шакур Рахимов был горазд на шутки и в суде, в частности, заявил: «Начальники постоянно околачивались у меня, только Ленина и Троцкого не хватало!» Шутник, однако.

Первоначально Верховный суд объявил, что дело будет разбираться с 10-го сентября 1926 года. По различным причинам процесс откладывался. Тут еще трое активных членов банды совершили побег из тюрьмы. Это вызвало явное недовольство населения и, соответственно, не работало на авторитет судебных органов.

Суд над бандой конокрадов Шакура Рахимова шел под председательством Немцова Николая Михайловича, судьи уголовной коллегии Верховного Суда РСФСР. Немцов Н.М. – соратник В.И.Ленина, один из активных участников революции 1905 года, очень эрудированный человек, прошедший аресты и ссылки. Н.М. Немцов в 1937 году выступил против необоснованных репрессий. В итоге он был сам арестован и расстрелян.

Корреспондент газеты «Красная Татария» в своих судебных очерках несколько раз ошибочно называет Немцова Н.М. председателем Верховного Суда, не называя уровень суда (Татарской Республики или РСФСР).

Другой известный юрист, Григорий Константинович Рогинский, прокурор уголовно-судебной коллегии Верховного Суда РСФСР, поддерживал по делу государственное обвинение. Рогинский был весьма подготовленным юристом, до этого принимал участие во многих громких судебных процессах того времени, поддерживая государственное обвинение, в том числе и на политических процессах, был ближайшим со-

ратником прокурора СССР Вышинского. Рогинский, в силу своего служебного положения, не мог остаться в стороне от массовых репрессий, и был причастен к арестам и осуждению многих своих коллег. Судьба Рогинского похожа на судьбы многих других участников массового террора. Он в 1939 году был арестован с должности заместителя прокурора СССР и осужден к 15 годам лишения свободы.

Суд начался 5 ноября 1926 года. На скамье подсудимых оказались 48 человек.

Прокурор вел процесс умело. Он активно задавал вопросы Шакуру Рахимову и его подручным, оглашал материалы уголовного дела. Защитниками в судебном процессе выступали известные адвокаты Бельский, Бекетов, Бабаджан, Ксенократова, Поздеев, Соркин, Ушаков.

Суд заслушал постановление общего собрания крестьян разных кантонов, собравшихся в Центральном Доме Крестьянина. Поступила и телеграмма от Цивильского уездного исполкома. В обоих обращениях было требование о применении к бандитам расстрела.

По словам защитника Бельского, «большинство обвинений основано на сказках». По эпизодам о конокрадстве нет потерпевших, свидетелей. Основного изобличителя Хасанова Мирзу он охарактеризовал как человека с запачканной репутацией.

Защитник Ушаков в судебном процессе заявил: «Советская власть настолько прочна, что грязная чутеевская кучка ни в коей мере ей угрожать не может».

В целом защитники говорили о небольшой социальной опасности подсудимых, и считали для них достаточной изоляцию (то есть лишение свободы), но никак не расстрел.

Государственный обвинитель Рогинский в своем выступлении подчеркнул, что нельзя усматривать в Шакуровщине только простую уголовщину. По его словам, перед судом

предстала банда, действовавшая десятки лет, связанная дисциплиной, наводившая страх на окрестное население.

Рогинский сделал вывод о наличии по делу банды, требуя осудить виновных по ст. 76 Уголовного кодекса РСФСР.

Процесс шел 25 дней. Приговор был оглашен 2 декабря 1926 года. К расстрелу приговорили 16 человек. Вскоре, в день начала по всему Советскому Союзу переписи населения, приговор о расстреле был приведен в исполнение.

Из числа должностных лиц к расстрелу были приговорены председатель сельсовета Ярханов Файзрахман, следователь Ишимов Мухаммед, судья Бикмурзин Сабир. С учетом их роли, совершенных преступных действий, полагаю, что приговор в целом является справедливым. Следствие и суд добыли достаточно доказательств о совершении ими умышленных, целенаправленных действий в интересах банды. Конечно, сегодня за эти же действия расстрел не дали бы, но такое было тогда время...

Хасанов Мирза, основной свидетель обвинения, получил 3 года лишения свободы условно.

Бикчентаева суд осудил к лишению свободы на один год с зачетом предварительного заключения и освободил из-под стражи.

Милиционеры Онисько Николай, Симуков Петр, Габидуллин Ярулла получили по одному году лишения свободы, с зачетом предварительного заключения, Онисько освободили.

Помощник прокурора Низамутдинов получил 4 года лишения свободы, с поражением в правах на 3 года.

Гатауллин Шафигулла, Тюльматов Филипп лишаются свободы на 5 лет.

Сагеев и Сайдашев получают по 8 лет лишения свободы.

7 человек были оправданы, в том числе судья Иксанов Акмалетдин, председатель волисполкома Барамышников,

6 человек освободили из зала суда по отбытию наказания в следственном изоляторе¹⁸.

Во время оглашения приговора один из преступников Замалетдинов разметал конвой, опрокинул стол прокурора и бросился в сторону судей. Работник милиции застрелил бандита. Оглашение приговора продолжилось...

В суде Шакур Рахимов обмолвился, что о своем деле хотел сообщить в Москву, Калинин. Может быть, и сообщил? По отдельным устным свидетельствам, после оглашения приговора русская сноха Шакура Рахимова Даша везла из Москвы документ об освобождении Шакура Рахимова и его близких, и якобы этот документ был подписан первым лицом НКВД. Однако потом последовал телефонный звонок с приказом: «срочно привести приговор в исполнение»¹⁹.

Однако эта версия мне представляется не более чем слухами. Выйти на наркома НКВД РСФСР, находясь под стражей более года, Шакур Рахимов вряд ли смог. Да и нарком не рискнул бы отменить приговор Верховного Суда РСФСР. Догадки, предположения, слухи...

Суд закончился, но его отголоски продолжались еще долго. Представитель Молькеевской волости Павлов на заседании Свияжской кантпарторганизации 22 декабря 1926 года заявил, что Верховный суд по отношению к Бикчентаеву и Мазитову Гарифу (конокраду) проявил мягкотелость.

В 1927 году был опубликован небольшой очерк С. Файзуллина и Н. Бахти «Шакур-карак». Один из авторов очерка (Файзуллин) участвовал в судебном рассмотрении уголовного дела как общественный обвинитель. То есть он был хорошо осведомлен об обстоятельствах и деталях дела. В очерке подробно описана история, родословная Шакура Рахимова,

¹⁸ Национальный архив Республики Татарстан. Фонд Р-3870, опись 12, дела 5-40. 1925-1926 гг.

¹⁹ Ильсия Шакурова. Шакур Рахимов – король конокрадов? // Газета «Первое сентября».

дана оценка деятельности банды в целом, охарактеризованы отдельные участники банды. Даже проведен криминологический анализ такого преступления как конокрадство. По данным авторов, конокрадство особенно сильно развито у татар – 90% конокрадов в Татарстане были татары. Преступная профессия конокрада передавалась по наследству. Конокрады гибли за лошадей – как до революции, так и после нередко были случаи, когда пойманным конокрадам устраивали самосуд и забивали до смерти. Такой жестокой участи не избежали и отдельные представители рода Шакура Рахимова. Но и это не останавливало конокрадов.

В 1927 году бывший председатель Свияжского кантисполкома Бикчентаев обратился к прокурору Татарской Республики с заявлением о несогласии с книгой Файзуллина и Бахтиярова «Шакур-карак», которая была издана Госиздатом в январе 1927 года на татарском языке. Бикчентаев пишет, что в книге есть ряд неточностей, и он лично рисуется как укрыватель и единомышленник шайки конокрадов. С этим бывший председатель кантисполкома решительно не согласился, указав, что Верховный суд его осудил по ст. 107 УК РСФСР, а по остальным обвинениям реабилитировал. Соответственно Бикчентаев требовал внесения уточнений в книгу, дать разъяснения в печати, привлечь редакторов книги к ответственности²⁰. Его требования были отклонены.

7 мая 1927 года Президиум Областной контрольной Комиссии ВКП(б) отклонил апелляцию исключенного из партии Бикчентаева. Напрасно он доказывал, что оправдан по суду. Выступавшие сошлись на том, что Бикчентаев был замешан в деле Шакурова, и партийное наказание является заслуженным.

Нельзя сказать, что Чутеевское дело было каким-то особым случаем. Оно было наиболее характерным и, как писали

²⁰ ЦГА ИПД РТ. Татарский Обком ВКП(б). Фонд 15, опись 2, дело 46. Переписка... 1926-1927 г.г.

в одной из статей, прогремело на всю страну. Аналогичные дела были и в других районах.

Например, в том же 1926 году по Бугульминскому кантону Верховный суд осудил более 30 конокрадов и их пособников. Среди последних были председатель сельсовета, делопроизводитель отдела конского учета Бугульминского военкомата, начальник Абдуллинской районной милиции. Упоминается и о следователе Бугульминской прокуратуры, который выпустил двух главарей шайки, уничтожил уголовное дело и сбежал с изъятыми у банды вещественными доказательствами – 500 червонцами золотом²¹.

По результатам расследования и осуждения конокрадов занялись и профилактикой – ввели дежурства агентов милиции, которые проверяли все конские карточки. В результате конокрадство пошло на спад. Если в 1923-1924 г.г. было 512 случаев конокрадства, то в 1924-1925 г.г. – 327 случаев, а в 1925-1926 г.г. – 251 случай, т.е. оно снизилось в два раза. Раскрываемость конокрадства в 1925 году составила 42%, а в 1926 году – 80%²².

И еще одна мысль в завершение. Скорее всего, именно из-за Свяжского дела в феврале 1926 года покинул свой пост наркома юстиции и прокурора республики Гимаз Богаутдинов. Ведь в преступлениях банды Шакура оказались замешанными работники органов юстиции и прокуратуры. Все они принимались на работу, перемещались по должности решением наркома юстиции. Более того, в показаниях, заявлениях отдельных участников тех событий (например, Николича) были утверждения о том, что нарком Богаутдинов покровительствовал указанным работникам юстиции Свяжского кантона, в частности, тому же Низамутдинову. Прямых подтверждений этого в нашем распоряжении не имеется. Но сам

²¹ Илья Шерстнев. На рубеже. Казань, Тат. кн. издательство. 1990 г. С. 6-7.

²² Национальный архив Республики Татарстан. Фонд Р-3622, опись 1, дело 139. Наркомюст ТАССР. Материалы о деятельности... 1926 г.

факт участия работников органов юстиции и прокуратуры в преступлениях банды Шакура Рахимова был уже достаточным основанием для отставки наркома юстиции и прокурора республики.

Еще раз оговорюсь, что в настоящем очерке основное внимание уделено работникам органов прокуратуры, юстиции, милиции, органов власти, которые оказались причастными к деятельности банды Шакура Рахимова. Интересующиеся этим делом могут обратиться к очерку заместителя председателя Верховного суда Республики Татарстан М.В. Беяева под названием «Всадник по имени Смерть» (В книге «Бандитский Татарстан», Казань, 2015 г.).

ПРОКУРОР ПО СПЕЦДЕЛАМ

Я долго думал – писать ли про Егорова, заместителя прокурора Татарской республики по спецделам в период репрессий тридцатых годов, через которого проходили все дела по контрреволюционным преступлениям. Перелопатив огромное количество архивных документов, я не нашел ни одного случая, ни одного примера, чтобы он поступил вопреки мнению НКВД.

С другой стороны, думал я, выступил бы он против, его арестовали бы и поставили другого. Но, прочитав воспоминания председателя Казанского городского Совета Аксенова П.В., я пришел к твердому убеждению – про этого человека надо написать, хотя его и не судили.

Егоров Сергей Николаевич родился в 1900 году в Воронежской области, имел незаконченное среднее образование. Он участвовал в гражданской войне, в 1918–1923 гг. служил в Красной Армии, последняя должность – комендант бронепоезда «Умрем или победим». В органах прокуратуры работал с 1926 года, в том числе в Тамбове, Воронеже. В 1932 году за стойкую борьбу за революционную законность был награжден Почетной грамотой и деньгами.

Также в 1932 году получил строгий выговор – за нетактичное приобретение лошадей для прокуратуры. Это было в Воронеже, когда Егоров работал районным прокурором. Нетактичное приобретение лошадей выразилось в обмене лошади прокуратуры.

Приказом прокурора СССР от 15 января 1936 года Егоров был назначен заместителем прокурора Татарской республики по спецделам, прибыл в Казань в феврале 1936 года.

С 17 по 20 февраля 1937 года в прокуратуре республики проходило закрытое партийное собрание. Началось оно после окончания рабочего дня, в шесть часов вечера. Секретарь парткома прокуратуры республики Пиндрус рассказала об итогах февральского Пленума Казанского горкома ВКП (б). На Пленуме горкома говорилось о вредительстве на предприятиях города – заводах СК-4, № 40 и других.

Первым в прениях выступил Егоров – заместитель прокурора по спецделам. Он заявил, что в организациях и на предприятиях творятся чудовищные преступления, что в партии до сих пор были контрреволюционеры-вредители. Егоров признал, что прокуратура плохо борется с вредительством, что оно есть и на других предприятиях. Он упомянул и о том, что в решении Пленума горкома отдельно записано о недостаточной бдительности органов прокуратуры, в частности, по делу гармонной фабрики.

Со слов Егорова, «мы происшествия на предприятиях, аварии рассматриваем как нарушение техники безопасности или же расцениваем как простую халатность, а это неверно, нужно смотреть глубже. Я должен сказать, что серьезного отношения к такого рода делам с нашей стороны еще нет. Мы, как коммунисты, должны быть везде начеку, нам еще больше нужно смотреть на каждое дело в корень».

22 июля 1937 года прокурор Татарской республики Лейбович обращается в Татарский обком с письмом на имя секретаря обкома партии Лепа и заведующего отделом Аникина. Лейбович сообщает, что в феврале 1936 года прокуратура СССР направила на должность заместителя прокурора Татарской республики по спецделам Егорова С.Н. Далее Лейбович дает оценку работы Егорова: «Год с лишним работы в этой должности показали о том, что тов. Егоров совершенно не соответствует для данной очень ответственной работы, по своему низкому политическому уровню. В силу этого он часто не

в состоянии разобраться в некоторых политических вопросах, избегает личного участия в допросах по политическим делам, не в состоянии руководить аппаратом и совершенно не пользуется авторитетом ни среди работников спецотдела прокуратуры, ни работников НКВД. Короче говоря, он как заместитель не соответствует своему назначению».

Лейбович предлагает – для пользы дела освободить Егорова от занимаемой должности заместителя по спецделам и назначить на его место Корнева И.В., старшего помощника прокурора Татарской республики. В отношении Егорова Лейбович предлагает – использовать его на менее значимой работе, при условии направления на учебу, либо откомандировать в распоряжение Прокуратуры СССР²³.

Однако с предложением Лейбовича не согласились, Егоров остался на своем месте. И, более того, когда вскоре Лейбовича обвинили в неудовлетворительной борьбе с врагами народа и сняли с должности, то обязанности прокурора республики с 29 октября 1937 года, согласно распоряжению прокурора РСФСР, стал исполнять именно Егоров.

Думаю, что Егоров был оставлен на своем месте потому, что, в первую очередь, он устраивал НКВД.

В начале 1938 года на фронте репрессий ситуация кардинально меняется – оказалось, перестарались. В августе 1938 года Егорова освобождают от занимаемой должности и направляют на Высшие академические курсы в Москве. Вместо него заместителем прокурора Татарской республики по спецделам назначается Каравашкин.

В январе 1939 года после окончания учебы Егоров возвращается в Казань. Но его должность была занята. Егорову предлагают другие должности – от них он отказывается и снова возвращается в Москву. В мае 1939 года его увольняют из прокуратуры – как указано в приказе, на основании поста-

²³ Партархив Татарского Обкома КПСС. Фонд 15, опись 3, дело 1872.

новления оперативного совещания при прокуроре РСФСР от 20 мая 1939 года, в соответствии с пунктом «в» ст. 47 КЗоТ РСФСР (т.е. в случае обнаружения непригодности нанявшегося к работе).

После увольнения из прокуратуры Егоров С.Н. работал секретарем партбюро транспортного отдела завода им. Ленина. Отсюда его в 1942 году назначили членом военного трибунала Казанской железной дороги. При этом возник вопрос о причинах увольнения Егорова из прокуратуры. В своем объяснении на имя председателя военного трибунала Казанской железной дороги от 12 июня 1942 года Егоров писал, что в 1937 году им «были допущены некоторые ненормальности по делам». Свое увольнение Егоров объяснил тем, что новый прокурор Татарской республики Перов в 1939 году направил по своей инициативе в прокуратуру РСФСР список уголовных дел за 1937 год, по которым были допущены «ненормальности», в том числе и Егоровым. По мнению Егорова, Перов не хотел, чтобы Егоров вернулся после окончания Высших академических курсов в Казань в качестве претендента на должность прокурора республики. В результате Егорова уволили из прокуратуры, хотя и перед этим предлагали занять должность заместителя прокурора г. Москвы и первого заместителя Сталинградского областного прокурора. Напомним, что это версия самого Егорова.

В июне 1942 года Егоров начинает работать членом военного трибунала Казанской железной дороги. В декабре 1942 года его арестовали на 5 суток – за пьянство в служебном вагоне и непристойное поведение во время командировки. В марте 1943 года его арестовали уже на 8 суток за пьянство в буфете станции Казань, появление в нетрезвом виде на улице и в трибунале. В мае 1943 года случай повторился – на Егорова подала заявление проводница служебного вагона, сообщив, что он пьянствовал во время командировки, вел себя

непристойно по отношению к проводнице. В июне 1943 года Егоров увольняется из военного трибунала²⁴.

Обратимся к воспоминаниям Аксенова Павла Васильевича, бывшего председателя Казанского городского Совета. После непрерывных избиений он был вынужден признаться в создании контрреволюционной организации в Казанском городском Совете. После этого состоялась его встреча с прокурором.

Аксенов П.В. пишет: «... примерно 20 апреля ночью снова привели в кабинет Крохичева, и там я увидел новое, не известное мне лицо. Крохичев, представляя меня, сказал:

– Вот это и есть Павел Васильевич Аксенов.

– Очень приятно, – протянул мне руку неизвестный.

Я вопрошающе посмотрел на Крохичева. Он как ни в чем ни бывало весело сказал:

– Познакомьтесь, Павел Васильевич, перед вами – исполняющий обязанности прокурора республики товарищ Егоров.

Как нас учили в тюрьме, я встал навтыжку и произнес:

– Здравствуйте, гражданин начальник!

Потом меня стали спрашивать о самочувствии. Кое-как отвечая на вопросы, я сосредоточил все внимание на возможности использовать представившийся случай, чтобы рассказать прокурору республики о попрании всех законов советского государства, и потребовать расследования и прекращения этого производства.

Я, разумеется, понимал опасность задуманного, более того, понимал, что прокуратура давно превратилась в один из элементов огромной машины подавления, и, тем не менее, не мог сдержать себя.

Выждав подходящий момент, я стремительно поднялся и очень коротко, но в оголенной форме рассказал о насилии, применявшемся ко мне, о своем отказе от вынужденных по-

²⁴ Национальный архив Республики Татарстан. Фонд Р-3622, опись 5, дело 155. Наркомюст ТАССР.

казаний, и потребовал защиты от произвола Крохичева и его друзей.

Заканчивая свое заявление прокурору, я увидел поднявшуюся надо мной махину Крохичева – выпученные глаза его налились кровью, а сжатые кулаки готовы были обрушиться на мою голову и раздробить ее. В какую-то долю секунды я заметил легкое движение руки прокурора, закрывшего выход энергии Крохичева. Он сел и впился в меня ненавидящими глазами. И в это время я услышал бесстрастный, холодный голос Егорова:

– И это все, что вы хотели сказать мне?

– А разве этого мало? – с трудом проговорил я. Моя энергия упала, и я еле держался на ногах. – Разрешите мне сесть, гражданин начальник, мне трудно стоять.

– Ну, что ж, садитесь.

Я сел. Прокурор внимательно посмотрел в мою сторону, улыбнулся, покачал головой и произнес:

– Неужели вы думаете, Аксенов, что у прокурора республики нет других дел, кроме выслушивания разных глупостей?

– То, что я высказал Вам, – не глупости, а трагедия человека и, если хотите, трагедия правосудия.

– Ах так, я вижу, ты не только глупец, но еще нахал и хам. Встать! – злобно прокричал прокурор.

Я встал, еле держась на ногах. Мысли мои спутались, окружающие люди и предметы расплылись и превратились в призраки каких-то неясных, неопределенных очертаний. Мне снова захотелось попросить разрешения сесть, но, не успев сделать это, я услышал удар и падение своего тела. Мне неясно, кто ударил, в какое место, но хорошо запомнилось, что меня, лежащего на полу, продолжали бить – может быть, сапогами, может, другими тупыми предметами, и я чувствовал боль, а потом все исчезло...

В общем, меня снова молотили, молотили жестоко, безжалостно, так, как и полагается профессиональным палачам. В перерывах, когда меня приводили в порядок, чтобы я мог чувствовать боль и понимать бесперспективность сопротивления, со мной говорили, уговаривали, внушали и... снова молотили. Молотильщиков было двое: Крохичев и прокурор республики Егоров. Иногда мне казалось, что он соревнуется с Крохичевым в упражнениях над беззащитным зеком, стараясь нанести удар сильнее и в более чувствительное место. В его облике исчезли не только респектабельность, но и все, из чего складывается человек. Он бил меня с каким-то сладострастием, свойственным садистам. В один из моментов этой ужасной ночи Егоров вдруг обратил мое внимание на то, что он – прокурор республики, и потому я должен относиться к нему более уважительно. И тут я снова не выдержал. Собрал все свои силы, я как можно спокойнее сказал:

– Прокурор? Нет, нет, ты не прокурор, ты просто бандит, выродок, рвань человеческая, сволочь!

Эта моя вспышка оказалась стимулом для новых подвигов злополучного прокурора. Часам к семи утра я был совершенно измочален. И тут за дело взялся Крохичев. Он снова объяснил мне, что сопротивление бесполезно, прокурор не поддержит мою жалобу против НКВД, все, что было сделано, остается незабываемым, и что в данный момент мне следует подписать только формальный протокол для прокуратуры, которая должна подготовить дело горсовета к рассмотрению в Верховном суде Татарской АССР. Проекты протоколов были подготовлены заранее. Рассмотрение дела в Верховном суде меня устраивало, здесь открывались возможности новой борьбы. Остальное, по-видимому, не выходило за рамки написанного мною заявления, и я, не читая протоколов прокуратуры, подписал их...».

Итак, председатель Казанского городского Совета сообщает нечто невозможное, невообразимое – прокурор Татарской республики в роли палача, садиста.

Когда дело Аксенова и других рассматривалось в Верховном суде ТАССР, он отказался от своих признаний и заявил, что они были получены в результате грубого принуждения. Председательствующий судья задал вопрос: «Если к Вам применяли незаконные методы следствия, почему вы не обращались с жалобой к прокурору республики?» Аксенов ответил, что он жаловался, но прокурор республики Егоров и старший лейтенант Крохичев избивали его до потери сознания и заставили подтвердить вынужденные признания.

Аксенов П.В. был приговорен к расстрелу, который заменили 15 годами лишения свободы. В своих жалобах Аксенов указывал на то, что его признания на допросах на предварительном следствии являются результатом незаконных методов следствия. Опровергая эти доводы, судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР указала, что «...Аксенов являлся членом контрреволюционной правотроцкистской организации, в этом он признавался неоднократно на предварительном следствии. Его также уличили в этом участники контрреволюционной организации Мухаметзянов, Баскин, Лепя, Магдеев, Фомичев. Объяснение Аксенова в том, что его признание есть результат незаконных методов следствия, является неубедительным, так как свои показания Аксенов давал не одному, а нескольким следователям, в том числе прокурору Егорову...».

Как видим, проведение допросов двумя-тремя и более следователями, которое встречается в уголовных делах, не случайно. Это как бы усиливало достоверность признательных показаний.

Один из партийных деятелей Татарии – Бейлин А.Г. – в 1960 году написал письмо упомянутому Аксенову П.В. и про-

сил сообщить ему фамилию спецпрокурора в Казани. Аксенов в своем ответе очень ярко и точно выразил роль и место прокуроров в репрессиях тех лет: «Во всей этой истории меня занимает не столько моя личная судьба, сколько выяснение причин – почему наша партия оказалась безоружной. Меня интересует вопрос: как опытные бойцы партии – Лепа, Бейлин, Вольфович и многие, многие другие – вдруг потеряли большевистское чутье и, очертя голову, бросились рубить коммунистов?

Я не стал бы ворошить этих проблем, если бы не твой вопрос относительно местопребывания спецпрокурора. Выходит, ты до сих пор не понял ни характера событий, ни главных действующих лиц. Спецпрокурором Татарии был Егоров, а военным прокурором Бондарь. Они совершили много беззаконий. Но неужели ты думаешь, что все это произошло по их вине? Они, в конечном счете, были простыми исполнителями. Теперь меня эти люди совершенно не интересуют. Не исключено, что они сейчас, если живы, стараются быть примерными исполнителями велений нашей партии. Ничего удивительного в этом нет»²⁵.

²⁵ Журнал «Огонек», 1991 г., № 2. С. 21.

ПО ЗАКОНАМ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ

Великая Отечественная война потребовала от прокурорских работников неимоверной самоотдачи, беззаветного служения во имя общей победы. Штаты органов прокуратуры были сокращены, многие работники прокуратуры ушли на фронт. Материалы, дела, жалобы надо было рассматривать и разрешать в короткие сроки. В условиях военного времени плохая работа прокурора могла повлечь и привлечение его к уголовной ответственности. Если в мирное время за эти нарушения прокурор получил бы выговор, либо уволен с работы, то в военное время прокуроров за это арестовывали и отдавали под суд.

Вот один из приказов прокурора Татарской АССР – в отношении следователя Поспелова В.Г.

ПРИКАЗ №263^а

ПО ПРОКУРАТУРЕ ТАТАРСКОЙ АССР

28 декабря 1941 г.

гор. Казань.

В дни, когда советский народ ведет вооруженную борьбу против фашистских угнетателей, за честь, свободу и независимость своей родины, каждый гражданин, где бы он ни работал, является борцом великой всенародной отечественной войны.

Задача каждого работника прокуратуры состоит в том, чтобы каждое его действие содействовало великой борьбе советского народа с кровавым фашизмом. Требовать от себя и от других дисциплины, организованности, самоотверженности, достойных настоящего советского патриота, является

долгом каждого, чтобы обеспечить победу над врагом. Эта величайшая ответственность, которую несут работники прокуратуры перед нашей страной и народом.

В наших рядах нет места лодырям, дезорганизаторам труда и нарушителям государственной дисциплины.

Однако произведенной проверкой установлено, что народный следователь прокуратуры Кировского р-на гор. Казани ПОСПЕЛОВ В.Г., имея в производстве расследования 25 уголовных дел; из них 5 дел по ст. 116 УК, 2 дела по ст. 59-6 УК, по 2 дела по ст. 58-10 ч. 2 УК, одно дело по закону 7 августа 1932 г. и другие особо опасные и актуальные дела, требующие немедленного расследования, а следовательно, и работы не покладая рук, в служебное время систематически пьянствовал, отлучался от работы по своим надобностям – совершал прогулы. Пьянствуя и дезорганизуя работу, он дискредитировал органы прокуратуры.

Так, например, 10 октября 1941 года, будучи в пьяном состоянии, ПОСПЕЛОВ явился в 5-е отделение милиции гор. Казани, где учинил дебош в присутствии ряда работников милиции и задержанных лиц.

13.XII-41г. в служебное время, в своем кабинете Поспелов с посторонним лицом организовал пьянку, а 15.XII с 13-ти часов совершил прогул до 13-ти часов 16 декабря 1941 года.

Исходя из изложенного П Р И К А З Ы В А Ю :

1. За злоупотребление служебным положением, прогулы и дискредитацию органов прокуратуры ПОСПЕЛОВА В.Г. с работы народного следователя Кировской прокуратуры г. Казани – снять и немедленно заключить под стражу.

2. И.О. Начальника Следственного Отдела тов. Голубеву обеспечить расследование его дела в 5-ти дневный срок с передачей на рассмотрение в Верховный Суд Тат. АССР.

3. Райпрокурорам настоящий приказ проработать на закрытых камерных совещаниях.

И.О. ПРОКУРОРА ТАТ. АССР: (И. НАДЕЕВ)

А вот другой случай с прокурором Юдинского района Татарской АССР Филиппом Сергеевичем Ляпуновым, 1914 г.р., с высшим юридическим образованием. Основные пункты его обвинения:

- незаконные аресты граждан и длительное содержание под стражей следственно-арестованных, в том числе арест беременной женщины;
- занятие выпивкой в рабочее время, невыходы на работу;
- отдельные уголовные дела лежали без расследования годами, часть дел была вообще утеряна.

Верховный суд Татарской АССР в 1945 г. осудил Ляпунова по ст. 109 УК РСФСР к 2 годам лишения свободы, Верховный Суд РФ заменил это наказание одним годом исправительных работ.

Морально-политически разложился

Рубцов Александр Константинович, 1905 г.р., уроженец Чувашской АССР, окончил в 1935 г. Казанский юридический институт. Работал народным следователем в Казани и на Дальнем Востоке. С 1941 г. – старший следователь прокуратуры Татарской АССР. Считался одним из квалифицированных следователей и как лучший следователь в 1941 г. был направлен Прокуратурой СССР в бригаду для расследования дел о крупных хищениях в г. Тбилиси. Расследовал немало дел с выездом в различные районы Татарской АССР.

Приказом от 9 июля 1943 г. Рубцов А.К. был уволен из прокуратуры с преданием суду по ст. ст. 109, 117, ч. 2 УК РСФСР – за получение взятки от обвиняемого, злоупотребления с ве-

щественными доказательствами (недостача вещественных доказательств на сумму свыше 10 тыс. рублей, в том числе двух золотых часов) и уклонение от сдачи радиоприемника. Был сделан вывод и о его морально-политическом разложении (пьянство в служебном кабинете с участием сомнительных лиц).

Прокурор республики Ардерихин жестко наказал и других работников прокуратуры, которые знали о пьянстве, злоупотреблениях Рубцова, но не сообщили об этом. В частности, за сокрытие фактов преступного поведения Рубцова прокурор отдела общего надзора М. была освобождена от должности, с объявлением ей строгого выговора, и направлена помощником прокурора Сталинского района г. Казани.²⁶

Дело Рубцова рассмотрел Верховный суд Татарской АССР. Его осудили к 8 годам лишения свободы.

Преступления агрызских прокуроров

Хафизов Абдулхак Ахметович родился в Кукморском районе. В 1932-1936 г.г. учился в Казанском правовом институте. Окончил институт с хорошими оценками. Начал работу в органах прокуратуры в Казани, потом – следователем Нурлатского района, затем был прокурором Апастовского района, народным следователем в Дрожжановском районе.

В период работы прокурором Агрызского района в марте 1942 г. на Хафизова из Агрызского райкома поступил материал о его различных нарушениях: брал мясо в колхозе, мануфактуру, пользовался хлебом колхоза, когда был уполномоченным в колхозе от райкома; затем в этом же колхозе за порчу пшеницы судили кладовщика, и в суде Хафизов просил меру наказания в виде ИТР, а председателя колхоза и агротехника к ответственности не привлек; председатель колхоза незаконно продал лошадь, с ведома прокурора; не провел рас-

²⁶ Прокуратура Татарской АССР. Отдел кадров. Личное дело №735 Рубцова А.К., ЦГА ИПД РТ. Фонд 15, опись 5, дело 872. Переписка... 1943 г.

следование о безобразиях в больнице; работники прокуратуры берут хлеб из пекарен без карточек.

7 мая 1942 г. на оперативном совещании в прокуратуре ТАССР был заслушан доклад Хафизова о его работе по судебному надзору. Приказом прокурора республики Исупова от 10 мая 1942 г. Хафизову был объявлен выговор.

Впоследствии Хафизов работал начальником отдела по надзору за местами заключения прокуратуры Татарской АССР. Решением партийного собрания ТАССР 3 июля 1946 г. его исключили из партии – за злоупотребление служебным положением, растрату и присвоение денежных средств. Преступления Хафизовым были совершены в период работы прокурором Агрызского района.

В октябре 1946 г. судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Татарской АССР рассмотрела уголовное дело по обвинению А.А. Хафизова и его соучастников. Интересно, что по этому делу привлекались два прокурора Агрызского района: бывший А.А. Хафизов и новый – Шариф Галимович Шамсутдинов, 1907 г.р., имевший высшее юридическое образование.

В приговоре указано, что Хафизов при передаче дел Шамсутдинову сокрыл 20, 5 тысяч рублей, которые им были истрачены. Сам Хафизов вину не отрицал, в суде пояснил, что из этой суммы 6000 рублей он перевел своим родителям, 3556 рублей использовал для покрытия недостачи секретаря прокуратуры Губайдуллина и потратил на другие цели.

Секретарь прокуратуры Агрызского района Кутдус Султанович Губайдуллин также привлекался по этому делу и получил 5 лет лишения свободы. Шамсутдинову и Хафизову определили наказание в виде лишения свободы сроком 8 лет каждому.

Дело работников Агрызской прокуратуры в то время наделало немало шума и серьезно повредило авторитету органов прокуратуры.

Штрафники

В годы Великой Отечественной войны против немцев воевали и так называемые штрафные воинские части. В их состав входили лица, осужденные за совершение преступлений, находившиеся в местах заключения. Их бросали на самые опасные участки фронта, многие из них погибли в боях, действительно искупив свою вину кровью. Были среди штрафников и бывшие прокуроры.

Мы не ставим перед собой задачу проверить обоснованность привлечения прокуроров к уголовной ответственности за разные служебные упущения в этот период. Шла война, и спрос с прокуроров был жесткий. В мирное время за эти нарушения прокурора просто выгнали бы с работы, но тогда за это отдавали под суд и приговаривали к лишению свободы. И такие прокуроры попадали в штрафные войска.

Расскажем о судьбе некоторых штрафников.

* * *

Воронцов Алексей Анисимович, родился в 1912 г. в д. Янасалы Арского района. Окончил 7-летнюю школу, одногодичную правовую школу. Работал секретарем в прокуратуре Арского района, писарем в Мамадышском военкомате, с 1934 г. – следователь прокуратуры в Сабинском, Тюлячинском, Апастовском, Первомайском районах. Его супруга работала адвокатом. Как лучший следователь, Воронцов в феврале 1940 г. назначается прокурором Ютазинского района. В ноябре 1941 г. он переводится прокурором Буденновского района.

6 января 1943 г. прокурор республики Ардерихин издал приказ – привлечь к уголовной ответственности прокурора Буденновского района Воронцова А.А. 2 марта 1943 г. прокурора арестовали. 7 марта 1943 г. судебная коллегия Верховно-

го Суда ТАССР вынесла суровый приговор – 5 лет лишения свободы.

Основное обвинение, предъявленное Воронцову – неприятие мер по материалам о саботаже хлебопоставок в отношении руководителей колхозов. По этим материалам Воронцов в возбуждении уголовного дела отказал. Еще 2 материала оказались утерянными. Тогда в районе арестовали и осудили секретаря райкома партии Ахметова, председателя райисполкома Баскакова – за антигосударственную практику и прямой саботаж мероприятий партии и правительства по хлебопоставкам.

Прокурора Воронцова обвинили также в либеральном рассмотрении дел о хищении хлеба, в результате чего дела прекращались судом, в распространности самогоноварения, на что расходовалось много хлеба, в плохом рассмотрении жалоб, в падеже скота и т.д. За все эти обычные служебные упущения – по законам военного времени – прокурор получил реальный срок лишения свободы. Бывший прокурор Воронцов А.А. вскоре оказался в войсках. Он воевал в составе штрафбата, командовал ротой.

В августе 1943 г. Воронцов был тяжело ранен в боях под Курской дугой. И когда его вместе с другими ранеными везли в медсанбат, в машину попал снаряд. Всех находившихся в ней раскидало. Домой пришло письмо: пропал без вести... Эту историю уже после войны рассказал сослуживец Воронцова А.А.

* * *

Калмыков Иван Иванович, родился в 1903 г. в деревне Калмыково Елабужского района ТАССР, имел высшее юридическое образование. Продолжительное время работал в органах прокуратуры: в 1931–1938 гг. – прокурор Мамадыш-

ского, Верхнеуслонского, Пестречинского, Буинского районов ТАССР; в 1938–1939 гг. – старший помощник прокурора ТАССР; в 1939–1941 гг. – заместитель прокурора ТАССР.

Участвовал в Великой Отечественной войне в 1941–1945 гг. в качестве военного прокурора дивизии. В апреле 1944 г. с должности снят, привлечен к уголовной ответственности за использование служебного положения и осужден к 7 годам лишения свободы (обстоятельства дела нам не известны). Направлен в отдельную штрафную роту офицерского состава, участвовал в боях, за проявленную отвагу освобожден от наказания и признан не имеющим судимости. Дважды был ранен и один раз контужен.

Имел награды: орден Красной Звезды, орден Отечественной войны II степени, медали «За оборону Москвы», «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией».

В 1946 г. принят прокурором уголовно-судебного отдела прокуратуры ТАССР.

Уволен с 15 июня 1946 г.

* * *

Прокурора Свердловского района г. Казани **Завольского Георгия Ивановича** обвинили в халатном отношении к служебным обязанностям. На оперативном совещании у прокурора республики был сделан вывод о том, что Завольский превратился в «формального регистратора беззаконий», попустительствовал дезорганизаторам производства, срывщикам военных заказов. Проверка установила большую прекращаемость уголовных дел, волокиту при рассмотрении материалов и уголовных дел и т.д. За эти служебные нарушения (их назвали в целом развалом работы) Завольского сняли с работы, арестовали и в феврале 1943 г. осудили к 2 годам лишения свободы.

Вскоре прокурор оказался в штрафных войсках. Он во-евал геройски, показал себя стойким защитником Родины, был ранен. Штрафника-прокурора наградили орденом Отечественной войны II степени, медалью «За отвагу». Военный трибунал 3-й гвардейской танковой армии 27 августа 1943 г. освободил Завольского от наказания и признал его не имеющим судимости.

И Завольский, и Калмыков, вернувшись с войны, обратились с просьбой о трудоустройстве в родную прокуратуру. Обоих здесь поддержали и готовы были взять на работу. Калмыкова даже взяли и зачислили в резерв. Но в Москве документы Калмыкова и Завольского не прошли. Прокуратура РСФСР рекомендовала не принимать бывших штрафников на работу, со ссылкой на факт осуждения обоих судом.

ОПАСНАЯ ДОЛЖНОСТЬ

К уголовной ответственности в разное время привлекались прокуроры разного уровня и статуса. Но при исследовании данного вопроса бросилось в глаза, что одна прокурорская должность все же была самой опасной. Речь идет о должности прокурора города Казани.

Масис Аврум Гершевич

Прокуратура города Казани советского периода была образована в октябре 1932 г. решением Татарского обкома и Казанского горкома. Решение коллегии Народного комиссариата юстиции о создании прокуратуры г. Казани было принято 1 ноября 1932 г. Прокурором города назначается опытный прокурорский работник Масис Аврум Гершевич. Прокуратура города тогда имела весьма небольшой штат – прокурор города Масис, заместитель прокурора города Фаизов, два помощника прокурора города, четыре следователя, 4 технических работника. Расположилась прокуратура города в одном здании с прокуратурой республики и Верховным судом, на первом этаже дома 12 по ул. Чернышевского (потом ул. Ленина, ныне Кремлевская).

Масис родился 2 января 1894 г. на Украине в семье торговца. В царское время для евреев существовали большие трудности при поступлении в высшие учебные заведения, для них была специальная процентная норма. Вопреки воле родителей Масис поехал учиться в Одессу. Не имея средств, он давал здесь уроки еврейского языка. В 1915 г. Аврум окончил начальное училище в г. Одессе. Затем учился в Казанском ве-

теринарном институте, участвовал в работе нелегальных студенческих кружков. Революция заставила его бросить учебу после окончания 2 курса института.

В своей автобиографии Масис пишет, что с группой студентов они решили помочь большевикам, о чем сообщили Олькеницкому, Милху, Шейнкману, Фролову. В ноябре 1917 г. Казанским Советом была учреждена следственная комиссия по борьбе с преступлениями против советской власти. Вскоре она вошла в состав губернского революционного трибунала и стала называться революционной следственной комиссией. По рекомендации секретаря Казанского губернского исполкома Масис А.Г. с 10 декабря 1917 г. назначается членом революционной следственной комиссии. С 1 июня 1918 г. она получила название чрезвычайной следственной комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем. Председателем комиссии до своей гибели 22 июня 1918 г. являлся секретарь Казанского горкома РСДРП(б) Г.Ш. Олькеницкий.

Когда город Казань заняли белочехи, Масис не успел бежать. Он жил нелегально, скрывался, но был предан и арестован. С приходом Красной Армии его освободили, и он вернулся на работу в революционный трибунал. Масис участвовал в вооруженных отрядах против контрреволюционных восстаний, работал в ЧК по ликвидации остатков восставших.

В личном деле Масиса А.Г. в прокуратуре имелась справка бывшего председателя революционно-следственной комиссии Казанского революционного трибунала Циклина (потом он работал в Наркомторге СССР) о том, что Масис в 1917 г. работал в следственной комиссии. Циклин пишет, что Масис работал активно, был арестован чехами вместе с другими товарищами (Мартыном Межлауком и другими), заключен в тюрьму, а затем освобожден Красной Армией.

С 5 декабря 1918 года Масис – следователь губернского революционного трибунала. 26 мая 1922 г. он становится сле-

дователем по важнейшим делам при Наркомюсте Татарской республики. 15 ноября 1922 г. его назначают помощником прокурора республики. С 7 февраля 1923 г. Масис – временно исполняющий обязанности старшего помощника прокурора при Главном суде. 15 марта 1923 г. его утверждают в должности старшего помощника прокурора при Главном суде республики.

В декабре 1922 г. под руководством наркома юстиции и прокурора республики Г.Б. Богаутдинова органы юстиции торжественно отметили 5-летнюю годовщину советской юстиции. Отличившихся наградили Почетной грамотой, занесли на Красную Доску с формулировкой: «За долголетнюю и ревностную службу в органах юстиции». Отдельные, особо отличившиеся лица были удостоены звания «Герой труда». В их числе был и Масис А.Г.

В 1930 г. Бауманским райкомом ВКП(б) Масис был принят кандидатом в члены ВКП(б). В 1932 г. его перевели в члены партии, но дело Масиса не успели рассмотреть в Татарском обкоме в связи с начавшейся партийной чисткой. Поэтому он так и остался кандидатом в члены партии.

Масис был на хорошем счету как опытный и квалифицированный работник. В сентябре 1925 г. нарком юстиции и прокурор республики Гимаз Богаутдинов командировал Масиса в Спасский и Тетюшский кантоны для производства ревизии и обследования местного аппарата прокуратуры и судебно-следственных участков. Тогда ревизию в указанных кантонах Богаутдинов и Масис провели вместе.

В марте 1926 г. нарком Палютин назначает постоянным представителем от Наркомюста в Комиссии по борьбе с детской беспризорностью при Татнаркомпросе старшего помощника прокурора Пудова, а в его отсутствие – Масиса. По распределению обязанностей в 1926 г. Масис в прокуратуре отвечал за судебный надзор.

В марте 1926 г. помощник прокурора Татарской республики Масис поддерживал государственное обвинение в Главном суде при рассмотрении дела бывшего подполковника Тенниса. Последнего обвиняли в том, что он в августе 1918 г. примкнул к белочехам, занявшим Казань, добровольно согласился занять должность председателя военно-полевого суда и вынес около 17 смертных приговоров активным деятелям и сторонникам советской власти, в том числе М. Вахитову. Теннис был приговорен к расстрелу.

Несмотря на то, что Масис не имел специального юридического образования, он преподавал в Казанском юридическом институте уголовное право, вел занятия со студентами. Как заметил на партийном собрании работник прокуратуры Гусаров, учившийся у Масиса, студенты были довольны его преподаванием. Он также преподавал и на курсах НКВД.

Из допросов прокурорских работников мы узнаем: Масис был в приятельских отношениях с заведующим сектором кадров Наркомюста РСФСР Зарубинским и профессором Строговичем, помощником прокурора РСФСР, и когда они приезжали в Казань, всегда останавливались у Масиса. Не случайно, что Масис, не имея юридического образования, был утвержден в Москве доцентом по уголовному праву. Наверное, помог сам Пашуканис, – делали вывод прокурорские работники, либо же Зарубинский со Строговичем как члены аттестационной комиссии НКЮ РСФСР.

Интересные сведения содержатся в материалах о работе органов юстиции, которые председатель Главного суда республики Сагитов в марте 1935 г. направил в Татарский обком партии товарищу Андерсону. В частности, Сагитов пишет о том, что установилась практика, когда работники прокуратуры до передачи дела в Главный суд, а иногда и в народный суд, неоднократно приходят «советоваться» о тех или иных следственных действиях по делу, о квалификации, подсудно-

сти, мере пресечения. Сагитов отмечает, что «особенно часто применяет такой метод городская прокуратура во главе с прокурором товарищем Масисом. Они приходят за советами к Якимову, Рогову, Иоффе, теряя свое прокурорское лицо».

Как считал Сагитов, в результате таких «семейственных отношений» прокуратура перестала принимать жалобы на судебные дела, ссылаясь на то, что этим делом занимаются работники суда. Председатель Главного суда сделал вывод, что между судом и прокуратурой существует «семейственность взаимоотношений».

Что плохого, если следователь, прокурор советуются с судьей по поводу квалификации преступления? По-моему, ничего плохого. Так было ранее, так было и в период нашей работы, так продолжается и сегодня.

Например, когда я был следователем и прокурором, заместителем председателя Верховного суда Татарской республики работал Риф Камирович Шарифуллин. Человек умнейший, светлая голова, резкий и решительный в суждениях. Я и многие другие прокурорские часто ходили к нему советоваться по тем или иным уголовным делам. И никакой семейственности в отношениях не было.

В те годы также проводились конкурсы среди следователей и прокуроров. В частности, в январе 1936 г. были подведены итоги конкурса на лучшее следственное дело и лучшее руководство следствием со стороны прокуратуры. Конкурсная комиссия отметила заметное улучшение в следственной работе. Отдельно, выделен прокурор г. Казани Масис. Как указала в своем постановлении конкурсная комиссия, Масис сам лично дает по каждому делу конкретные указания следователям, систематически заслушивает их доклады. Масис хорошо знает все уголовные дела, работу следствия. На основании постановления конкурсной комиссии Масис был награжден денежной премией.

При аттестации прокурорских работников Масис был успешно аттестован и включен в группу работников, подлежащих выдвигению на более ответственную работу. Один из прокурорских работников на допросе даже показал, что Лейбович направил в Москву рекомендацию назначить Масиса прокурором республики (какой республики, правда, не понятно).

Приказом прокурора республики Лейбовича от 28 августа 1937 г., во исполнение приказа прокурора СССР, происходит объединение уголовно-судебного и следственного отделов. Старшим помощником нового уголовно-судебного отдела назначается Масис А.Г., с освобождением его от обязанностей прокурора г. Казани. Он также отвечает за руководство и наблюдение за следствием старших следователей республики и следователей районных прокуратур г. Казани.

Масис освобождается от работы в прокуратуре республики 25 сентября 1937 г. с формулировкой как «не соответствующий для использования на прокурорской работе».

Как можно судить из архивных документов, протоколов партийных и других собраний, в 30-х годах XX века Казань была полна врагами народа. Они орудовали везде – на предприятиях, заводах, на культурном фронте и во многих других сферах. Казанский городской Совет, казанские городские службы и организации оказались в центре так называемого дачного дела горсовета, других уголовных дел по различным отраслям городского хозяйства. Аварии, несчастные случаи на заводах, фабриках происходили один за другим. Рука вредителей виделась то тут, то там.

В такой ситуации прокурор г. Казани Масис А.Г. просто не мог не быть обвиненным в покрывательстве врагов народа, «смазывании» контрреволюционных дел. А кроме того, он имел множество нехороших связей и не мог похвастаться пролетарским или крестьянским происхождением.

Вопрос о Масисе рассматривался 5 октября 1937 г. на заседании парткома прокуратуры ТАССР (с докладом Егорова) и на партийном собрании прокуратуры ТАССР 8 октября 1937 г. (с докладом Фаизова). На заседании парткома много говорили о связи Масиса и Исаковича, об их особо дружеских отношениях. Было подчеркнуто, что Исакович был в квартире у Масиса за месяц до своего ареста. Исакович, оказывается, ласково называл Масиса – Абрашей.

Масис на заседании парткома пояснил, что в 1918 г. он был арестован белочехами и ему угрожала расправа. Благодаря вмешательству в дело Исаковича рассмотрение дела Масиса было затянuto. Он просидел до прихода красных и был спасен. Поэтому Масис считал себя обязанным Исаковичу за спасение от смерти. С тех пор они дружили, бывали друг у друга на квартире, играли в преферанс. Он не предполагал, что Исакович – антисоветский человек, ведь к нему заходили Усманов и другие. «Я знал, что он меньшевик. Я полагал, что он от этого отрешился», – оправдывался Масис.

Кстати, 15 ноября 1928 г. на заседании коллегии НКЮ при обсуждении члена коллегии защитников Исаковича, Муратов заявил, что «он спас одного из работников». Масис тогда же подтвердил, что Исакович в 1918 г. состоял в рабочем комитете при чехах и защищал советских работников. В результате Исаковича Г.А. оставили в составе коллегии защитников.

Кто же такой Исакович, из-за которого пострадал Масис? Юрист Григорий Абрамович Исакович, 1879 г. р., был родом из Черниговской губернии. По данным из Книги памяти, его привлекали первый раз после Октябрьской революции. Арест последовал 13 сентября 1921 г. – «за созыв нелегального собрания Комитета помощи голодающим». Что было плохого в созыве такого совещания – не совсем понятно. Тогда Исакович числился правозащитником (т.е. адвокатом), работал в Потребсоюзе.

За эти же действия (созыв нелегального собрания Комитета помощи голодающим) 13 сентября 1921 г. был арестован и другой казанский адвокат и товарищ Масиса по преферансу Александр Федорович Розенберг. Тогда все обошлось: и Исаковича, и Розенберга коллегия Всетатарского ЧК вскоре освободила под подписку о невыезде.

21 мая 1937 г. Исаковича арестовали как участника группировки. Тогда он работал юристом «Главнефти». 15 апреля 1938 г. Особое совещание приговорило Исаковича к 8 годам лагерей. Реабилитирован в 1958 г.

Масис не мог отрицать связи с меньшевиком Исаковичем. Действительно, они встречались, дружили семьями, ходили друг к другу в гости. Масис подтверждал, что ему было известно о принадлежности Исаковича к партии меньшевиков, что тот состоял в этой партии в 1905 г., а также участвовал в революционном движении. В то же время Масис настаивал, что Исакович в его квартире никаких контрреволюционных разговоров не вел, да и вообще в последнее время они встречались редко. На политические темы с Исаковичем, как утверждал Масис, он никогда не говорил.

Сам Исакович Г.А. на допросе показал, что познакомился с Масисом в первые дни организации революционной следственной комиссии при Ревтрибунале в конце 1917 г. Тогда Масис был следователем в этой комиссии, а Исакович являлся правозаступником. С 1919 г. завязались близкие дружеские отношения. Вместе играли в преферанс. Партнерами были нарком юстиции Усманов, нарком здравоохранения Беганский, бывший нарком внутренних дел Чанышев, а также защитники Иванов, Волков, Перец, Ротенберг. Играли на квартирах Масиса, Ротенберга, Чанышева, Переца, Исаковича.

Исакович вспомнил единственное политическое высказывание Масиса, когда он по какому-то поводу остановил спорящих: «Так можно договориться до контрреволюции».

Вернемся к партийному собранию. Заместитель прокурора республики Егоров, докладывавший на парткоме дело Масиса, заметил, что Масис знал о незаконном финансировании строительства дач горсовета. Ведь он бывал на заседаниях президиума горсовета и должен был предотвратить такие незаконные ассигнования.

Масис в ответ объяснял, что на заседаниях президиума горсовета вопрос о финансировании строительства дач никогда не стоял. Этот вопрос обсуждали не на заседании президиума, а в партгруппе, куда Масис приглашен не был.

Выступил и прокурор республики Лейбович. Он усматривал вину Масиса в трех моментах: 1) связь с враждебными контрреволюционными элементами; 2) неразоблачение врагов народа; 3) смазывание политических дел. По мнению Лейбовича, Масис не помогал в разоблачении врагов народа, хотя и работал в органах юстиции около 20 лет. «Мы передоверились Масису как квалифицированному работнику», – констатировал прокурор республики.

То же самое сказал и Корнев: «Мы считали Масиса квалифицированным юристом, каждый раз обращались к нему за советом... Масис потерял свое политическое лицо, он не помог партии разоблачить врагов...»

Прокурора республики Лейбовича обвиняли в особом отношении к прокурору г. Казани Масису – что он его часто премирует, посылает на курорт и т.д. Одна из выступавших на партийном собрании (Синаева) даже заявила, что прокурор республики Лейбович без Масиса ничего не делал. На что Лейбович резко ответил: «Я не марионетка. Я отвечаю за свое дело и за дело Масиса. Я недостаточно боролся за изгнание людей, чуждых нам, – это верно. Мы Масису доверяли. У него от всех ответственных работников были грамоты, грамот было шесть. Я с Масисом считался, он был более всех подготовленным».

Гусаров отметил недостаток Масиса – его нерешительность при квалификации преступлений. Масис всегда говорил – «для контрреволюционных дел есть НКВД». Гусаров также вспомнил «о полной растерянности Масиса перед большим человеком» – секретарем Казанского горкома партии Баскиным. Когда по делу горсовета возникла необходимость в допросе Баскина, то Масис не знал, как его вызвать – то ли идти к нему в кабинет, или же вызвать его в прокуратуру через прокурора республики Лейбовича. По мнению Гусарова, в то время в уголовном деле уже было достаточно материалов для предъявления обвинения Баскину.

В заключительном слове Масис сказал, что он всю жизнь отдал партии, но не проявил большевистской бдительности. «Преступления за мной большие, мне всего осталось жить 5-6 лет, я прошу оставить меня в партии», – закончил прокурор г. Казани. Но однопартийцы были другого мнения – Масиса исключили из партии.

Постановление об аресте прокурора г. Казани было вынесено 10 октября 1937 г. начальником 4 отделения 4 отдела Степановым, с утверждением у заместителя наркома НКВД ТАССР Елшина. На следующий день, 11 октября 1937 г., санкцию на арест подписал прокурор Татарской республики Лейбович. Не сомневаюсь, что о принятии этого решения Масису стало известно сразу же. Но он ничего не мог предпринять.

В постановлении об аресте Масиса перечислены его преступления. В отличие от многих других постановлений, в которых содержались только общие формулировки (являлся участником..., проводил контрреволюционную деятельность...), здесь достаточно много и конкретных обвинений. Таким образом, было указано, что Масис, будучи прокурором г. Казани, имел связь и оказывал активную помощь участникам контрреволюционной троцкистской организации Краснову, Корбуту, Жуховицкому и другим, имел связь

с бывшими меньшевиками и членами других антисоветских политических партий, оказывал содействие контрреволюционной организации «правых», имел связь с бывшим участником центра этой контрреволюционной организации Пашуканисом. Подчеркнуто, что в своей работе прокурора Масис использовал служебное положение для покровительства врагов народа, вредителей и других контрреволюционеров, прекращал и смазывал следственные дела, по которым контрреволюционная предательская деятельность врагов народа была установлена. Впоследствии к этим обвинениям добавилось еще одно, которое сегодня вызывает улыбку, – Масис систематически распространял антисоветские анекдоты. Но тогда Масису было не до смеха...

При обыске по месту жительства (ул. Пушкина, 21-3) были изъяты грамоты прокурора, несколько работ по истории партии, в том числе и Ярославского. Как выяснилось позже, прокурор был давно готов к аресту и обыску, заблаговременно сжег все свои документы. Несмотря на все старания, сотрудники НКВД не нашли ни одной крамольной бумаги.

Первый протокол допроса Масиса датирован 14 октября 1937 г., и составил его Степанов. В нем только анкетные данные прокурора, и нет никаких показаний. Затем вдруг появляются признательные показания Масиса – уже от 3 декабря 1937 г. Это дает основание полагать, что Масис не сразу признал вину. Он сопротивлялся, но не смог долго выдержать против жестоких и бесчеловечных методов следствия.

Основные показания Масиса о контрреволюционной, вредительской работе содержатся в протоколе его допроса, датированном 3 декабря 1937 г., составленном сотрудником НКВД Степановым. В начале допроса прокурор признал свою принадлежность к контрреволюционной организации в Наркомюсте и прокуратуре, возглавляемой бывшим наркомом Усмановым, и активным участником которой был бывший

прокурор республики Лейбович, участниками – Муратов, Зяппаров, Хайруллин. Его вина заключалась в том, что за последнее время по отдельным делам смазывалась их контрреволюционная сущность и преступления квалифицировались по должностным статьям. Далее Масис привел примеры.

Первым шло известное уголовное дело на работников Казанского городского Совета по обвинению в расхищении около одного миллиона рублей на строительство для себя дач и их эксплуатацию в ущерб насущным интересам населения города. По делу имелись данные о большой роли в хищениях секретаря Казанского горкома партии Баскина. Масис признал, что ни он, ни прокурор республики Лейбович вовремя не выступили на городской и областной партийной конференциях с разоблачением Баскина и других руководящих работников. И Баскин на областной партийной конференции снова был избран в состав Татарского обкома. По мнению Масиса, поведение Лейбовича по этому делу было результатом его особой связи с Лепа, и оно определило неправильный ход следствия по делу. Тогда прокуратура долго не могла провести допрос Баскина, и он состоялся лишь после отстранения Баскина от работы в горкоме. Первоначально Баскину предъявили обвинение по статье 109 УК РСФСР как за должностное преступление. В то время как другой участник дела горсовета Аксенов привлекался по Закону от 7 августа 1932 г. Баскин тогда был на приеме у прокурора республики и сообщил, что решением ЦК ВКП(б) он только снят с работы.

Лейбович, по словам Масиса, был тесно связан с членами «артели» Лепа, в особенности с Пинхасиком. Они часто бывали друг у друга. Когда Пинхасик ездил куда-то с докладом, то брал с собой Лейбовича как консультанта.

Вторым Масис назвал дело работников фабрики ОМКУЗ во главе с директором Шварцем. По этому делу действия виновных первоначально квалифицировали по статье 109 УК

РСФСР как должностное преступление, тогда как было налицо контрреволюционное вредительство. Масис признал, что по существу он тем самым покрывал врагов.

Масис подробно перечисляет людей, с которыми был особо близок прокурор республики Лейбович, – это бывший нарком внутренней торговли Скоморовский, директор Казанского юридического института Шалюпа, помощник прокурора г. Казани Вацик и др. Как сообщал Масис, крепкая связь была у Лейбовича в Москве в Наркомюсте и прокуратуре, но с кем именно, он не знал.

Был подвергнут критике и подбор кадров в прокуратуре. По словам Масиса, Лейбович подходил к этому «делячески», без достаточного учета политического лица и деловой квалификации работников. Он привел соответствующие примеры. Был упомянут и случай с представлением в Обком и ТатЦИК списка прокурорских работников на премирование по поводу 15-й годовщины прокуратуры. Такой подход Лейбовича к подбору и изучению кадров Масис оценил как антипартийный и антигосударственный.

Прокурор г. Казани дал оценку и общему уровню квалификации следователей прокуратуры, назвав его низким. Не выполнялась программа мероприятий по повышению квалификации следователей. В прокуратуре тогда работали 4 старших следователя, все они находились под непосредственным руководством прокурора республики Лейбовича. Они расследовали наиболее сложные и важные дела. Но, оказывается, среди них не было ни одного члена партии! Из них один – пьяница, связан с преступным элементом, теперь арестован. Другой следователь – Павлова – была принята без проверки, затем уволена (из-за ареста ее мужа как троцкиста). Дела у следователей «мариновались» месяцами. Они «смазывали» контрреволюционные дела. Был арестован и старший следователь Изосимов. Он вел следствие по делу «Заготскота», ква-

лифицировал действия виновных по статье 111 УК РСФСР. Когда за дело взялся другой старший следователь – Гусаров, то он сразу обнаружил признаки ст. 58-7 УК РСФСР, и обвиняемые были арестованы. Было прекращено и дело Казанского музея, по которому потом обнаружилось контрреволюционное вредительство.

Таким образом, Масис на допросе рассказал немало негативной информации о Лейбовиче. Но, тем не менее, он заявил, что сообщение следователя о том, что Лейбович разоблачен как активный член контрреволюционной организации, было для него полнейшей неожиданностью. У него этого никогда и в мыслях даже не возникало.

В этой связи Масис делает свои осторожные предположения. С его слов, ему не известно, какую контрреволюционную работу проводил нарком юстиции Усманов. Но считает, что прокурор Лейбович не мог состоять в организации, которой, как сообщили Масису на следствии, в Наркомюсте руководил Усманов.

Масис обосновывал свой вывод тем, что Усманов почти постоянно отсутствовал на работе, все время бывал в районах, в оперативную работу не вмешивался. Как считал Масис, Лейбович пользовался бóльшим авторитетом, чем Усманов, и был более политически развит. Как утверждал Масис, Лейбович и Усманов почти не встречались, не поддерживали между собой отношений. Более того, Лейбович был очень самолюбив и постоянно стремился показать превосходство прокуратуры перед Наркомюстом. Исходя из всего этого, Масис делал вывод о том, что Лейбович не мог быть членом контрреволюционной организации Наркомюста, руководимой наркомом юстиции Усмановым. Лейбович скорее мог быть членом контрреволюционной организации под руководством Лепа, но не Усманова. Масис также сообщил, что в последний год Лейбович усиленно стремился уехать из Казани, и вряд ли он

стал бы связываться с Усмановым и Муратовым. Думаю, что выводы и оценки Масиса в целом были близки к истине.

Делом Масиса вскоре занялся сержант Курбанов. В апреле 1938 г. он предъявил Масису трафаретное короткое обвинение.

Как следовало из показаний наркома юстиции Усманова, в контрреволюционную организацию Масиса завербовал именно он. Следователь 15 апреля 1938 г. провел между ними очную ставку. Усманов показал, что знает Масиса с 1922 г., они были в хороших отношениях, и Масис был приближенным к нему человеком. Масиса он завербовал в августе-сентябре 1936 г. в своем служебном кабинете. Масис категорически отрицал показания Усманова.

В протоколе допроса арестованного заместителя прокурора республики Муратова (13 января 1938 г.) работа прокуратуры г. Казани была охарактеризована в целом следующим образом: «Выдерживая линию нашей организации, городская прокуратура так поставила свою работу, что трудящиеся города Казани месяцами не находили надлежащего разрешения своих жизненных вопросов – это приводило к подрыву авторитета прокуратура как советского органа и формировало озлобление трудящихся советской властью».

Масис отрицал эти показания Муратова на очной ставке с последним 16 апреля 1938 г. Но был вынужден признать, что в 1937 г. он по отдельным контрреволюционным делам смазывал их политическую сущность, давая направления этим делам как должностным преступлениям.

В коротком протоколе допроса Масиса от 13 мая 1938 г. сержант Курбанов зафиксировал, что арестованный признает свою принадлежность к контрреволюционной организации, возглавляемой Усмановым и Лейбовичем, подтверждает, что в своей практической деятельности «смазывал» дела по контрреволюционным преступлениям и квалифицировал их как должностные преступления.

Следствие пыталось обвинить Масиса и в том, что в городской прокуратуре «в целях создания недовольства против советской власти среди трудящихся от трех месяцев до одного года умышленно не рассматривали жалобы трудящихся и допустили залежи до 700 штук жалоб».

Прокурор отвечал, что он лично проверкой и рассмотрением жалоб не занимался. Их рассматривали помощники прокурора. Залежей жалоб до 700 штук со сроком их рассмотрения от 3-х месяцев до 1 года не было. Правда, признавал Масис, летом 1936 г. по вине помощника прокурора Павловой была допущена залежь жалоб примерно 300-350 штук. Павлова тогда была снята с работы и жалобы раздали всем сотрудникам прокуратуры. Он, Масис, сам тогда разрешил около 50 жалоб.

Однако свидетель Агапов Х.А., перешедший на работу в прокуратуру г. Казани в начале 1937 г., на допросе Курбанову подтвердил, что обнаружил в городской прокуратуре до 700 штук брошенных без разбора жалоб, со сроком от 3-х месяцев до одного года. В том числе лежали без рассмотрения и алиментные жалобы – т.е. дети были лишены алиментов. Агапов представил об этой волоките рапорт Лейбовичу, но тот направил рапорт Масису.

Далее, следствие настаивало на том, что Масис сознательно покрывал разбазаривание около 1 миллиона рублей бывшим руководством Казанского городского Совета. «Вы сами принимали участие в этом, Вам ремонтировали квартиру и обещали дачу», – утверждали сотрудники НКВД.

Масис отвечал, что о разбазаривании средств Казанского городского Совета он узнал только в момент возбуждения уголовного дела, а его квартиру горсовет отремонтировал в 1934 г. Тогда в руководстве горсовета были другие люди (не Баскин и не Аксенов), и никто ему никакой дачи не обещал.

Горсовет отремонтировал его квартиру на специальные средства, выделяемые на городской актив.

«Почему в прокуратуре города работали троцкисты Розина и Жуховицкий?» – спрашивал у Масиса следователь. Прокурор города отвечал, что Жуховицкий в прокуратуре вообще не работал, а Розину назначили следователем в прокуратуру г. Казани по приказу прокурора республики Лейбовича. Он, Масис, прием на работу не осуществлял.

Жуховицкий Яков Моисеевич, 1903 г.р., уроженец Минской области, еврей, студент, в январе 1932 г. привлекался по статье 58 УК РСФСР, тогда ему предъявили обвинение и взяли подписку о невыезде.

Сведений об аресте и привлечении к уголовной ответственности Жуховицкого и Розиной в Татарстане в Книгах памяти не имеется. Скорее всего, они привлекались в других городах, регионах, а в Казань приехали после отбытия наказания или в ссылку.

«Вы имели связь с активным троцкистом, бывшим личным секретарем контрреволюционера Троцкого Корбутом. С последним Вы вместе работали в Казанском юридическом институте», – продолжал следователь.

Масис отвечал – да, с Корбутом одно время он работал в Казанском юридическом институте. Он знал Корбута как преподавателя. Корбут вел совершенно другую дисциплину, и никакой связи с ним он не имел. Масис также утверждал, что не имел никакой связи с другим троцкистом – Красновым.

Неоднократно задавали Масису вопросы по делу фабрики ОМКУЗ – почему «смазали» дело, имел ли он связь с директором фабрики Шварцем, был ли у него на квартире и т.д. Из ответов Масиса следовало, что сознательного смазывания дела ОМКУЗ с его стороны не было. Первоначально уголовное дело было возбуждено по ст. 58-7 УК РСФСР, но затем по предложению Лейбовича и прокуратуры РСФСР обвиняемые были привлечены по ст.ст. 111, 133 УК РСФСР. В суде появи-

лись новые обстоятельства и дело вернули на доследование. В процессе дальнейшего расследования выяснилось наличие состава статьи 58-7 УК РСФСР, и это Масис вынужден был признать как свою ошибку – что он недостаточно осуществлял наблюдение за ходом следствия со стороны следователя Переверзева. Личное знакомство со Шварцем Масис отрицал, знал его как ответственного работника, бывшего инструктора Казанского горкома ВКП (б) и директора фабрики. На квартире у Шварца не был – утверждал Масис.

Нашли еще одно «смазанное» контрреволюционное дело – в отношении работников фабрики «Камяля Якуба». Тогда по этому делу лишь одному обвиняемому (Ахметову) предъявили обвинение по ст. 58-7 УК РСФСР. Действия остальных шести работников фабрики квалифицировали по хозяйственным, должностным статьям. Однако суд вернул дело на доследование, и впоследствии всем обвиняемым предъявили обвинение по контрреволюционной статье и осудили. При таких обстоятельствах Масис вынужден был признать, что он «смазал» данное политическое контрреволюционное преступление совместно с прокурором республики Лейбовичем и следователем Покровским.

Хотя, если судить из приобщенных к делу отдельных документов, на фабрике «Камяля Якуба» имели место выпуск брака, нарушение правил техники безопасности. И, в конце концов, контрреволюционные статьи по этому делу впоследствии отпали.

По уголовному делу Масиса было допрошено немало прокурорских работников – прокуроров районов г. Казани, старших следователей прокуратуры ТАССР, других сотрудников. Они поведали многое об отрицательных и даже преступных действиях со стороны Масиса.

В частности, о наличии контрреволюционной организации в Наркомюсте и прокуратуре республики сделал вывод на

допросе 27 августа 1937 г. помощник прокурора республики Касимов И.С. Он работал в прокуратуре Татарской республики всего несколько месяцев (приехал из другого региона), и ему поручили поддержать государственное обвинение по уголовному делу об отравлении рабочих меховой фабрики ОМКУЗа. По делу обвинялись директор Шварц, технорук Калининченко, инженер Нафиков, начальник цеха Каменев, завхоз Гришин и главный врач здравпункта Крылова. Им было предъявлено обвинение по статьям 111, 133 УК РСФСР (нарушение правил техники безопасности, отсутствие вентиляции, путаница в проектах и т.д.). Дело начали рассматривать 15 августа 1937 г. в открытом судебном заседании на самой фабрике.

Как показал на допросе Касимов, при рассмотрении дела появились новые характерные детали, возникло сильное подозрение о наличии в данном случае организованного контрреволюционного вредительства. В первую очередь, об этом свидетельствовали социальное лицо и политическое прошлое обвиняемых – они были из крупных капиталистов, торговцев и других социально чуждых элементов. На фабрике было много случаев производственного травматизма и различных заболеваний, состав работников был засорен чуждыми элементами.

На третий день судебного заседания государственный обвинитель Касимов явился к прокурору республики Лейбовичу и доложил – здесь есть признаки контрреволюционного вредительства. Лейбович и Масис пытались отговорить Касимова, возражали, убеждали его. Как заметил Касимов, Масис и Лейбович взволнованно ходили по кабинету и делали друг другу различные знаки. Дело закончилось тем, что суд направил уголовное дело на следствие – для предъявления обвинения по ст. 58 УК РСФСР. По этому делу Касимов 26 августа 1937 г. подал секретное заявление в НКВД ТАССР.

Не будем глубоко вникать в эти обвинения. Но отметим, что все допрошенные были едины в одном – Масис считался наиболее квалифицированным и грамотным работником прокуратуры. Наиболее трудные, сложные вопросы у наркома юстиции, у прокурора республики не решались без участия Масиса. Когда Лейбович разрешал какой-либо сложный, принципиальный вопрос, он всегда приглашал Масиса как консультанта.

Допрос Масиса от 25 апреля 1939 г. полностью посвящен выяснению круга его друзей и знакомых. В основном это был круг юристов, с которыми встречался Масис, в том числе и его партнеры по карточной игре в преферанс (юристы-консульты Совнаркома Татарской республики Ротенберг и Рудковский, нарком юстиции Усманов, которого Масис знал еще с 1920 г. по совместной работе в ревтрибунале, старший помощник прокурора ТАССР Корнев, заведующий учебной частью областных юридических курсов в Казани Винокуров Б.А., юрист Нефтеторга Исакович Г.А., работник прокуратуры Царевский Д.В., Шапиро Ю.С.).

По выходным дням, примерно один раз в месяц (иногда чаще, иногда реже), у прокурора Масиса собирались друзья, в основном юристы, и играли в преферанс. Постоянными партнерами Масиса по преферансу были Исакович, Усманов, Винокуров, Царевский. Сотрудники НКВД настойчиво задавали один и тот же вопрос – велись ли за игрой в преферанс политические разговоры, рассказывали ли антисоветские анекдоты, дискредитирующие руководителей партии и Советского правительства? Масис отвечал на эти вопросы отрицательно.

За игрой в преферанс, конечно же, о чем-то говорили. О чем могут говорить мужики, собравшись за карточным столом? Вели политические, контрреволюционные разговоры – настаивали сотрудники НКВД. «Беседовали о граждан-

ском, уголовном законодательстве», – отвечал Масис. Скорее всего, обе стороны лукавили.

Понятное дело, что подобные посиделки не могли обойтись без анекдотов. Я добросовестно перелопатил уголовное дело Масиса в поисках какого-нибудь еврейского или другого анекдота, но так и не нашел его. Странное дело, обвиняли человека в распространении антисоветских анекдотов, а содержания ни одного анекдота в показаниях допрашиваемых по делу нет. Обидно даже.

Ветеран органов прокуратуры и узник тех лет Валиев вспомнил один из анекдотов, за который обвинили Масиса. Дело было на семейном вечере и один из гостей – адвокат – рассказал анекдот, в котором упоминалась фамилия всесоюзного старосты Калинина М.И. Речь в анекдоте шла о том, что Калинин, беседуя в сердечной обстановке с известной артисткой, увлекся беседой и не заметил, как оголил ее, намотав на свой палец конец ниточки ее рейтуз. Масиса обвинили в том, что он не отреагировал, не пресек рассказывание такого анекдота.

У Масиса был приемный сын, в 1936 г. он закончил Казанскую правовую школу. Потом он проходил практику в прокуратуре г. Казани – естественно, что отчим помогал ему во всем. Не исключено, что благодаря связям Масиса в Москве его неродной сын начал работать следователем прокуратуры в г. Архангельске.

В уголовном деле имеется заявление и протокол допроса Беллавина Валентина Сергеевича, неродного сына Масиса А.Г., сына его супруги Масис Ксении Ефимовны от первого брака. Обратимся к содержанию заявления.

Со слов Беллавина, Масис А.Г. рассказывал антисоветские анекдоты. Содержание этих анекдотов отсутствует, но говорится о двух анекдотах:

1) касающийся наркома иностранных дел Литвинова, о каких-то двух книгах в цветном переплете;

2) о жене Калинина, компрометирующий последнего.

Эти анекдоты Масис рассказывал за столом после карточной игры.

Также Беллавин указал, что его мать неоднократно проявляла контрреволюционные настроения, в частности:

1) говорит, что в тюрьмах пытаются, жестоко обращаются, не дают спать, пить и т.д.;

2) о выборах в Верховный Совет СССР говорит, что это простой формализм;

3) что рабочим ничего не дают из продовольственных товаров, а Москву ими заваливают;

4) что кругом сидят вредители, и в НКВД полно вредителей, кому верить-то?

Про супруга она говорила, что Масис – это честнейший человек, и его топят вредители.

Заявление сына заканчивается словами: «Я хоть и ее сын, но считаю, что если человек мыслит не по-советски, омрачает нашу жизнь, то таким людям не место среди нас».

Отметим, что заявление якобы принял Курбанов, и он же 28 декабря 1937 г. составил протокол допроса свидетеля Беллавина В.С. Отмечено, что тот в настоящее время работает следователем прокуратуры в г. Ижевске Удмуртской АССР.

Как следует из показаний Беллавина, перед арестом Масис сильно нервничал. Они с матерью сжигали какую-то литературу. Масис говорил супруге, что его расстреляют за горсоветское дело. После ареста отчима его мать также ожидала ареста. Также сильно нервничал и их сосед по квартире – заведующий учебной частью областных юридических курсов Винокуров Б.А. Он также сжигал литературу и переписку, готовился к аресту.

17 января 1939 г. Курбанов допросил Ксению Ефимовну Масис. В протоколе отмечено, что до революции она яв-

лялась учащейся, в 1911 г. окончила гимназию в Казани, в 1920-1922 гг. служила в Кубанской армии, в клубно-театральном отделе, занималась культурным обслуживанием тыловых и фронтовых частей, до 1924 г. работала артисткой оперы.

Курбанов спрашивал – что сжигали с мужем перед арестом? К.Е. Масис пояснила, что на партийном собрании в прокуратуре республики 8 октября 1937 г. мужа исключили из партии. Домой он пришел в совершенно невменяемом состоянии и заявил: «теперь я знаю, что меня арестуют и расстреляют». Она спросила – какое же он совершил преступление? Муж ответил, что прохлопал, проспал горсоветское дело, не проконтролировал сметы расходов горсовета. Масис после этого перестал есть, пить, спать, убегал из дома и гулял по улицам, озираясь по сторонам. Он производил впечатление психически больного человека, и супруга даже хотела вызвать к нему врача. По ночам она уговаривала его ложиться спать. В момент приезда за ним сотрудников НКВД Масис стоял у окна и ждал их. Что касается сожженных бумаг, то они сожгли подлежащую изъятию литературу, т.к. было постановление – проверить всю имеющуюся литературу. Они проверили и сожгли, что было запрещено и что было не нужно.

На допросе 7 апреля 1939 г. у К.Е. Масис спрашивали о связях Масиса. Супруга пояснила, что у них бывали в гостях Лейбович с супругой, Усманов с супругой, Вацик. Особенно часто встречались с семьей Усманова – ходили друг к другу в гости, мужья играли в преферанс. В общем, ничего нового следствию Ксения Ефимовна не сообщила.

Шел уже 1939 год. Поэтому следователь задает Масису вопрос, который, например, в 1937 г. он вряд ли бы задал. Следователь утверждает, что в 1937 г. Масис и Лейбович давали следственным работникам незаконную установку о том, чтобы по хозяйственным и другим рядовым преступлениям

привлекать людей по ст. 58-7 УК РСФСР, с их арестом. Масис отвечал, что такую установку следователям давал прокурор республики Лейбович, чтобы они по всем хозяйственным преступлениям обвиняли по статье 58-7 УК РСФСР и немедленно арестовывали людей.

29 мая 1939 г. на допросе Масис заявил ходатайство о проведении повторной очной ставки с Усмановым (а тот уже был расстрелян), о допросах работников прокуратуры Лейбовича, Корнева, Царевского, Бабинцева, Пиндрус и др. Также он заявил, что отказывается от своих прежних показаний, данных на допросах 3 декабря 1937 г. и 13 мая 1938 г. В удовлетворении ходатайства было отказано. Допросили лишь Царевского, который ничего по существу не показал.

17 декабря 1939 г. Масиса допросили по уголовному делу сотрудника НКВД Курбанова (того как раз арестовали в этот день). При этом Масис указал, что Курбанов с нарушением закона проводил в свое время очные ставки между Масисом и Усмановым, Масисом и Муратовым. В частности, Курбанов не разрешил Масису задавать вопросы Усманову и Муратову. На этой очной ставке Усманов обронил слова о том, что он поставлен перед необходимостью давать вымышленные показания на Масиса. Услышав эти слова, Масис потребовал внести их в протокол очной ставки, однако Курбанов этого не сделал. А Муратова, утверждал Масис, вообще допросили без присутствия Масиса. Когда Муратов дал показания и Курбанов их записал, лишь тогда привели Масиса и огласили написанное.

Странно, но даже арест следователя НКВД Курбанова не повлиял на судьбу Масиса.

Обвинительное заключение по делу Масиса утвердил заместитель прокурора ТАССР по спецделам Гусаров – тот самый, которому Масис читал лекции в Казанском юридическом институте. В июне 1939 г. дело направляется на рассмотрение в

Особое совещание НКВД СССР. Обвинения остались почти что прежние:

- смазывал дела по контрреволюционным преступлениям;
- проводил незаконные аресты (это новое);
- распространял антисоветские анекдоты.

17 января 1940 г. Особое совещание приговорило Масиса к 3 годам лагерей, с началом срока 11 сентября 1937 г. Сидеть ему оставалось совсем мало...

По словам супруги, Масиса перебрасывали из одной тюрьмы в другую, затем отправили в лагерь в Коми АССР. Масис освобожден в 1940 г.

В 1942 г. супруга Масиса обращалась с просьбой о его реабилитации – что он осужден невинно. Она также просила разрешить супругу проживать в Казани. Но кому какое дело было в то время до Масиса?! Шла война, и ответ на заявление был коротким – отказать.

Из мест заключения Масис вернулся больной, в тяжелом состоянии, в разгар гипертонической болезни. Его положили в областную больницу в клинику профессора Терегулова на стационарное лечение. Здесь наступило незначительное улучшение состояния. Потом Масис решил подлечиться на родине и находился на стационарном лечении в кардиологическом институте в Одессе. Когда началась война, Масиса эвакуировали в г. Кустанай Казахской ССР.

Его супруга, тоже больная, во время войны работала медсестрой в госпитале. В 1942 г. она поехала в г. Кустанай к мужу. Бывший прокурор г. Казани Масис скончался в г. Кустанае в 1949 г.

В 1956 г. Ксения Ефимовна, несмотря на плохое состояние здоровья, после съезда и выступления Хрущева, взяла отпуск, перенесла тяжелую дорогу и приехала в Казань – в город, где она выросла без родителей. Здесь она подала заявление о реабилитации мужа, указав, что она вышла замуж за Масиса в

1923 г. и знала его как самого честного и преданного Советской власти работника. Масис К.Е. в своем заявлении также рассказала, как были получены показания от ее родного сына. Действительно, когда читаешь заявление и показания Валентина Беллавина, берет оторопь. Как он мог сказать такое о матери, об отчине?

Из заявления Масис К.Е. все становится ясно. Оказывается, после ареста Масиса А.Г. его неродной сын Беллавин В.С., работавший в Архангельске следователем прокуратуры, был снят с должности, исключен из комсомола.

Приехав из Архангельска в Казань, Беллавин явился в НКВД ТАССР, чтобы выяснить, за что арестовали его отчима и почему применяют такие меры в отношении его самого. Масис К.Е. пишет: «Старательный следователь только обрадовался новой жертве и под дулом пистолета мой сын вынужден был подписать протокол, ему подсунутый, что Масис рассказывал какой-то антисоветский анекдот».

На другой день сын описал все случившееся в письме в НКВД в Москву на имя наркома – лично, и попросил мать отвезти письмо. Ксения Ефимовна поехала в Москву и отвезла пакет по назначению. По возвращении в Казань Масис К.Е. узнала, что следователь Курбанов снят с работы и арестован. Скорее всего, это было совпадением. Ведь на Курбанова писали заявления многие. В его уголовном деле нет сведений о применении недозволенных методов по делу Масиса, при допросе его неродного сына.

Как писала Ксения Ефимовна, ее сын не смог продолжить работу в органах юстиции. Он всегда честно писал в анкетах об отчине, и это всегда становилось препятствием для работы. Доведенный до полного отчаяния, сын завербовался рабочим в Днепропетровск в сталелитейный цех. Когда началась Великая Отечественная война, сын с первых дней ушел на фронт, с отличием закончил военную школу. Воевал, в мае

1942 г. пропал без вести. Поиски матери ни к чему не привели.

Прокурор Татарской АССР Лоскутов принес протест по делу Масиса. 6 декабря 1956 г. Президиум Верховного суда ТАССР под председательством Орлова отменил приговор по делу Масиса и реабилитировал его.

В январе 1957 г. Масис К.Е. прислала в Верховный суд ТАССР письмо следующего содержания: «Огромное спасибо родной Коммунистической партии от себя лично и от имени умершего мужа и погибшего сына – за то, что она защищает стойких, преданных и честных сынов любимой Родины от гнусной клеветы врагов революции и подлых фашистов. Да здравствует правительство могучего Советского Союза!».

Минникеев Габдрахман Низамутдинович

Минникеев Габдрахман Низамутдинович родился в 1914 г. в деревне Лашманка Черемшанского района. Учился в начальной школе и работал в колхозе в родной деревне. В 1932–1935 гг. учился на Чистопольском рабфаке. С 3 курса рабфака по рекомендации комсомола его направляют на подготовительные курсы в Казанскую военную школу при 2-ом стрелковом полке. В 1936 г. он работал заведующим общим отделом Первомайского (Черемшанского) райисполкома. Осенью 1936 г. Минникеев выезжает на учебу в Казанскую правовую школу. После годичного обучения с ноября 1937 г. он начинает работу в прокуратуре Тетюшского района – народным следователем, а затем помощником прокурора района. С 1939 г. Минникеев работает помощником прокурора Агрызского района. В январе 1940 г. он призывается в РККА и до октября 1940 г. участвует в боях против белофиннов. Затем продолжается работа в органах прокуратуры: помощник прокурора Агрызского района, прокурор Азнакаевского рай-

она, помощник прокурора Татарской АССР по спецделам.

Одновременно Минникеев экстерном учится в двухгодичной Казанской юридической школе, а в 1950 г. заочно оканчивает Всесоюзный юридический институт.

За период работы в органах прокуратуры Минникеев Г.Н. в целом показал себя с положительной стороны. Он имел благодарности от прокурора Татарской АССР, был награжден Почетной грамотой Президиума Верховного Совета ТАССР (1944 г.). В 1947 г. в связи с 25-летием советской прокуратуры был награжден ценным подарком – именными часами. Также был награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Воспитывал четверых детей.

В начале 1952 г. Минникеев Г.Н. утверждается начальником отдела уголовно-судебного надзора прокуратуры республики. Вскоре в Татарской АССР образуются Казанская, Чистопольская и Бугульминская области. 10 июня 1952 г. Минникеев Г.Н. назначается прокурором Казанской области, ему присваивается чин советника юстиции. Назначение Минникеева Г.Н. на высокую должность прокурора области, несомненно, говорит о его достаточно высоком уровне знаний, опыта, практики.

Однако области просуществовали недолго. В мае 1953 г. прокуратура Казанской области ликвидируется. Минникеева назначают начальником следственного отдела прокуратуры республики.

Приказом прокурора ТАССР от 1 декабря 1954 г. Минникеев Г.Н. назначается и.о. прокурора г. Казани. Прием-сдача дел состоялась 6-7 декабря 1954 г.

В марте 1956 г. прокурору г. Казани Минникееву Г.Н. объявляется выговор – за необоснованный арест двух человек, которые просидели под стражей 6 и 7 месяцев, а уголовное дело впоследствии было прекращено.

18 июня 1956 г. прокурор г. Казани Минникеев внес се-

кретарю Казанского горкома КПСС и заведующему отделом административных, финансово-торговых органов ОК КПСС подробную информацию о незаконных действиях и фактах произвола со стороны работников милиции г. Казани, о совершенных ими преступлениях. В информации содержатся сведения о 21 случае.

Из информации следует, что указанные факты были предметом обсуждения на собрании партийного актива работников милиции г. Казани. При этом некоторые руководящие работники выступили в поддержку незаконных действий своих подчиненных, говоря: «Как не применишь физическую силу к нарушителям». Однако начальник Управления милиции г. Казани Абуталипов в заключительном слове не поправил своих работников.

Информация прокуратуры в горкоме долго не рассматривалась. В октябре 1956 г. Минникеев составил справку о новых нарушениях со стороны работников милиции г. Казани (еще 8 фактов), которую направил в горком партии.

Таким образом, между прокуратурой города и управлением милиции города сложилось серьезное противостояние. Вскоре у милиции появилась прекрасная возможность расчитаться с прокурором.

13 февраля 1957 г. пьяный старший следователь прокуратуры республики Чершинцев был подобран работниками милиции на одной из улиц Казани и доставлен в медвытрезвитель. Когда по этому поводу началась проверка, то выяснился факт коллективной пьянки в ресторане станции Казань, с участием Чершинцева, а также Минникеева, прокурора Ленинского района Мустафина, следователя городской прокуратуры Сулейманова и директора магазина Бакланова. За это Минникеев получает партийное взыскание, отстраняется от должности прокурора города.

Минникеев обжаловал решение о привлечении его к партийной ответственности, но его апелляция была отклонена.

Как отмечено в справке, Минникеев и ранее допускал факты выпивок и недостойного поведения. Также указано, что 8 октября 1956 г. решением Казанского горкома партии Минникееву было поставлено на вид и сделано предупреждение за нарушение правил советской торговли.

В июне 1957 г. его освобождают от должности за неправильное поведение (необеспечение руководства работой городской прокуратуры, участие в коллективной пьянке с подчиненными). После снятия с должности прокурора г. Казани Минникеев в августе 1957 г. назначается помощником прокурора Советского района г. Казани.

В 1960 г. Минникеев трижды привлекается к дисциплинарной ответственности: ему объявляется выговор за необоснованное предание суду Самаркина и сокрытие в статотчете данных о прекращении дела; объявляется замечание за необоснованное предание суду Давыдова; объявляется выговор за недобросовестное отношение к исполнению служебного долга.

Следует отметить, что в течение 1960 г. Минникеев продолжительное время исполнял обязанности прокурора Советского района г. Казани, и два дисциплинарных наказания ему были объявлены именно как и.о. прокурора Советского района г. Казани.

Минникеев был уволен из органов прокуратуры в октябре 1960 г. После увольнения он устроился на работу в Татпотребсоюз инструктором.

Удалось найти копию приговора и копию определения по делу Минникеева. Дело Минникеева и других рассматривала судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда Татарской АССР под председательством Диваева с 24 апреля до 5 мая 1961 г. Обвинение поддерживал прокурор Боверман.

Вместе с Минникеевым по делу проходили: Василькин, с высшим юридическим образованием, мастер Казанского за-

вода математических машин; Жвакина, продавец магазина №8 Казгорторга; Сафин, заведующий магазином №8.

Василькин являлся общественным контролером Госторгинспекции и в этом качестве проводил проверку в магазине №8, где были обнаружены грубые нарушения Правил торговли. После проверки и составления акта торговые работники угостили Василькина спиртным, а также передали деньги в сумме 50 рублей. Угощения спиртным были неоднократны.

Вскоре работники магазина №8 Лебедева и Жвакина попались на продаже яиц по завышенной цене – было возбуждено уголовное дело. Они обратились за помощью к Василькину, тот взялся помочь, переговорив с помощником прокурора Советского района Минникеевым. Согласно приговору, Василькин получил от Лебедевой 600 руб., а Минникеев – 400 руб.

Однако Лебедеву неожиданно арестовали в зале суда и осудили к лишению свободы. После этого она заявила о передаче денег Василькину и Минникееву.

Кроме этого, Минникеева обвинили в том, что он по двум делам вступал в близкие отношения с подследственными, посещал их квартиры и употреблял там спиртные напитки.

Василькин первоначально получение денег отрицал. После шестимесячного нахождения под стражей Василькин «признался», но заявил, что свою часть денег – 400 рублей – он вернул Лебедевой после её осуждения, и что вернуть деньги ему поручил Минникеев.

Минникеев в жалобах и на допросах показывал, что инициатором направления уголовного дела Лебедевой в суд и её осуждения был именно он, как и.о. прокурора Советского района г. Казани. Также Минникеев называл людей, которые могут подтвердить о даче Лебедевой ложных показаний.

По словам ветерана органов прокуратуры Мугинова Р.Ш., дело Минникеева расследовали бригадным способом и след-

ствии завершили быстро. У Минникеева дважды проводили обыск дома, один раз в служебном кабинете.

Минникеев ни в чем свою вину не признал. Ему было предъявлено обвинение в получении взятки и злоупотреблении служебным положением. Он был арестован и находился в заключении с 23 марта 1961 г. Минникова осудили к 3 годам лишения свободы.

Судебная коллегия Верховного Суда РСФСР 26 июня 1961 г. приговор в отношении Минникеева изменила, приговор в части осуждения за получение взятки был отменен с прекращением дела. Судебная коллегия пришла к выводу, что показания Лебедевой весьма противоречивы и объективно ничем не подтверждаются. Допрошенные свидетели показали, что ранее Лебедева пыталась оклеветать работников милиции. Тем более уголовное дело на Лебедеву было возбуждено по инициативе Минникеева. Дело по эпизоду получения взятки в отношении Минникеева и Василькина было прекращено за недостаточностью улик. Но приговор по ст. 170, ч.1 УК РСФСР 1960 г. в отношении Минникеева был оставлен без изменения – один год лишения свободы²⁷.

Таким образом, осталось обвинение в употреблении спиртных напитков с подследственными. Но здесь – дело оценки. В судебных документах нет данных о том, что Минникеев освободил от уголовной ответственности указанных лиц, либо каким-то образом облегчил их участь.

Смирнов Федор Филиппович

Смирнов Ф.Ф. родился в 1914 г. в семье крестьянина-бедняка села Грибоедово Ржевского района Калининской области, что под Москвой. До 1930 г. жил и учился в деревне. В конце 1930 г. по призыву Ленинского комсомола – «Молодежь

²⁷ Национальный архив Республики Татарстан. Верховный суд Татарской АССР. Фонд Р-3870, опись 16, дело 83. Приговоры и определения... по уголовным делам, сданные в макулатуру. 1961 г.

на новостройки» – поехал на строительство химкомбината в Московской области. После непродолжительной работы на стройке был принят в нарсуд секретарем. В 1931 г. перешел инспектором в районное отделение исправительно-трудовых работ. В 1933-1936 гг. Смирнов работал оперуполномоченным районного отделения МВД в г. Донской Московской области. За успешную борьбу с уголовной преступностью Смирнов был награжден именованным огнестрельным оружием. Затем последовал призыв в армию и служба в г. Москве. В декабре 1937 г. Смирнов возвращается в г. Донской и поступает на службу в органы прокуратуры -народным следователем. Во время войны Смирнов работает районным, а затем военным прокурором трех районов.

В сентябре 1944 г. приказом Генерального прокурора СССР Горшенина К.П. прокуратура г. Казани была воссоздана со штатом из 9 оперативных и 3 технических работников. Прокурором города назначается Ф.Ф. Смирнов, его заместителем – Низамов Г.Н.

Городская прокуратура начала свою работу с 15 сентября 1944 г. Первоначально прокуратуру разместили в одной из комнат Бауманской районной прокуратуры размером в 12 кв.м.

Смирнов Ф.Ф. бился во все двери – горком, обком, Совнарком Татарии – с просьбой о предоставлении нормально-го помещения. В декабре 1944 Смирнов по этому же вопросу обратился к прокурору РСФСР. Впоследствии прокуратура города получила 5 небольших комнат. Два следователя городской прокуратуры располагались в помещении прокуратуры Бауманского района (4-5 кварталов от городской прокуратуры).

В октябре 1944 г. приказом прокурора Татарской АССР судебный надзор за работой нарсуда 5 участка Сталинского района г. Казани, где рассматривались уголовные дела о преступлениях несовершеннолетних, был возложен на проку-

рора г. Казани. Ранее этот надзор осуществляла прокуратура Сталинского района.

По состоянию на 1945 г. прокурор г. Казани Смирнов Ф.Ф. имел неполное среднее образование и учился в юридической школе. В октябре 1947 г. Смирнов сдавал государственные экзамены в юридическом институте. В 1948 г. прокурор г. Казани Смирнов Ф.Ф. учился на 2 курсе университета марксизм-ленинизма.

Аппарат прокуратуры города того времени был самостоятелен в решении большого круга вопросов по руководству деятельностью семи районных прокуратур. Это осуществление общего надзора, расследование дел и организация надзора за предварительным следствием, рассмотрением судами уголовных и гражданских дел, соблюдением законов органами милиции и органами лишения свободы. В структуре горпрокуратуры имелись соответствующие отделы (следственный, общего надзора). Решал прокурор города и широкий круг вопросов о кадрах. Помимо представления кандидатур для зачисления и отчисления из органов прокуратуры города и районов, он был наделен полномочиями поощрения, привлечения к дисциплинарной ответственности за нарушения по службе, а также предоставления отпусков всем работникам прокуратур городского и районного звена.

Приказы и распоряжения прокурора города свидетельствуют, что аппарат прокуратуры работал в военное и послевоенное время весьма напряженно. Прокуратура города осуществляла непосредственное руководство всем предварительным следствием в городе. В производстве следователей одновременно находилось до 18 уголовных дел. В тот период предварительное следствие осуществлялось только органами прокуратуры. Серьезное внимание обращалось на повышение квалификации и оказание помощи. Так, каждую пятницу с 19 до 21 часа проводились обязательные занятия для всех

следователей прокуратур города, на которых изучались наиболее актуальные, с точки зрения техники, тактики и методики расследования, правильности квалификации, дела.

В декабре 1947 г. – январе 1948 гг. бригада под руководством начальника отдела общего надзора прокуратуры ТАССР Балиева А.Х. провела ревизию деятельности прокуратуры г. Казани. К этому времени штат городской прокуратуры состоял из 16 оперативных работников. В целом работа городской прокуратуры была признана удовлетворительной, хотя без недостатков и замечаний не обошлось.

В феврале 1948 г. Смирнов издает приказ: навести порядок в скопившихся многочисленных вещественных доказательствах.

Приказом прокурора ТАССР от 27 марта 1948 г. прокурор г. Казани Смирнов отзывается из отпуска: «в связи с тревожным положением дел со следствием в органах прокуратуры г. Казани».

В июле 1948 г. Смирнов выезжает в командировку в прокуратуру РСФСР.

Смирнов был освобожден от должности приказом прокурора Татарской АССР от 25 августа 1948 г. 14 сентября 1948 г. он сдал дела прокуратуры г. Казани и.о. прокурора г. Казани Якубовскому Х.С.

Смирнов Ф.Ф. был награжден медалями «За трудовую доблесть», «За оборону Москвы», «За победу над Германией», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», грамотой Верховного Совета Татарской АССР «За выдающиеся заслуги в деле укрепления социалистической законности». В Казани Смирнов проживал с семьей, имел троих детей.

После освобождения от должности прокурора г. Казани Смирнов Ф.Ф. назначается заместителем прокурора Воронежской области по общим вопросам. В 1949 г. следует оче-

редное высокое назначение – Смирнов становится заместителем начальника следственного отдела прокуратуры СССР.

Смирнов уже год работает в Москве, когда в Казани развернулись драматические события. В 1950 г. был арестован прокурор Татарской АССР Надеев И.С. – за получение взятки, и вместе с ним – ряд прокуроров и судей. Комиссия из Москвы начала проверку деятельности органов прокуратуры Татарской АССР, отдельных работников. Было возбуждено немало уголовных дел, в том числе и уголовное дело на одного адвоката. Тот защищал обвиняемого и добился его освобождения из-под стражи. За это жена освобожденного передала адвокату деньги. А санкционировал изменение меры пресечения с содержания под стражей на подписку о невыезде до суда именно прокурор г. Казани Смирнов.

Новый заместитель прокурора Татарской АССР Березов, который и разворошил весь этот «муравейник», писал в рапорте о том, что «крупный спекулянт Л. ушел от ответственности за взятку, которую получил прокурор города Казани Смирнов».

Обратимся к материалам этого громкого в свое время уголовного дела. Оно было возбуждено в марте 1950 г. Тогда же Смирнова вызвали из Москвы в Казань для допроса. Арестовали его 9 августа 1950 г. с санкции прокурора СССР Сафонова.

Казанский адвокат Т. получил крупные суммы от родственников арестованных обвиняемых, обещая освободить их из-под стражи. При этом адвокат никому – ни обвиняемым, ни их родным – не говорил, как и через кого он решает эти вопросы. Просто он просил денег – за освобождение.

Сам адвокат Т. получение денег от родственников арестованных обвиняемых не отрицал. «Да, деньги получал, но я работал, старался, писал жалобы, добивался их освобождения» – такова была позиция адвоката. Т. не отрицал знаком-

ства с прокурором города Казани Смирновым, но ни на одном допросе не подтвердил о передаче денег Смирнову.

Тем не менее при таких данных следствие сделало вывод, что Смирнов получил деньги от адвоката Т. В качестве одного из доказательств была указана близкая связь и дружба между адвокатом и прокурором.

Смирнов вину не признал и утверждал, что взятку не получал, адвоката-мошенника знал, как и многих других адвокатов. К тому же, жена адвоката работала в прокуратуре! Кроме этого, они все вместе учились в юридической школе и ВЮЗИ, но все эти отношения носили бытовой характер.

Но главным доказательством виновности Смирнова было другое. Он действительно освободил из-под стражи Л. – жулика, афериста, арестованного за продажу обычных стекляшек под видом бриллиантов. Причем, первоначально Смирнов арестовал Л., затем сам продлил срок расследования по делу.

Арестованный Л. подал жалобу, приложив справку врача о плохом состоянии здоровья. Он просил освободить его из-под стражи, в противном случае угрожал объявить голодовку.

Проверку жалобы Л. Смирнов поручил своему помощнику. Тот сделал вывод, что оснований для освобождения Л. не имеется, одновременно представив список арестованных, содержащихся с нарушением сроков, – таких оказалось 19 человек.

Смирнов на следствии и в суде объяснял, что освобождение Л. из-под стражи он произвел из-за переполненности следственного изолятора. Тогда, кроме Л., Смирнов освободил еще двоих арестованных. Совершенное Л. преступление было незначительным, расследование приняло затяжной характер. Причем Л. действительно имел инвалидность и болезни.

А Л. после освобождения скрылся – выехал к себе на родину в г. Харьков. В 1949 г. его задержали в Одессе за совершение нового преступления.

Адвокат Т. считался адвокатом коллегии адвокатов г. Казани, имел среднее образование, законченного юридического образования не имел, раньше работал часовым мастером и, видимо, был ушлым человеком. Второй эпизод его преступной деятельности связан с делом его бывших коллег – двоих заведующих часовыми мастерскими в Казани. Их также арестовали по санкции прокурора г. Казани Смирнова – за злоупотребления при проведении денежной реформы 1947 г. Адвокат Т. от родственников обоих арестованных получил значительные денежные суммы. И снова удача – одного обвиняемого суд оправдал, а дело второго возвратили на дополнительное расследование с освобождением из-под стражи. Правда, оправдательный приговор по протесту прокуратуры ТАССР был отменен, но счастливый оправданный уже скрылся. Хотя и в этом эпизоде на Смирнова практически ничего не было – не он освободил, а суд! – тем не менее его обвинили и в этих преступлениях.

Общий вывод таков – Смирнов пострадал из-за своей близкой связи с адвокатом Т., который за его спиной успешно «делал деньги». Никаких прямых доказательств виновности Смирнова в ходе следствия и суда добыто не было, дело было «шито белыми нитками».

Дело Смирнова, адвоката Т., супруги одного из освобожденных Л. в ноябре 1950 г. рассматривала в Казани судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР. Обвинение поддерживал прокурор Рагинский.

Смирнова осудили по статьям 117, ч. 2 и 109 Уголовного Кодекса РСФСР – за получение взятки в связи с освобождением из-под стражи Л., и за злоупотребление своим служеб-

ным положением. Прокурору дали десять лет! У него отбирают медали, лишают звания старшего советника юстиции.

Адвокат Т. тоже получил десять лет лишения свободы. Кстати, это был уже второй его срок. Еще в 1949 г. Верховный суд Татарской АССР осудил адвоката на 10 лет. Первый приговор поглотили вторым – и снова дали 10 лет. Супруга взяточдателя Л. получила пять лет лишения свободы.

Около четырех лет Смирнов находился в местах лишения свободы. Лишь в 1954 г. Генеральный прокурор СССР (уже Руденко) опротестовал приговор в отношении Смирнова.

Верховный Суд СССР отменил 26 июня 1954 г. приговор на Смирнова и дело прекратил из-за недоказанности обвинения. Адвокату Т. обвинение переквалифицировали, признав, что он деньги от родственников клиентов присвоил, и снизили срок до 5 лет.

При этом Верховный Суд СССР обратил внимание на то, что о виновности Смирнова давали показания лица, которые были настроены против него в связи со служебными отношениями. В частности, в получении денег и нарушениях закона Смирнова изобличал бывший следователь прокуратуры Б. Однако сам Б. был уволен из органов прокуратуры по представлению прокурора гор. Казани Смирнова как непригодный к работе, и в его характеристике указывалось, что Б. склонен ко лжи.

Суд, осуждая Смирнова, даже сослался на показания осужденных по делу прокурора республики Надеева–Михалева (трижды судимого за взятки!), Яруллиной (получила по делу, возбужденному Смирновым, 25 лет лишения свободы за особо крупное хищение!). Они, хотя и ничего не знали по делу Смирнова, тем не менее всячески пытались его скомпрометировать.

5 января 1955 г. Комитет партийного контроля при ЦК КПСС восстановил Смирнова в членах КПСС. В апреле 1955 г.

Смирнов направляется в распоряжение прокуратуры Кемеровской области и назначается прокурором следственного отдела, затем заместителем начальника отдела по надзору за милицией. Уже с декабря 1955 г. он исполняет обязанности начальника отдела по надзору за милицией.

В октябре 1956 г. старший советник юстиции Смирнов назначается прокурором следственного отдела прокуратуры РСФСР.

Смирнов Ф.Ф. по делам службы приезжал в Казань. В частности, 14 июня 1963 г. прокурор следственного отдела прокуратуры РСФСР Смирнов участвовал в межведомственном оперативном совещании при прокуроре республики и министре охраны общественного порядка, когда обсуждался вопрос об организации работы органов прокуратуры и милиции Челнинского района по борьбе с преступностью.

ПОЗОРНАЯ СТРАНИЦА В ИСТОРИИ ПРОКУРАТУРЫ ТАТАРСТАНА

Позорная страница в истории прокуратуры Республики Татарстан связана с именем Ибрагима Сайфутдиновича Надеева. Он единственный в истории прокурор республики, арестованный и осужденный за должностное преступление – получение взятки.

И.С. Надеев родился в 1912 г. в селе Ломаты Дубенского района Мордовской республики в семье крестьянина-бедняка. Его отец умер в 1918 г. В анкете Надеев указывал, что в 1920–1928 гг. вместе с матерью он работал по найму у кулаков – зажиточных селян. С 1924 г. был членом ВЛКСМ, в 1929 г. окончил школу крестьянской молодежи. В 1929–1930 гг. работал преподавателем Ломатской трудовой школы 1-й ступени в родном селе. В 1930 г. Обкомом ВЛКСМ Надеев был командирован в Казань на учебу в Татарский коммунистический университет. Анкету для поступления в университет Надеев составил в мае 1931 г. Его зачислили на комсомольское отделение, но к учебе он не приступил: поехал домой, чтобы сняться с учета, собрать вещи, но вскоре прислал в университет письмо, в котором сообщал, что сильно болеет, лежит в больнице, просил дать отсрочку, обещал приехать в октябре 1931 г. Ему писали письма, слали телеграммы – приезжай учиться! Вдобавок ко всему Надеев потерял студенческое удостоверение. В конце концов в январе 1932 г. его исключили из университета за пропуск занятий. В 1931 г. Надеев вступил в ВКП(б), был рекомендован Дубенской и Казанской организациями комсомола и старыми коммунистами (Косов и другие). В 1932–1933 гг. он работал директором школы ФЗУ

на базе 9-летки при строительстве фабрики киноплёнки № 8 в г. Казани.

В марте 1933 г. Надеев мобилизуется Казанским горкомом на работу в органы юстиции – помощником начальника исправительно-трудового учреждения по политико-воспитательной части УИТУ НКЮ. В начале 1934 г. Надеев работал начальником политико-воспитательной части лесозавода УИТУ. Лесозавод входил в Центральную фабрично-заводскую колонию. Надеевым составлен отчет о политико-моральном состоянии сотрудников лесозавода на 1 января 1934 г.

В Казанской Центральной фабрично-заводской исправительно-трудовой колонии в 1933–1934 гг. проходили производственную практику студенты Казанского института советского права. По материалам практики они написали дипломные работы, при этом в некоторых работах нашлись политические ошибки. В частности, 27 июня 1934 г. студентка Офенгенден защищала дипломную работу по теме «Труд как средство перевоспитания в ИТУ». В ее работе нашли политически неверное предложение, навеянное производственной практикой: о необходимости снижения норм хлеба для отлынивающих от работы осужденных.

4 июля 1934 г. по той же теме защищал дипломную работу студент Иванов. В его работе также нашли недостатки, навеянные производственной практикой: в частности, политически неверное положение о проведении в стенах ИТУ лозунга: «Кто не работает, тот не ест». Как выяснилось впоследствии, перед практикантами такую теорию развивал работник колонии Надеев. Консультант по дипломной работе указал на политическую неверность этих предложений и предложил убрать их из работы, но студенты ничего не исправили. При разборе дипломных работ студенты признали

свои ошибки, объяснив их установками работника КФЗИТК Надеева²⁸.

Из УИТУ Надеев был командирован в Москву на учебу в школу высшего начсостава ГУИТУ РСФСР. Как он указывал в автобиографии, в школу его не приняли по состоянию здоровья и из-за непрохождения службы в РККА. В это время происходит реорганизация органов ИТУ, и Надеев по решению ЦК направляется на прокурорскую работу в Узбекистан. Здесь он работает в 1934–1939 гг. – прокурором городов Бехбуди-Карши, Шахризабз, Кашка-Дарьинского округа, прокурором по спецделам прокуратуры Узбекской ССР. Надеев поощряется за образцовую постановку работы в прокуратуре города Шахризабз, награждается специальным значком ЦИК Узбекской ССР за активную работу против кулацкого саботажа и выполнение плана сдачи хлопка государству. Последнее время Надеев занимал достаточно высокую должность исполняющего обязанности начальника следственного отдела прокуратуры Узбекской ССР.

Таким образом, в Узбекистане Надеев довольно быстро поднялся по служебной лестнице. Как он на самом деле проявил себя в Узбекистане, мы не знаем: все изложенные здесь сведения взяты из его анкеты и автобиографии; какая-либо характеристика в его личном деле отсутствует.

В апреле 1939 г. Надеев отзывается в распоряжение прокуратуры СССР – по собственному заявлению. Видимо, он просил направить его в Татарскую республику. И.С. Надеев прибыл в Казань с удостоверением прокуратуры РСФСР от 13 мая 1939 г. с рекомендацией принять его на работу помощником прокурора Татарской АССР. 19 мая 1939 г. Надеев был назначен начальником гражданско-судебного отдела. Прокуратура СССР утвердила это решение.

²⁸ Национальный архив РТ, Фонд Р-5799, опись 1, дело 11. Казанский институт советского права. Отчет об учебной деятельности института за 1933–1934 гг.

29 января 1940 г. приказом прокурора республики Перова Надеев назначается исполняющим обязанности начальника следственного отдела, а 17 июня 1940 г. – исполняющим обязанности заместителя прокурора Татарской АССР.

Быстрый рост Надеева в прокуратуре Татарской республики, возможно, объяснялся тем, что перед войной многие сотрудники были призваны в армию. В частности, должность начальника следственного отдела освободилась в связи с призывом в РККА Б.С. Сунгатуллина.

Прокурор ТАССР Перов представляет кандидатуру Надеева в Татарский обком партии на утверждение в должности заместителя прокурора Татарской республики и пишет, что он «растущий работник, достаточно инициативный, требовательный, пользуется авторитетом. Политически развитый, в 1932 г. окончил Татарский коммунистический университет. Идеологически устойчив».

Надеев проходит спецпроверку и 16 июня 1940 г. утверждается бюро Татарского обкома в должности заместителя прокурора республики. Какая это, интересно, спецпроверка, которая не смогла выявить даже факт отчисления Надеева из коммунистического университета?

Вскоре документы на Надеева направляются Прокурору РСФСР. При этом в характеристике, представленной прокурору РСФСР, указывается образование Надеева: «Общее – ниже среднего, политическое – в 1932 г. окончил двухгодичное отделение Татарского коммунистического университета; юридического образования не имеет». В другой характеристике уточнялось, что общее образование Надеева составляет семилетнее обучение в школе.

Очевидно, что в те времена наличие политического образования ценилось больше, чем юридического. В самом деле, зачем прокурору юридическое образование, если он имеет политическое образование и правильно понимает и проводит политику партии?!

Документы Надеева в Москве ходили долго. Лишь 3 февраля 1941 г. прокурор СССР назначил его на должность заместителя прокурора Татарской АССР.

В сентябре 1940 г. прокурор Татарской АССР Перов направляет заявление Надеева директору Казанского филиала заочной правовой академии с просьбой зачислить его на третий курс. При этом указано, что Надеев до 1934 г. состоял студентом заочного сектора Казанского института советского права и в связи с командированием в Москву, а затем и в Узбекистан, был вынужден прервать учебу. Перов просит восстановить Надеева на учебе. И с 1941 г. Надеев зачисляется студентом.

Следует отметить, что прокурор Татарской АССР Перов в целом оценивал работу Надеева положительно. Как заместитель прокурора Надеев проводил кустовые совещания районных прокуроров, выполнял обобщения и другие поручения. Правда, в справке о работе Надеева от 24 сентября 1940 г. Перов указал, что он сделал неправильные выводы из проведенного им обобщения по реализации Указа Президиума Верховного Совета от 26 июня 1940 г. Со слов Перова, Надеев сделал вывод о якобы большой работе, проделанной органами прокуратуры, тогда как налицо были серьезные извращения Указа. Как отметил прокурор республики, ошибочное мнение Надеева не получило распространения и после разъяснения он стал придерживаться правильной точки зрения. Возможно, что это замечание Перова свидетельствовало о склонности Надеева приукрашивать истинное положение дел.

26 декабря 1940 г. Перов своим приказом закрепляет за Надеевым руководство отделами общего надзора, милиции, местами заключения, гражданско-судебным, разрешение хозяйственно-финансовых вопросов (финансовый сектор и управление делами).

После начала Великой Отечественной войны Надеев обратился к Военному прокурору Московского военного округа с просьбой о призыве его в органы военной прокуратуры МВО. Военный прокурор запросил прокурора Татарской АССР (а им был уже Д.Н. Исупов) его мнение по этому поводу. Исупов ответил, что Надеев является татаринном, а другой заместитель по специальным делам и сам прокурор республики не владеют татарским языком. Подобрать в настоящее время подходящего заместителя Исупов не мог – многие ушли на фронт, поэтому он не дал согласия на призыв Надеева.

Во исполнение решения бюро Татарского обкома ВКП(б) от 11 марта 1942 г. Надеев как заместитель прокурора Татарской АССР был направлен для расследования дела об антигосударственной практике руководителей Сармановского района. Преступление заключалось в составлении фиктивных документов о хлебозаготовках колхозами Сармановского района. Надеев с поручением справился. Под суд были отданы руководители района, председатели колхозов, директор Петровского спиртзавода и другие.

Надеев проявлял в работе активность и инициативу. Среди архивных документов есть представления, справки, информации, докладные записки, которые он, будучи заместителем прокурора ТАССР, отправлял в Татарский обком, в том числе и секретарю обкома, минуя прокурора республики.

В июле 1942 г. Надеев был мобилизован в Кайбицкий и Нурлатский районы по вопросам уборки урожая и заготовки сельскохозяйственных продуктов. В августе 1942 г. он исполнял обязанности прокурора ТАССР.

Прокурор Татарской АССР, судя по составленным в декабре 1941 года, марте 1942 г. характеристикам, был хорошего мнения о работе Надеева. В марте 1942 г. Исупов направил характеристику на Надеева в прокуратуру СССР для поощрения за честную, энергичную и инициативную работу.

В феврале 1944 г. Надееву присваивается классный чин старшего советника юстиции.

Удивительно, но перед этим, в январе 1944 г., заполняя личный листок по учету кадров, заместитель прокурора ТАССР И.С. Надеев указал, что с 1930 г. по 1932 г. он учился в Татарском коммунистическом университете, и в графе: «Окончил или нет», своей рукой написал: «да». Однако, как следует из приведенных нами архивных документов, Надеев Татарский коммунистический университет не окончил. И он в нем почти не учился, был отчислен за непосещение занятий. В личном деле прокурора Надеева нет какого-либо документа (диплома, свидетельства) об окончании Татарского коммунистического университета. Может быть, никто у него этого и не требовал?

Приходится констатировать, что Надеев пошел на обычный обман. Не имея практически никакого образования, он работал на ответственных должностях, в том числе и в прокуратуре.

Еще один негативный факт – 30 декабря 1943 г. бюро Татарского обкома заслушало вопрос об уголовном деле Кузнецова, Чижова, Новожилова и других (14 человек) по обвинению в бандитизме и уклонении от службы в РККА. Это была опасная группа, вооруженная пистолетами, которая совершила 26 вооруженных ограблений квартир граждан в Казани, а также вооруженные нападения на граждан и представителей власти. Как следует из постановления бюро обкома, при расследовании и рассмотрении данного дела была допущена вопиющая волокита. Законченное расследованием дело с марта 1943 г. не было разрешено по существу. В общей сложности дело ходило между различными органами в течение 9 месяцев (из милиции передавалось в прокуратуру, затем в трибунал, обратно в прокуратуру и так далее). Виновным в этом признали начальника следственного отдела прокуратуры ТАССР

Куника – ему объявили строгий выговор с занесением в учетную карточку. Заместителю прокурора республики Надеева поставили на вид – за самоустранение от руководства работой отделов прокуратуры и терпимое, примиренческое отношение к фактам вопиющей волокиты. От Надеева потребовали закончить расследование дела в трехдневный срок²⁹.

Отметим, что в характеристиках Надеева об этом партийном наказании не упоминается. Возможно, ему каким-то образом удалось скрыть этот факт.

В это же время в характеристиках Надеева появляются отдельные отрицательные моменты. В частности, прокурор Татарской республики Ардерихин в 1944 г. писал, что Надеев недостаточно проводил работу по надзору за выполнением Указов от 26 июня 1940 г. и 26 декабря 1941 г., не принял достаточных мер, направленных на усиление надзора за Верховным судом, и что он проявляет в работе инициативу и активность, однако недостаточно. В то же время Ардерихин в конце характеристики делает вывод о том, что Надеев «по практическому опыту и знаниям прокурорской работы, а также по уровню развития подготовлен к выдвигению на самостоятельную работу».

Приказом от 6 ноября 1944 г. прокурор ТАССР Садовников обязывает заместителя прокурора Надеева закончить теоретический курс и сдать государственные экзамены в ВЮЗИ 1 июля 1945 г. Такие же обязательства были возложены и на других сотрудников прокуратуры. Надеев приказ исполнил – в июле 1945 г. он сдал государственные экзамены в Казанском филиале Всесоюзного юридического заочного института и таким образом получил юридическое образование. Причем юридический институт он закончил отличником!

В 1945 г. прокурор Татарской АССР Садовников отмечает в характеристике, что Надеев «не всегда нормально воспринимает критические замечания».

²⁹ ЦГА ИПД РТ. Фонд 15, опись 5, дело 750. Протокол бюро... 30-31 декабря 1943 г.

В 1945 г. Надеев получил высокую государственную награду – орден Трудового Красного Знамени.

В апреле 1946 г. во время отсутствия Садовникова Надеев исполняет обязанности прокурора Татарской АССР. В августе 1946 г. прокурор Садовников сообщал в Москву, что Надеев второй месяц болеет. В это время происходят важные события – Москва требует характеризующие документы на Надеева. И 16 декабря 1946 г. Надеев назначается прокурором Татарской АССР. Приказ подписывает Генеральный прокурор СССР К.П. Горшенин.

9 февраля 1947 г. И.С. Надеев избирается депутатом Верховного Совета ТАССР. В его биографии в связи с выборами отмечено, что он явился одним из организаторов колхоза «Кызыл Юл» в родной деревне. Указано, что он был одним из лучших студентов комсомольского отделения Татарского коммунистического университета, избирался секретарем комитета ВЛКСМ, после окончания университета работал директором школы ФЗУ на строительстве завода «Киноплемка». Также отмечено, что в органах юстиции Надеев работает с 1933 г., а с декабря 1946 г. является прокурором Татарской АССР. Награжден медалями «За доблестный труд» и «За доблестный труд во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.»³⁰.

28 апреля 1947 г. приказом Генерального прокурора СССР Надееву присваивается классный чин – государственного советника юстиции 3-го класса. В мае 1947 г. в связи с 25-летием органов прокуратуры и за большие заслуги в деле осуществления социалистической законности и укрепления советского правопорядка Надеев награждается орденом Отечественной войны 1-й степени. В 1947 г. он избирается депутатом Казанского городского Совета депутатов трудящихся.

³⁰ Национальный архив Республики Татарстан. Фонд Р-3610, опись 1, дело 573. Списки и биографии депутатов Верховного Совета ТАССР. 1947 г.

Таковы основные сведения, почерпнутые из личного дела прокурора Татарской АССР И.С. Надеева³¹ и других архивных документов.

Надеев активно публиковался в печати. Сам он писал статьи или писали за него, нам неизвестно. В частности, 18 мая 1946 г. в газете «Красная Татария» доцент Казанского юридического института А.Т. Бажанов и заместитель прокурора Татарской АССР Ибрагим Надеев опубликовали большую совместную статью под названием «Строго соблюдать социалистические законы». Очевидно, что она была приурочена к очередной годовщине создания органов прокуратуры (22 мая 1922 г.), так как начиналась именно с освещения истории создания прокуратуры, ее основных функций, предназначения в целом. Далее в статье на основе материалов органов прокуратуры рассказывалось о фактах различных нарушений, о принятых прокуратурой мерах по устранению нарушений закона. Особенно досталось волокитчикам и бюрократам. Статья написана живо, интересно, с множеством конкретных примеров и свидетельствовала об активной работе органов прокуратуры по выявлению и устранению нарушений закона.

В «Блокноте агитатора» (1948 г., № 23) была опубликована большая статья Надеева «Ленин и Сталин о социалистической законности». Она вышла под грифом отдела пропаганды и агитаторства Татарского обкома ВКП(б). В статье большое число ссылок на работы, речи, высказывания Ленина и Сталина. Статья была издана для использования агитаторами.

23 ноября 1948 г. прокурор ТАССР Надеев на так называемых обязательных занятиях прочитал перед работниками прокуратуры республики, г. Казани и районных прокуратур г. Казани лекцию на тему: «О чести, долге и достоинстве советского прокурора».

³¹ Архив прокуратуры Республики Татарстан. Личное дело прокурора ТАССР И.С. Надеева.

В 1949 г. Надеев опубликовал в журнале «Социалистическая законность» статью под названием: «Идейно-политическое воспитание прокурорско-следственных работников Татарской АССР». В ней прокурор Татарской АССР подробно рассказывал о том, какая большая работа проводится по изучению работниками прокуратуры марксизма-ленинизма, повышению своего идейно-теоретического уровня и юридической квалификации. Партийное просвещение, лекции, кружки, учеба в юридических институтах и многое другое – все это, очевидно, на самом деле имело место. В конце статьи Надеев самокритично признал: «У нас еще много недостатков, у нас еще есть отдельные политически отсталые работники, не занимающиеся повышением своего идейно-политического уровня и юридической квалификации»³².

В 1949 г. в Татарском государственном издательстве был издан второй выпуск «Ученых записок Казанского юридического института». Они вышли под редакцией доцентов А.П. Владимирова, А.И. Левшина, А.Т. Бажанова и В.Г. Барышникова. Коллектив надеялся, что работа получит положительную оценку, ведь с таким трудом им удалось возобновить издание «Ученых записок» по юридической тематике.

Однако последовал сильнейший удар, причем со стороны, откуда его меньше всего ждали. С разгромной рецензией на «Ученые записки» выступил не кто иной, как сам И. Надеев, прокурор Татарской АССР. На 5 страницах печатного текста он опубликовал отзыв на Ученые записки в разделе «Критика и библиография» журнала «Социалистическая законность» (1949 г., № 8). Напомним, что этот журнал имел весьма высокий статус и являлся органом Министерства юстиции СССР, Прокуратуры СССР и Верховного Суда СССР.

Сначала Надеев обрушился на статью Левшина и Моленова «К вопросу о понятии спекуляции в советском уголовном

³² Социалистическая законность. 1949. № 4. С. 45 – 46.

праве». Основной «серьезной политической ошибкой» этих авторов Надеев назвал предложения о внесении изменений в статью 107 Уголовного кодекса РСФСР (о спекуляции). Левшин и Моленов посчитали, что действовавший тогда закон не разделяет спекулянтов на малых и больших. В частности, они полагали, что «...повторная, неоднократная и даже групповая спекуляция в незначительных размерах должна считаться менее опасной по сравнению с систематической спекуляцией в любых размерах и со спекуляцией в крупных размерах, совершаемых хотя бы одним лицом». Авторы резонно предлагали существующую статью 107 Уголовного кодекса РСФСР, которая подходила ко всем спекулянтам с одной меркой (причем наказание предусматривалось не ниже пяти лет с полной или частичной конфискацией без применения амнистии), разделить на три части, и только в одной из них предусмотреть самое строгое наказание.

Вполне разумный, дифференцированный подход. Но в нем прокурор Надеев усмотрел свертывание борьбы со спекуляцией. Ссылаясь на изречение Сталина, Надеев выступил категорически против этих предложений Левшина и Моленова. В их статье он нашел и много других «ошибок». Итог был суров: авторы допустили поспешные и политически неверные выводы, подошли с буржуазно-объективистских, а не партийных позиций, допустили путаницу и извращения, направленные на прямое ослабление борьбы с врагами народа – спекулянтами.

После этого настала очередь статьи старшего преподавателя Казанского юридического института А.М. Ахмадеева на тему «Очерки по конституционной истории современной Турции», которую Надеев оценил как порочную и политически вредную, пропитанную типичным буржуазным объективизмом. Причем, если судить по замечаниям, Надеев являлся прямо-таки «большим знатоком» по истории Турции.

Объективизм и беспартийность пронизывают, как указал далее Надеев, и статью кандидата юридических наук Н.А. Волкова «Обязательные постановления органов государственной власти и управления», которая составляет солидную часть диссертации автора. Волков допустил большой грех – ничего не сказал в своей работе «о роли коммунистической партии (большевиков), которая является передовым отрядом трудящихся...» Автор, оказывается, извращенно преподнес читателям функции и обязанности органов прокуратуры!

Те же недостатки Надеев нашел и в статье кандидата юридических наук Г.С. Ривина на тему «Развитие правового регулирования дисциплины труда рабочих и служащих по советскому праву».

В заключение Надеев написал: «Не будучи работником теоретического фронта, я не ставлю перед собой задачи дать полную рецензию на книгу «Ученые записки Казанского юридического института», но ознакомление с содержанием этих «Ученых записок» показывает, что в них имеются вредные ошибки и извращения. Нам, практическим работникам, остается лишь удивляться, как после исторических решений ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам и постановления ЦК ВКП(б) от 5 октября 1946 г. по вопросам юридического образования и состояния науки права Татгосиздат, редакторы и авторы «Ученых записок» осмелились выпустить в свет и пустить в продажу в научном отношении ничтожные, в практическом отношении вредные произведения».

Естественно, такое недоумение и возмущение главного законника ТАССР Надеева не могло остаться без реакции. Вопросом занялся Татарской областной комитет партии, «виновные» начали писать объяснения. В частности, Бажанову пришлось писать объяснение на имя секретаря Татарского областного комитета ВКП(б) Муратова и признаться «в приглушении бдительности в отношении отдельных статей».

Неизвестно, чем бы закончилось дело, если бы вскоре на самого прокурора ТАССР Надеева не завели уголовное дело и не арестовали. Естественно, что после такого поворота событий ученые Казанского юридического института мысленно воскликнули: «А судьи кто?», и вопрос с «Учеными записками» Казанского юридического института был исчерпан.

Итак, мы ознакомились с биографией И.С. Надеева, сделали некоторые выводы из имеющихся архивных и иных документов. Перейдем сейчас к событиям, предшествовавшим возбуждению уголовного дела и аресту прокурора Татарской республики Надеева.

Непосредственный участник событий тех лет, прокурорский работник Абдулла Ханович Валиев, первым написал об этом деле и изложил собственную версию событий. В то время Валиев работал в центральном аппарате прокуратуры ТАССР, был в курсе многих дел и событий. Приведем в полном объеме очерк А.Х. Валиева.

Деньги из мыла

В послевоенные годы в Казани были распространены опасные преступления, в том числе хищение государственного и общественного имущества. Для борьбы с ними в органах МВД были созданы отделы по борьбе с хищениями (ОБХСС). Как известно, они оправдали свое назначение. Одним из самых громких дел тех лет, заведенных по материалам ОБХСС, стало дело по обвинению Ю. Гришкана.

В Казани жили два брата Гришканы: младший Юрий заведовал мыловаренным цехом в промысловой артели инвалидов «Трудовик», а старший Григорий – киоском на колхозном рынке по улице Кирова, где реализовывалось мыло из цеха младшего брата.

Как было установлено при расследовании указанного дела, в годы войны жидкое мыло продавалось через киоск

Григория по цене 300–400 рублей за один стакан. При таких ценах братья Гришканы должны были бы приносить большой доход для промартели. Однако они из выручки от реализации мыла сдавали артели лишь половину суммы, остальное похищали.

Юрий Гришкан для производства мыла установил связь с работниками мыловаренного комбината им. Вахитова, через которых здесь получал сырье (кость) для мыловарения в своем цехе. Было установлено, что специалисты по сырью (по костным делам) по преступной договоренности с Гришканом каждый раз при отпуске сырья артели со склада комбината снижали коэффициент жирности, что давало возможность Гришкану сдавать артели лишь часть изготовленного мыла соответственно коэффициенту. Таким образом, в результате фальсификации коэффициента сырья у братьев Гришканов получался большой доход (в миллионы рублей). Ревизия и экспертиза, проанализировав по заданию ОБХСС фактические данные о движении сырья для варки мыла, дали заключение о том, что братья Гришканы путем прямого хищения готовой продукции только в последний год причинили промышленной артели инвалидов материальный ущерб на сумму более двух миллионов рублей. Такая преступная деятельность Гришканов продолжалась долгие годы.

При расследовании уголовного дела было установлено, что Юрий Гришкан вел разгульный образ жизни, сорил деньгами. Посещая ресторан «Татарстан» с дамой, он вносил в кассу ресторана предполагаемую сумму от всех клиентов за вечер, удаляя из ресторана всех посетителей, оставаясь там на вечер лишь один со своей дамой сердца. Он же, как было установлено, нередко на улице Баумана останавливал красивых женщин и, насильно целуя их, вручал им по сторублевой купюре, чтобы они не поднимали шум. На основании собранных материалов МВД Татарстана в августе 1949 года было

возбуждено уголовное дело по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества», который предусматривал наказание до 25 лет лишения свободы.

Многоопытный в жульнических делах Ю. Гришкан, почувствовав наступающую опасность, как спрут, решил запустить свои щупальца и проверить прочность установленных им ранее контактов с людьми, которые могут нейтрализовать опасность. Он прежде всего возобновил свою связь с работником МВД республики майором Н. Михеевым. Ему было известно, что Михеев давно состоит в семейной дружбе с прокурором республики И. Надеевым.

В описываемое время мы, работники прокуратуры республики, стали замечать частое посещение кабинета прокурора республики Ибрагима Сайфутдиновича Надеева одним майором в форме офицера внутренних дел. Он приходил раза два три в неделю и долго отвлекал прокурора от казенных дел.

Оказалось, что этот майор работает в управлении мест лишения свободы Министерства внутренних дел, которое расположено во дворе прокуратуры республики. Что связывало майора Михеева с прокурором республики Надеевым, долгое время оставалось тайной.

Старший следователь прокуратуры республики М. Губерман, имевший большой стаж и опыт работы, пользовался доверием у руководства. Поэтому многие сложные и важные дела расследовались им. Когда нужно было по заданию прокуратуры РСФСР командировать нашего следователя в Уфу для расследования уголовного дела, возбужденного против одного члена Верховного суда Башкирской АССР, выбор пал именно на М. Губермана. Завершив в течение двух месяцев исполнение этого задания, М. Губерман в августе 1949 г. возвратился в Казань и приступил к исполнению своих обязанностей.

К этому моменту по запросу следственного отдела прокуратуры республики уголовное дело, возбужденное на работников артели инвалидов «Трудовик», поступило из МВД в прокуратуру республики и начальником этого отдела Б.С. Сунгатуллиным было передано М. Губерману для расследования.

Как требуют предписания закона и методические указания, следователь по каждому делу составляет план расследования, определяет круг обвиняемых, ведет сбор доказательств. Такой план был составлен и следователем М. Губерманом по делу работников артели инвалидов «Трудовик».

Вызовы на допросы работников артели породили у них предположения, кто и за что, возможно, будет привлечен к уголовной ответственности. Следователь М. Губерман с помощью экспертов и ревизоров старался вникнуть в суть методов хищения при варке и реализации мыла, определить круг лиц, причастных к этому преступлению. Столь опытному следователю не составило труда определить в качестве главных виновников по делу братьев Гришканов, которые в течение последних лет путем фальсификации выхода мыла из сырья – кости – создавали неучтенную продукцию для хищения. Утвердившись в этом мнении, М. Губерман доложил начальнику следственного отдела Б. Сунгатуллину о том, что работники ОБХСС, пожалуй, правильно возбудили дело по признакам статьи 2 Указа от 4 июня 1947 г.

Выслушав доклад следователя, Б. Сунгатуллин сообщил ему, что только вчера этим делом интересовался прокурор республики И.С. Надеев, и что он высказал свои сомнения в правильности мнения работников МВД в части квалификации действий работников промартели. Поскольку мнение следователя базируется на конкретных материалах дела, как объяснял потом Б.С. Сунгатуллин, он не стал переубеждать его, предложив доложить дело лично И.С. Надееву. Через день

М. Губерман доложил начальнику отдела, что он получил от прокурора республики указание расследовать это дело по статье 109 УК РСФСР, как должностное преступление.

Действительно, в октябре М. Губерман завершил расследование этого дела, по которому обвинялся только лишь Ю. Гришкан за злоупотребление, а на эксперта-специалиста, давшего заключение по сырью для варки мыла, М. Губерман вынес постановление о привлечении его к дисциплинарной ответственности. По существовавшему тогда положению по уголовным делам, расследованным следователем прокуратуры, обвинительное заключение утверждается руководителем прокуратуры. М. Губерман дело Ю. Гришкана доложил лично И.С. Надееву, но тот тут же позвонил начальнику следственного отдела Б.С. Сунгатуллину и предложил утвердить обвинительное заключение и дело направить в народный суд по подсудности. Так дело по обвинению Ю. Гришкана попало для рассмотрения в народный суд 2-го участка Бауманского района г. Казани.

Судья Х., тщательно изучив дело, назначил его к слушанию с участием сторон обвинения и защиты. На судебных заседаниях, которые продолжались два дня, обвинение поддерживал прокурор Бауманского района Николаев, настаивавший на осуждении Ю. Гришкана по статье 109 УК. Однако суд вместо обвинительного приговора вынес определение о возвращении дела прокуратуре республики для доследования, причем по признакам обвинения Ю. Гришкана по статье 2 Указа от 4 июня 1947 г.

О таком исходе дела районным прокурором Николаевым было доложено лично И.С. Надееву, поскольку речь шла о престиже прокуратуры республики. Выслушав доклад Николаева, Надеев дал указание опротестовать определение народного суда на предмет его отмены. Протест подписал районный прокурор Николаев. С протестом это дело посту-

пило в Верховный суд, и оно для изучения и для подготовки к слушанию на уголовной коллегии было передано квалифицированному и опытному члену этого суда Сергееву. По докладу последнего коллегия Верховного суда согласилась с протестом прокурора и отменила определение народного суда, а дело направила для рассмотрения, видимо, для объективности, в народный суд Свердловского района. В декабре это дело было рассмотрено под председательством народного судьи Анны Чернышовой. Юрий Гришкан был признан виновным в систематическом злоупотреблении служебным положением, и ему за это был назначен срок – 3 года лишения свободы с частичным возмещением причиненного ущерба. Прокуратура с приговором народного суда Свердловского района согласилась, и приговор вошел в законную силу.

Многих работников ОБХСС возмутил такой либеральный исход. Их возмущение особенно усилилось после того, когда Ю. Гришкан через 8 месяцев был досрочно освобожден и появился на улицах Казани. Тогда же нам, работникам прокуратуры, стало известно, что к этому делу стал проявлять интерес заведующий отделом Казанского горкома партии Н.А. Суганов. Он неоднократно приглашал к себе для беседы начальника следственного отдела Б.С. Сунгатуллина, следователя М. Губермана, судью, рассматривавшего дело Ю. Гришкана, и других лиц, имевших отношение к этому делу.

Вмешательство партийных органов в установление истины по этому делу происходило не без интереса сотрудников ОБХСС, МВД, а также КГБ.

Как нам стало известно, из народного суда Свердловского района г. Казани уголовное дело Ю. Гришкана было истребовано прокуратурой СССР. Вслед за этим мы узнали, что приговор в отношении Ю. Гришкана в порядке надзора был отменен, а дело принято для расследования в производство прокуратуры СССР. Вскоре с этим делом в Казань приехал

следователь по особо важным делам прокуратуры СССР Булаев.

Булаев работал по этому делу не в здании прокуратуры ТАССР, а в здании МВД. Вместе с ним приехала группа работников прокуратуры СССР и РСФСР. Бросилось в глаза, что все эти работники занялись сбором информации о сотрудниках прокуратуры республики и районов. Булаев в Казани жил более двух месяцев, но в прокуратуру республики заходил редко, и то ненадолго к заместителю прокурора республики М.И. Березову.

В один из дней прокурор республики И.С. Надеев был арестован. Видимо, чтобы обеспечить негласность данного чрезвычайного случая, эту операцию Булаев провел очень тактично и осторожно. К концу рабочего дня он на машине у здания прокуратуры поджидал выхода И.С. Надеева. Когда тот вышел, Булаев предложил сесть в машину, чтобы отвезти его домой. Таким образом, тихо, без огласки И.С. Надеев был доставлен в МВД РТ, и там ему было объявлено об аресте.

До конца следствия И.С. Надеев содержался в следственном изоляторе КГБ. Санкция на его арест была получена в Москве.

Мы об этом случае узнали только на третий день от М.И. Березова. Через 10 дней после этого Булаев пришел в прокуратуру республики и узкому кругу работников прокуратуры сообщил, что дело расследуется успешно, и И.С. Надеев собственноручно написал объяснение о получении через майора Михеева 100 тысяч рублей. Правда, это Надеев преподнес как случайность, и показал на допросе следующее: «Однажды ко мне домой пришел Михеев, моей жены не было дома. Мы о чем-то беседовали, попили чай, и он, попрощавшись, ушел. После его ухода я заметил, что на моем письменном столе лежит узелок. Я подумал, что Михеев его забыл, поинтересовался и развернул узелок, увидел кучу денег, оказалось – 100

тысяч рублей. Подумал, что Михеев вспомнит и придет за ними. Но он ко мне больше не приходил, а я ему не напоминал. Деньги остались у меня. Через 5 дней мы с женой поехали отдыхать в Крым. Боясь оставлять дома такую большую сумму денег, я их взял с собой. Однако это меня не успокоило. Поэтому по пути заехал к брату, проживающему в Мордовии, и вместе с ним эти деньги закопали в его саду. Через некоторое время, после приезда из Крыма, я попросил его привезти эти деньги мне. Так они и остались у меня. В этом случае я не вижу взятки. Майору Михееву я ничего не обещал, а он у меня ничего не просил».

Ознакомив нас с этим пояснением И.С. Надеева, Булаев также сообщил, что для проверки показаний он вызвал его брата. На допросе последний отрицал даже встречу с братом. На очной ставке И.С. Надеев полностью подтвердил свои показания. Брат его, выслушав признания, возмутился и грубо обругал Надеева за такую откровенность, но затем был вынужден полностью подтвердить, что брат приезжал с деньгами и они закопали их в саду.

Эти два уголовных дела расследовались параллельно – одно по обвинению Ю. Гришкана и его компании по Указу от 4 июня 1947 года, и второе дело по обвинению семи юристов: прокурора республики, следователя прокуратуры, судей и адвоката.

Обвинение И.С. Надеева, кроме показания основного свидетеля Михеева – прямого посредника организации передачи взятки от Ю. Гришкана прокурору республики, было подтверждено целым рядом незаконных действий самого И.С. Надеева, направленных на смазывание преступления Гришкана: это изъятие из МВД уголовного дела, возбужденного ОБХСС на Ю. Гришкана по Указу от 4 июня 1947 г.; передача этого дела для расследования старшему следователю прокуратуры республики М. Губерману с прямым указанием обвинения

Ю. Гришкана по статье за должностное преступление, а не как хищение; указание Надеева опротестовать определение народного суда Бауманского района о возвращении уголовного дела на Ю. Гришкана для доследования по Указу от 4 июня 1947 г.; наконец, уклонение И.С. Надеева от утверждения обвинительного заключения по делу Ю. Гришкана по статье 109 УК РСФСР.

В ходе следствия также было установлено, что Ю. Гришкан в связи с проявлением активности работников ОБХСС и наблюдением за его деятельностью в артели инвалидов вошел в контакт с работниками республиканской инспекции по качеству хлебопродуктов в лице инспектора Биндиевского, через которого он организовал передачу взятки старшему следователю прокуратуры М. Губерману 3000 рублей – за то, чтобы он завершил расследование дела Гришкана с квалификацией как за злоупотребление. Когда дело по обвинению Ю. Гришкана за злоупотребление было направлено в народный суд 2-го участка Бауманского района, он поручил своей невесте А. Мануиловой войти в контакт с народным судьей 1-го участка Бауманского района Москалевой и передать ей 20 тысяч рублей. Из них 10 тысяч – народному судье 2-го участка, который будет рассматривать его дело по статье 109, чтобы он не изменил квалификацию обвинения, а остальные 10 тысяч – самой Москалевой за ее услуги.

Когда дело с протестом районного прокурора Николаева было передано в Верховный суд республики, Ю. Гришкан своего агента Биндиевского направил в Верховный суд к члену суда Сергееву для передачи 3000 рублей за то, чтобы тот удовлетворил протест прокурора и дело направил на новое рассмотрение по статье 109 УК в народный суд Свердловского района. Выполняя поручения Ю. Гришкана, тот же Биндиевский встретился с адвокатом Максом Чернышовым и передал 3000 рублей для его жены, судьи Свердловского района

Анны Чернышовой, которой было передано дело Ю. Гришкана с определением Верховного суда для рассмотрения по статье 109 УК.

Все перечисленные юристы во главе с Надеевым были осуждены Верховным судом РСФСР. Суд заседал два дня. И. Надеев на процессе вел себя вызывающе грубо, пытался представить себя психически больным. Суд дважды приглашал психиатров для его освидетельствования. Судом И.С. Надеев был осужден к 10 годам лишения свободы с лишением всех званий. Он отбыл чуть больше двух лет наказания и был освобожден досрочно по известному акту об амнистии 1953 г.

После освобождения он два раза обращался в Татарский Обком партии о восстановлении его в членах партии, но его просьбы были отклонены. Он до своей кончины (в 2001 г.) работал на заводе «Теплоконтроль» юрисконсультom, а последние годы – начальником отдела кадров.

Ю. Гришкан был осужден по Указу от 4 июня 1947 г. к 20 годам лишения свободы с возмещением причиненного ущерба промысловой артели инвалидов «Трудовик».

Дело по обвинению прокурора Республики Татарстан И.С. Надеева за взятку в то время в России, пожалуй, было единственным. Это позорное дело было завершающим актом подрыва авторитета правоохранительных органов Татарстана³³.

* * *

В очерке А.Х. Валиева некоторые фамилии, имена участников тех событий указаны неточно. В частности, взятку Надееву передал не Михеев, как пишет Валиев, а Михалев. Имена братьев Гришкан были Владимир и Александр. Имеются и другие отдельные неточности. Но суть дела изложена в целом правильно.

С большим трудом, в результате длительной переписки мне удалось получить копии основных документов по делу

³³ Валиев А.Х. Мой век. – Казань: Центр инновационных технологий, 2006. – С. 13–19.

Надеева и других – обвинительное заключение следователя Булаева и приговор Верховного Суда РСФСР. Должен отметить, что версия событий, изложенная А.Х. Валиевым, в целом и основном не расходится с этими главными документами по делу.

Попробуем дополнить рассказ ветерана прокуратуры А.Х. Валиева собственными данными, почерпнутыми из различных архивных документов, уголовных дел и других источников.

Как уже было отмечено А.Х. Валиевым, важную роль в этой истории сыграл заведующий административным отделом Казанского горкома партии Суганов³⁴. В свое время он учился в Казанском юридическом институте, был там секретарем парткома.

10 июня 1949 года народный судья народного суда 3-го участка Свердловского района г. Казани Чернышова вынесла приговор по делу братьев Гришканов В. и А., Мануилова по статье 2 Указа от 4 июня 1947 года и по статье 109 УК РСФСР. Она осудила Гришкана Владимира к 2 годам лишения свободы, а Гришкана Александра – на 10 лет лишения свободы. Мануилов приговаривается к исправительно-трудовым работам и освобождается из-под стражи.

Приговор оказался мягким, о чем сразу же поступил сигнал заведующему административным отделом Казанского горкома партии Н.А. Суганову. Тот истребовал дело в горком для ознакомления. Перепуганная судья Чернышова исполнила требование Суганова, и на другой день после вынесения приговора, то есть 11 июня 1949 г., принесла ему дело. Представьте себе состояние Чернышовой, тем более если она, как

³⁴ Суганов Николай Андреевич, 1911 г.р. Окончил Казанский юридический институт, работал инструктором Бауманского райкома, областного комитета партии, возглавлял партийные организации Бауманского района, г. Зеленодольска. Участник Великой Отечественной войны, получил тяжелое ранение. С 1945 г. – первый секретарь Свердловского райкома партии, с 1947 г. – депутат Верховного Совета ТАССР.

установило потом следствие, получила взятку за вынесение мягкого приговора.

На Суганова пошли жалобы, сигналы: что он вмешивается в дела судебных органов, в вынесение приговоров и решений, вызывает в горком отдельных судей, разговаривает с ними по делам, дает им указания. На него в этот период было написано более 30 анонимок! Целая бригада Татарского обкома проверяла заявления на Суганова. В результате его сняли с работы заведующего административным отделом, даже пытались возбудить на него уголовное дело. Подняли и предыдущую партийную деятельность Суганова – когда, за что наказывался, снимался с работы, в частности, в последний раз с должности первого секретаря Зеленодольского горкома ВКП(б).

Суганов действительно нарушил закон: ведь никто не имел права истребовать из суда дело до истечения пятидневного срока, установленного для принесения кассационной жалобы или внесения протеста. Суганов потом утверждал, что допустил это нарушение закона по незнанию закона, по неопытности.

Решением бюро Татарского обкома ВКП(б) от 31 августа 1949 г. Н.А. Суганову указали на допущенные им неправильные действия при разборе сигналов и жалоб, элементы грубости в отношении отдельных судебных работников³⁵. Исходя из мягкости наказания Суганова, можно сделать вывод о том, что он был на правильном пути и в партийных верхах продолжали невидимую работу.

Интересно, что Суганов указывал и на то, что адвокат Лувиш, работая директором Казанского филиала заочного юридического института, выдавал за взятки дипломы об окончании юридического института. Это его сообщение впоследствии было признано подтвердившимся. Не здесь ли кро-

³⁵ ЦГА ИПД РТ. Фонд 15, опись 6, дело 1564. Протокол № 120 заседания бюро и материалы к нему. Т. 1. 1949 г. 33

ется отличная учеба Надеева и получение им диплома Казанского филиала заочного юридического института? Вопросы возникают интересные. Только, к сожалению, ответы на них мы уже вряд ли найдем.

Лувиш впоследствии работал адвокатом. Именно он выступал в качестве защитника в суде в июне 1949 г., когда судья Свердловского района Чернышова осудила братьев Гришканов и Мануилова. Когда встал вопрос об ответственности Лувиша, он скрылся из Казани.

В октябре 1949 г. секретарь Татарского обкома Дэльвин направляет прокурору РСФСР уголовное дело по обвинению В.М. Гришкана и других – «согласно договоренности». Одновременно секретарь Татарского обкома Муратов просит секретаря ЦК ВКП(б) Маленкова поручить расследование дела Гришкана и других квалифицированным работникам следственного аппарата прокуратуры СССР. При этом Татарский обком утверждал, что расследование этого дела в прокуратуре Татарской республики и его рассмотрение в местных судебных инстанциях проведено неправильно, в результате чего шайка преступников не понесла заслуженного наказания, а государству не был возмещен нанесенный ущерб.

Как уже отмечал А.Х. Валиев, незадолго до случая в Татарии произошло ЧП в Башкирии. В 1949 г. там прошел судебный процесс над бывшим составом Верховного суда БАССР и некоторыми руководящими работниками прокуратуры БАССР, обвиняемыми во взяточничестве и других преступлениях. Расследование проводил старший следователь прокуратуры Татарской АССР Губерман по поручению прокурора РСФСР. Говорят, что расследование он провел быстро и качественно, виновные были осуждены.

Губерман был весьма образованным человеком: окончил Киевские высшие курсы плановиков-экономистов и Московский заочный юридический институт. Долгое время рабо-

тал адвокатом, юрисконсультom. Во время войны находился в резерве, учился на курсах, работал военным следователем. Он расследовал наиболее сложные дела, считался одним из лучших следователей республики. По поручению прокурора РСФСР Губерман умело расследовал в Ивановской области дело группы спекулянтов мануфактурой.

Губерман неоднократно поощрялся, в том числе и приказами прокурора ТАССР Надеева. По совместительству он вел занятия по криминалистике в Казанском юридическом институте (1946 г.)³⁶.

Удивительно, но, посадив взяточников в Башкирской АССР, Губерман сам попался на этом же в Казани.

В одной из справок Татарского обкома (октябрь 1949 г.) было отмечено, что Губерман проводил следственные действия по делу Гришканов «утонченными методами опытного фальсификатора».

Кстати, Д.С. Губерман хорошо разбирался в вопросах производства мыла, так как в 1917–1918 гг. он как кустарь-одиночка сам занимался изготовлением мыла.

По протесту прокурора РСФСР Баранова приговор по делу Гришканов был отменен и дело направлено на дополнительное расследование. Дело принял к своему производству следователь К.В. Булаев.

Следователь по важнейшим делам при Генеральном прокуроре СССР К.В. Булаев был весьма опытным и сильным следователем. Он расследовал в самых различных городах и республиках множество сложных дел, в основном хозяйственных. Во время Великой Отечественной войны по поручению советского правительства следственная бригада во главе с Булаевым проводила расследование дела о хищениях на строительстве электростанции в Казахстане. При этом были доказаны факты крупных хищений со стороны начальника

³⁶ Национальный архив Республики Татарстан. Прокуратура Татарской АССР. Фонд Р-6948, опись 9, дело № 137. Личное дело Д.С. Губермана.

строительства, директора столовых и других лиц, которые были осуждены. Расследовал Булаев и дела о выпуске на предприятиях недоброкачественной продукции (брака).

Расследуя дело о хищениях большой партии мануфактуры, следователь Булаев лично спустился, используя веревку, в стометровый дымоход здания, где было совершено хищение. Опасный спуск длился около двух часов. Дойдя до конца, он разобрал свежую кирпичную кладку и обнаружил комнату, прилегавшую к котельной. Оказалось, что преступники перетащили похищенное через дымоход и подземный ход. Вот так работал следователь Булаев. Товарищи отмечали в нем неиссякаемую инициативу, изобретательность и смекалку.

Именно К.В. Булаев выступил летом 1949 г. на конференции государственных обвинителей с докладом о методике расследования уголовных дел о взяточничестве.

В его активе – уголовное дело о краже шерсти в Москве во время Великой Отечественной войны. Тогда на рынках появилось в продаже много шерстяных джемперов. А шерсть отпускалась только на нужды армии и больше никуда. Значит, шерсть воровали с государственных складов. Булаев лично посещал рынки, торговую палату, проверял фабрики и артели и нашел фабрику, в которой производились шерстяные джемпера. Основной обвиняемый по этому делу пытался симулировать сумасшествие. Булаев при повторном тщательном обыске его квартиры обнаружил тайники с ценностями. Следствие установило, что шерсть, предназначенная для армии, пускалась на изготовление джемперов, которые путем сложных комбинаций продавались спекулянтам³⁷. Вот такому следователю было поручено расследование в Казани, сначала – дела на Гришканов, а затем и прокурора республики Надеева.

³⁷ Каменский Ф. Следователь по важнейшим делам // Социалистическая законность. – 1949. – № 11. – С. 34–37.

Одновременно из Москвы прибыла комиссия по проверке деятельности прокуратуры Татарской АССР. В день ее прибытия Надеев срочно уволил своего водителя. Говорят, что тот впоследствии дал ценные показания о небескорыстной работе бывшего шефа. Проверкой занимались следователь по важнейшим делам при Генеральной прокуратуре СССР Хивцов, заведующий административным отделом Татарского обкома ВКП(б) Семенов и другие.

В ходе этой проверки в мае 1950 г. с заявлением на имя прокурора РСФСР обратился и бывший начальник АХО прокуратуры ТАССР Яманов, который в числе прочего сообщал и о нечистоплотности Надеева. По словам Яманова, он незаконно отпускал со склада прокуратуры Надееву все, что тот просил (продукты, материалы), и вел об этом записи. Начальник АХО при этом утверждал, что себе он ничего не брал – «ни щепки, ни одной копейки!»

За Надеевым нашли немало нарушений. В частности, своим приказом от 15 сентября 1949 г. он освободил старшую машинистку прокуратуры ТАССР Софью Монахову от занимаемой должности. А на другой день Монахова была назначена народным следователем г. Зеленодольска. Казалось бы, что тут такого. Но Монахова была личной машинисткой прокурора республики, к работе следователем в Зеленодольске она не приступала и не собиралась этого делать. Она как сидела в приемной Надеева, так и продолжала делать это. Как машинистка Монахова имела оклад в 275 руб. А у народного следователя оклад был 740 руб. в месяц. Разница ощутимая.

Проведя проверку по этому поводу, исполняющий обязанности прокурора ТАССР М.И. Березов отменил незаконные приказы Надеева и дал указание – оплату Монаховой производить по должности машинистки. 22 марта 1950 г. об этом Березов сообщил в прокуратуру СССР и предложил излишне выплаченную Монаховой зарплату в сумме 2557 руб. вычесть у Надеева.

В это же время проводится ревизия финансовой деятельности прокуратуры ТАССР, выявляются растраты и хищения. В 1950 г. привлекаются к уголовной ответственности за 37 злоупотреблений служебным положением и хищение социалистической собственности главный бухгалтер прокуратуры ТАССР Селедкин и бухгалтер Лукина. Хищения ими совершались путем оформления подложных документов. Были подозрения, что жулики в бухгалтерии орудовали при участии и покровительстве прокурора Надеева, заместителя прокурора Печерского. Однако доказать это не удалось. Кроме этого, за хищение был осужден к лишению свободы и завхоз прокуратуры ТАССР Бурштейн.

По результатам проверки, по указанию Генерального прокурора СССР, были уволены 15 работников прокуратуры Татарской республики – в связи с арестом, по различным компрометирующим основаниям.

Итоги ревизии прокуратуры СССР были обсуждены на оперативном совещании в прокуратуре Татарской АССР 15 марта 1950 г. Представители прокуратуры СССР проверили и работу прокуратуры Набережно-Челнинского района и признали ее неудовлетворительной.

27 февраля 1950 г. во исполнение приказа Генерального прокурора СССР от 17 февраля 1950 г. Надеев сдал дела М.И. Березову, заместителю прокурора Татарской АССР.

В постановлении 23-й Татарской областной конференции ВКП(б) в марте 1950 г. указывалось, что Надеев допустил засорение органов прокуратуры сомнительными людьми, поддерживал подхалимов, недобросовестно относился к своим прямым обязанностям и нанес серьезный ущерб делу укрепления социалистической законности.

Одновременно шла и проверка Министерства внутренних дел Татарской АССР, министра Ченборисова. В отношении него поступали сигналы о неправильных действиях, в том

числе и устные сигналы от подчиненных. Министр был вынужден отказаться от переезда в дом-особняк, который ремонтировался по договору между стройотделом ХОЗО МВД ТАССР и Свердловским райжилуправлением. В результате в дом переехал начальник ХОЗО МВД, а его квартиру передали родственнице министра. Эти действия Ченборисова вызвали недовольство среди отдельных руководящих работников МВД ТАССР. За эти и другие нарушения Ченборисов был снят с работы и исключен из партии.

Вопрос о нарушении советских законов в работе судебно-следственных органов Татарской АССР был обсужден на бюро КПК при ЦК ВКП(б) 3 мая 1950 г. 12 июля 1950 г. ЦК ВКП(б) принял постановление «О нарушении советской законности в работе органов прокуратуры, МВД и Верховного суда Татарской АССР».

28 июня 1950 г. на бюро Татарского обкома обсудили вопрос: «О недостатках в работе Верховного суда Татарской АССР», и 26 июля 1950 г. – «О крупных недостатках в работе Министерства юстиции Татарской АССР». Большое количество работников прокуратуры, милиции, юстиции, судебно-следственных органов было исключено из партии.

В журнале «Социалистическая законность» (№ 7, июль 1950 г.) в передовой статье заместителя Генерального прокурора СССР В. Болдырева было отмечено: «Прокурор республики Надеев и его заместитель Ривкин, ныне снятые с работы, создали в прокуратуре обстановку самоуспокоения, благодушия, подхалимского восхваления друг друга. Самокритика там не была в почете. И как результат – серьезные упущения и провалы в работе».

В августе 1950 г. на заседании ЦК ВКП(б) под председательством Маленкова заслушивался прокурор Союза ССР Г.Н. Сафонов. Он давал объяснения по делу Надеева. Сафонов держал ответ перед ЦК: почему на такую ответственную

должность, как прокурор автономной республики, мог попасть морально нечистоплотный тип, который дошел до получения взятки. Секретарь КПК при ЦК ВКП(б) Шкирятов тогда заявил, что Надеев – единственный прокурор автономной республики, арестованный за получение взятки. Прокурору СССР Сафонову был объявлен выговор за плохой подбор руководящих кадров.

И.С. Надеев был арестован 8 июня 1950 г. Кроме И.С. Надеева, из юристов были арестованы: Д.С. Губерман, старший следователь прокуратуры ТАССР; А.В. Сергеев, член Верховного суда ТАССР; Ш.З. Абдулхаев, народный судья второго участка Бауманского района г. Казани; А.Г. Чернышова, народный судья третьего участка Свердловского района г. Казани; А.М. Москалева, народный судья второго участка Кировского района г. Казани; М.В. Чернышов, адвокат Молотовской юридической консультации. В качестве посредников, взяточдателей проходили: Ф.Х. Яруллина, Г.Л. Михалев, В.В. Гришкан (супруга В.М. Гришкана), М.З. Мануилова (супруга соучастника В.М. Гришкана – Г.Р. Мануилова), Г.И. Бензиевский (старший инспектор Госхлебинспекции ТАССР), Л.Г. Расин (начальник снабжения артели «Ремонт обуви»), В.Е. Кустовский, Г.Р. Мануилов. Большинство из них признало свою вину в предъявленных обвинениях. Суд осудил их к различным срокам лишения свободы – от трех до десяти лет.

Отметим, что адвокат Макс Владимирович Чернышов с 1931 г. работал в органах юстиции – нарсудьей, юрисконсульт, защитником. Работал он и в прокуратуре – помощником районного прокурора, районным прокурором. В 1939 г. его выдвинули прокурором Бауманского района г. Казани. И, как отмечено в партийных документах, он быстро вывел Бауманскую районную прокуратуру из прорыва. В ноябре 1939 г. Чернышова выдвинули в депутаты Бауманского районного

Совета г. Казани. Так что он имел обширные связи в органах юстиции и прокуратуры.

Остановимся более подробно на личностях посредника Михалева и его жены Яруллиной – именно они были наиболее близко и тесно связаны с прокурором республики Надеевым.

Михалев Григорий Львович, 1906 г.р., в 1940 г. был осужден по статье 117 УК РСФСР (за получение взятки!) к 5 годам лишения свободы, наказание отбыл. Перед арестом в 1950 г. он работал главным инженером лагеря МВД ТАССР № 1.

Михалев и его жена Яруллина были в близких отношениях с прокурором ТАССР Надеевым. Михалев неоднократно пользовался служебным автомобилем прокурора республики. Он в любое время приходил в прокуратуру и беспрепятственно заходил в кабинет Надеева. Машину прокурора республики использовала в личных целях и Яруллина. Она работала начальником жилищного управления Бауманского района Казани и в отношении нее расследовалось уголовное дело по фактам многократных обменов ею своих квартир и квартир своих родственников. Наверняка не без участия Надеева, это расследование растянулось на пять лет, и Яруллиной обвинение по нему не предъявлялось.

Яруллина была в хороших отношениях и с начальником следственного отдела прокуратуры ТАССР Сунгатуллиным. Одно время Сунгатуллин работал прокурором Бауманского района, где и познакомился с Яруллиной, работавшей в райжилуправлении Бауманского района. Более того, они вместе учились в институте, готовились и сдавали вместе госэкзамены.

Сигналы о злоупотреблениях начальника жилищного управления Бауманского райисполкома Яруллиной, ее сестры Князевой (начальника жилищного управления Молотовского райисполкома) в органы милиции поступали давно. Еще в

начале 1946 г. управление милиции г. Казани поставило перед Казанским горкомом партии вопрос о привлечении Яруллиной и Князевой к уголовной ответственности. В марте 1946 г. материалы о Яруллиной и Князевой из городского управления милиции были переданы в прокуратуру г. Казани, оттуда – прокурору Бауманского района. Последний передал их в Бауманский райком партии. В сентябре 1947 г. в райкоме взяли объяснение у Яруллиной, но ход материалам дан не был.

2 июня 1947 г. на бюро Казанского горкома партии было заявлено, что начальник жилищного управления Бауманского района Яруллин допускает злоупотребления. Горком поручил Бауманскому райкому партии проверить компрометирующие Яруллина материалы. Однако никакого расследования снова не было проведено.

В ноябре 1948 г. управление милиции г. Казани снова поднимает вопрос о привлечении Яруллиной к уголовной ответственности – уже за новые преступления. Но делу снова не дают хода. Интересно, что в начале 1950 г. это дело обнаружили в сейфе бывшего министра внутренних дел Татарской АССР Ченборисова, где оно находилось в последнее время. Лишь после этого материалы в отношении Яруллиной пошли в Москву и попали к следователю прокуратуры СССР Булаеву. Как видим, у Яруллиной были очень высокие покровители.

Этому делу также дали ход, и оно расследовалось самостоятельно. В июне 1951 г. Ф.Х. Ярулина и другие работники Бауманского районного жилищного управления (всего 10 человек) были осуждены Верховным судом ТАССР к различным срокам лишения свободы – за хищение государственных средств. Ярулина получила 25 лет лишения свободы.

Профессор юридического факультета Казанского университета, доктор юридических наук Борис Леонидович Железнов в то время работал помощником прокурора Татарской

АССР по уголовно-судебному надзору. Он запомнил прокурора Надеева как умного, делового, достаточно жесткого руководителя. Надеев пользовался авторитетом и уважением, хорошо выстроил работу аппарата, входил в состав бюро Татарского обкома партии. И то, что произошло с Надеевым, всех потрясло. Многих удивило, как он вел себя на судебном заседании. Он пытался притвориться психически больным, во время суда совершал неприличные действия.

Борис Леонидович только сейчас признался, что он тоже имел определенное отношение к делу Гришканов. Его тогда вызывали к следователю Булаеву – но Железнов промолчал: мол, ничего не знаю. А дело было так. Когда судья Абдулхаев вернул уголовное дело по обвинению Гришканов на дополнительное расследование для переквалификации, и на это определение принес частный протест прокурор района Николаев, то дело в прокуратуре республики попало к Железнову. Он изучил толстое дело и пришел к выводу: Абдулхаев прав, тут, безусловно, хищение, и надо переквалифицировать действия обвиняемых. Железнов пошел с докладом к Надееву и предложил снять с рассмотрения, то есть отозвать, как необоснованный, протест Николаева. Надеев тут же вызвал следователя Губермана. Тот очень возмутился и резко набросился на Железнова. Губерман знал отца Железнова и даже сказал: «Я удивляюсь, что у такого хорошего отца вырос такой сын». Железнова же удивило, что Губерман перешел на личности. Надеев прекратил спор и мягко сказал Железнову: «Оставьте дело у меня. Мы его обсудим и решим». Впоследствии дело передали Сунгатуллину и он пошел в Верховный суд поддерживать протест районного прокурора Николаева. Вот такое «признание» сделал через многие годы Б.Л. Железнов. И эти его слова, безусловно, говорят о заинтересованности Надеева и Губермана, подтверждают их вину.

Отметим, что 10 июля 1950 г. Генеральный прокурор СССР снял Бари Сунгатовича Сунгатуллина с должности начальника следственного отдела прокуратуры ТАССР и уволил его из органов прокуратуры за беспринципность и нарушение служебного долга – за то, что тот подписал постановление о преквалификации действий обвиняемых Гришканов и других по статье 109 УК РСФСР, утвердил обвинительное заключение с неправильной и незаконной квалификацией преступления. Правда, впоследствии Сунгатуллину удалось вернуться в органы прокуратуры. Он работал помощником прокурора г. Казани, прокурором следственного отдела прокуратуры ТАССР, а в 1960-е гг. был прокурором Приволжского района г. Казани.

То, что произошло с Надеевым, уронило престиж всей прокуратуры республики. Как заявил руководитель партийной организации Татарской республики на одном из совещаний, «у нас прокуратура сегодня хуже самой плохой адвокатуры».

Оценка прокуратуры республики была перенесена и на районы. Например, первый секретарь Дрожжановского райкома партии Шарапов, приехав из Казани с партийной конференции, объявил партийному активу о поступках прокурора ТАССР Надеева и добавил, что такие же факты передались и в районную прокуратуру, что прокурор района Хорьков также смазывал дела настоящих преступников, допускал незаконные аресты, имел связь с преступниками, не подчинялся райкому и так далее. Бюро райкома 19 апреля 1950 г. приняло решение о невозможности оставить Хорькова на должности районного прокурора. После длительной проверки Хорькова оставили на работе с учетом признания им отдельных ошибок³⁸.

³⁸ ЦГА ИПД РТ. Фонд 15, опись 6, дело 2007. Документы ... о проверке жалобы ... Хорькова А.Е. 1950 г.

Авторитет прокуратуры упал до такой степени, что заместитель прокурора ТАССР Беляев в 3 квартале 1950 г. два раза созывал совещание, но новый министр внутренних дел ТАССР демонстративно отказывался прийти на эти совещания.

Как вспоминает Б.Л. Железнов, после возвращения из лагеря Надеев предъявил к родной прокуратуре иск – о взыскании стоимости материала на пошив форменного обмундирования за пять лет. Тогда прокурорам выдавали отрезки ткани, чтобы сшить форму. Надеев, видимо, в какие-то годы не получал этих отрезков. Это обстоятельство опять удивило прокурорских работников, и многим не понравилось поведение бывшего прокурора республики.

СПРАВЕДЛИВОСТЬ ЕСТЬ!

Могут ли прокурора посадить за плохое исполнение своих служебных обязанностей?! Многие, наверное, скажут – нет. Мол, ущерба, вреда ведь вроде нет. Но бывают случаи, когда в результате ненадлежащего прокурорского надзора (как правило – его отсутствия) грубо нарушаются права граждан – арестовываются и осуждаются невиновные, то есть те, кто не совершал преступления. Они сидят в неволе годами. А если кого-то по ошибке расстреляли? Куда же смотрел прокурор? Он ведь мог остановить беззаконие, пресечь произвол. Но он этого не сделал, значит, совершил преступление! Такое преступление совершил и прокурор отдела прокуратуры Татарской АССР А.М. Ходос. Расскажем об этом деле более подробно. Ходос Арон Мордухович родился в 1917 г. в Минске в семье рабочего-красильщика. В 1934 г. окончил 8 классов школы и поступил на работу в электропром – электромонтером-учеником. Проработал здесь до 1937 г., затем перешел электромонтером в медицинский институт, одновременно учился в вечерней рабочей школе для взрослых. Член ВЛКСМ с 1938 г. Окончив школу в 1939 г., Ходос поступил в Минский юридический институт, был отличником и, согласно постановлению СНК СССР, получал стипендию. Окончил два курса, учился хорошо, в весеннюю сессию 1941 г. по всем предметам получил отличные оценки, по немецкому языку – хорошо.

Началась война. 24 июня 1941 г. дом, в котором проживала семья Ходосов, был уничтожен. Мать Ходоса погибла в Минске. Потеряв во время эвакуации жену с ребенком, он оказался в Казани. Здесь у него никого не было – ни знакомых, ни родных.

29 августа 1941 г. Ходос обратился к директору Казанского юридического института с заявлением о зачислении его студентом 3-го курса, а также попросил предоставить место для проживания. В анкете при поступлении в институт он указал, что имеет профессию и специальность рабочего-электромонтера, выполнял также и профсоюзную работу. По приказу директора Ходос был зачислен студентом Казанского юридического института.

В заявлении от 1 октября 1941 г. на имя директора института Горбачева Ходос просил зачислить его на стипендию и освободить от оплаты за обучение за неимением материальных средств, указывая при этом, что его отец, химик-технолог красильного комбината, с 23 июня 1942 г. находится в действующей армии.

Слова Ходоса (что он был в Минске отличником и получал государственную стипендию) подтвердил бывший ассистент Минского юридического института, а теперь помощник прокурора Агрызского района Резник. Директор института Горбачев удовлетворил просьбу Ходоса и включил его в список на получение стипендии.

Впоследствии семья Ходоса нашлась и тоже переехала в Казань. Ходос учился в юридическом институте и одновременно работал монтером в гарнизонно-жилищной части Казанского гарнизона. Практику он проходил в июне 1942 г. в нарсуде 1-го участка Бауманского района города Казани.

Ходос окончил институт в августе 1942 г. с оценками «отлично» и «хорошо». Директор института Горбачев дал ему положительную характеристику, и в августе 1942 г. Ходос был принят на работу в прокуратуру ТАССР помощником прокурора Кировского района г. Казани³⁹.

Как отметил прокурор республики Ардерихин в характеристике, работая в Кировском районе, Ходос проявил себя

³⁹ Национальный архив Республики Татарстан. Казанский юридический институт. Фонд Р-5799, опись 3 л, дело 7354.

как энергичный, растущий, квалифицированный работник. Во время отсутствия прокурора района Ходос успешно исполнял его обязанности. И вывод Ардерихина: Ходос заслуживает выдвижения на самостоятельную работу прокурором района.

Ходос быстро продвигался по служебной лестнице. В июле 1944 его назначили прокурором уголовно-судебного отдела прокуратуры ТАССР, а в августе 1944 г. перевели прокурором отдела общего надзора. Прокурор республики Садовников также был хорошего мнения о Ходосе и считал его одним из лучших помощников прокурора г. Казани, который был выдвинут в центральный аппарат.

В декабре 1944 г. Садовников объявляет Ходосу благодарность. «Сильный и растущий прокурорский работник», «своей энергичной и добросовестной работой добился положительных результатов» – это все о нем, о Ходосе.

Но в июле 1945 г. начальник отдела общего надзора прокуратуры ТАССР Ахияров представил прокурору республики Садовникову докладную записку о нарушениях Ходосом служебной дисциплины. Из докладной записки следует, что Ходос не выполнил ряд плановых заданий и поручений, «заволоклитил» 25 материалов и т.д. По мнению Ахиярова, Ходос «к работе относится легкомысленно, не подходит к разрешению вопросов по-государственному и по-партийному. Всегда исходит из своих личных интересов. Шумит много, а черновую работу выполнять не хочет, увлекается хозяйственной работой, на что теряет 30% рабочего времени». Ахияров также указал, что Ходос увлекается работой, не относящейся к общему надзору. По словам Ахиярова, если начинаешь требовать от Ходоса выполнения плановых заданий и поручений, то он заявляет: «На меня не нажимайте, иначе добьюсь бюллетеня и не выйду на работу».

В результате этого конфликта по личной просьбе Ходоса в августе 1946 г. его переводят прокурором отдела по надзору за органами милиции.

В феврале 1947 г. Ходос получает выговор за то, что он «позорно сорвал» предоставление отчетного доклада о работе прокуратуры Татарской АССР по борьбе со спекуляцией за декабрь 1946 г., что вызвало справедливое замечание прокурора РСФСР. Правда, не прошло и четырех месяцев, как прокурор республики Надеев снял этот выговор.

22 августа 1947 г. Ходос получает очередное дисциплинарное наказание – строгий выговор за явку с опозданием из очередного отпуска. 12 сентября 1947 г. Ходосу указано на беспечное отношение к охране дел и документов: он, уходя в суд, оставил на столе следственно-арестантское дело, поступившее из МВД, и не запер дверь. В этот период Ходос исполнял обязанности и.о. начальника отдела по надзору за милицией. 15 апреля 1948 г. строгий выговор (за опоздание из отпуска) с Ходоса был снят.

В июне 1948 г. прокурор республики Надеев направляет в прокуратуру РСФСР представление на присвоение Ходосу классного чина – младшего советника юстиции. Причем, тогда Ходос был только юристом 2-го класса, и Надеев решил представить его сразу к младшему советнику юстиции, перескочив через классный чин юриста 1-го класса. Однако Москва не оценила выдающихся заслуг Ходоса, и ему был присвоен классный чин юриста 1-го класса⁴⁰.

На партийном собрании 31 октября 1947 г. прокурор республики Надеев охарактеризовал Ходоса как опытного, растущего работника. И в целом, по воспоминаниям ветерана органов прокуратуры Б.Л. Железнова, к Ходосу Надеев относился очень хорошо.

⁴⁰ Национальный архив Республики Татарстан. Прокуратура Татарской АССР. Фонд Р-6948, опись 9, дело 443. Личное дело А.М. Ходоса.

Ходос хорошо себя проявил и в качестве государственного обвинителя. На рубеже 50-х гг. в Верховном суде Татарской АССР судили группу сотрудников правоохранительных органов за провокационную деятельность по организации преступлений. Сотрудники милиции изобрели интересную схему раскрытия преступлений: они внедряли в преступную группу своего человека и тот подбивал «корешей» на преступления, в том числе и на убийства с ограблением. В милиции определяли «жертву», место и время нападения. У «жертвы» дома устраивали засаду. Когда преступники врываются в дом и пытаются напасть на хозяина (а он был в курсе происходящего), выскакивали оперативники и открывали огонь на поражение. Ветеран органов прокуратуры Н.М. Самосов, учившийся тогда на последнем курсе института, вспоминает, что они иногда посещали судебные заседания по этому делу. Обвинение поддерживал Ходос. Самосов хорошо помнит, как государственный обвинитель метал гром и молнии в адрес подсудимых⁴¹.

Ходос, по воспоминаниям бывших коллег, был громогласным, шумным человеком, слегка заикался. В прокуратуре его называли Ароном Марковичем. Неглупый, доброжелательный, контактный, он отличался «простецким» стилем общения. Он был «душой компании», со всеми на короткой ноге, всем друг. Любил рассказывать анекдоты. Обычная его присказка: «Шумим, братцы, шумим!» «Свойский парень» – так, наверное, можно было бы охарактеризовать его в целом. Так же он вел себя и по отношению к работникам милиции.

По показаниям коллег, прокурорских работников, допрошенных во время следствия, Ходос был начитанным, развитым, юридически грамотным. Он быстро включался в расследование, активно участвовал в нем. В то же время коллеги

⁴¹ Самосов Н.М. Мы и наше время. Казань, 2007. С. 19–20.

отмечали и его отрицательные черты: Ходос часто отлучался с работы, относился к сотрудникам ОББ и ОУР панибратски, называл всех по имени, всегда хвалил их работу. Отношения Ходоса и сотрудников ОББ один из допрошенных охарактеризовал словом «семейственность». Также коллеги отмечали, что к услугам Ходоса всегда была готова автомашина от ОББ.

Приказом Генерального прокурора СССР от 7 февраля 1950 г. заместитель прокурора республики А.А. Ривкин и прокурор отдела Ходос были сняты с работы.

17 апреля 1950 г. на партийном собрании прокуратуры ТАССР рассматривалось персональное дело А.М. Ходоса. Решение было вынесено жесткое и однозначное: за допущение незаконных методов расследования уголовных дел в органах МВД ТАССР, за способствование фальсификации дел против невинных лиц по обвинению их в бандитизме исключить Ходоса из рядов ВКП(б). К этому времени он уже находился под стражей.

На партийном собрании 17 апреля 1950 г. начальник отдела по надзору за органами милиции Вагазов отметил, что в прокуратуре имели место подхалимство и угодничество, которые поддерживались руководством. В качестве примера он привел и Ходоса, который угодничал перед руководством и получил премию. В решении этого партийного собрания фамилия Ходоса была названа в числе недобросовестных, сомнительных работников и подхалимов, которых поддерживал бывший прокурор республики Надеев и которые не были своевременно разоблачены и не получили соответствующей оценки со стороны партийной организации.

Следует отметить, что прокурор республики Надеев и его заместитель Ривкин не явились на это партийное собрание, хотя и были специально приглашены.

5 мая 1950 г. партбюро прокуратуры ТАССР утвердило характеристику на А.М. Ходоса – для его уголовного дела. В

характеристике в сжатой форме была дана следующая оценка деловых, профессиональных и личных качеств прокурора Ходоса:

«За время работы в аппарате прокуратуры ТАССР показал себя с отрицательной стороны, к исполнению своих служебных обязанностей относился недобросовестно, к решению вопросов подходил поверхностно, в связи с чем подвергался взысканиям в дисциплинарном порядке. В отношениях с работниками поднадзорных органов проявлял семейственность.

Над повышением своего идейно-политического уровня и деловой квалификации не работал. Поступив в Университет марксизма-ленинизма, учебного плана не выполнял, в связи с чем из числа студентов такового был отчислен. На критику недостатков в его работе и поведении реагировал болезненно, в то же время проявлял чрезмерную услужливость, граничащую с подхалимством, особенно перед руководством прокуратуры ТАССР, а к товарищам, равным по работе, относился пренебрежительно.

Имел склонность к использованию своего служебного положения в личных интересах, что особенно проявлялось в период ремонта и благоустройства купленной им осенью 1948 г. части дома в городе Казани.

По своим политическим и деловым качествам Ходос оказался непригодным для работы в органах прокуратуры, в связи с чем он с занимаемой должности был снят, Генеральным прокурором СССР отчислен из органов прокуратуры и партийным собранием исключен из членов ВКП(б)»⁴².

25 апреля 1950 г., отвечая на устный запрос заместителя прокурора Татарской АССР, военный прокурор 4 отдела ВП В/МВД СССР Черкасов представил следующую информацию

⁴² ЦГА ИПД РТ. Первичная партийная организация прокуратуры ТАССР. Фонд 968, опись 1, дело 74. Характеристики... 1950 г.

по уголовному делу А.М. Ходоса: «На Ваш устный запрос сообщаю, что бывший прокурор отдела прокуратуры ТАССР по надзору за органами милиции Ходос Арон Мордухович привлечен к ответственности по ст. 109 УК РСФСР. Он обвиняется в том, что, работая с 1945 г. по 1950 г. прокурором отдела по надзору за органами милиции, не выполнял возложенные на него законом обязанности и злоупотреблял своим служебным положением.

Как установлено следствием, в течение 1946–1949 гг. в органах ОББ и ОУР УМ МВД Татарской АССР, надзор за которыми осуществлял Ходос, фальсифицировались уголовные дела, допускались незаконные методы ведения следствия, как то: угрозы, избиения и провокации, необоснованно подвергались задержаниям и арестам отдельные свидетели, от которых работники МВД добивались дачи ими ложных показаний и т.п., в результате чего безвинно осуждались лица, которые либо вообще не совершали никаких преступлений, либо совершали не те преступления, которые им вменялись в вину.

Имея об этом сигналы, Ходос не принимал меры к прекращению грубых нарушений социалистической законности, допущенных отдельными работниками ОББ и ОУР и, более того, в своей практической работе сам допускал незаконные методы ведения следствия (угрозы, запугивания и избиения). Виновным себя признал частично. Следствие в отношении Ходоса продолжается».

Указанная информация в самой общей форме представляет собой содержание обвинения, предъявленного Ходосу.

В любом повествовании, как правило, встречаются антигерой и положительный герой. Про первого мы уже кое-что рассказали. Пора перейти если не к главному, то важному, притом положительному герою в этой истории.

Заместителем прокурора Татарской АССР по общим вопросам в апреле 1949 г. был назначен Михаил Ильич Березов.

Он родился в 1908 г., происходил из крестьян. Являлся членом партии с 1938 г. В 1929–1931 гг. работал судьей, с 1931 г. – в органах прокуратуры. Был помощником прокурора города Ростова, прокурором города Шахты. Во время Великой Отечественной войны в 1941–1942 гг. работал военным прокурором Шахтинского гарнизона, в 1942–1943 гг. находился в составе оперативной группы прокуратуры СССР на Южном фронте. Перед назначением в город Казань Березов работал прокурором города Таганрога и учился в заочном юридическом институте. Был награжден орденом Трудового Красного знамени, медалями.

Как было указано в его характеристике, Березов имел большой опыт руководящей прокурорской работы, показал себя политически выдержанным, принципиальным, оперативным и инициативным прокурорским работником, принимал активное участие в общественно-политической работе.

Пути Ходоса и Березова пересеклись, а если быть точнее, столкнулись в известном уголовном деле по банде Кормакова. Об этом деле имеется достаточно подробная публикация, подготовленная М.В. Беляевым (в прошлом – следователь, в настоящее время – судья, заместитель председателя Верховного суда Республики Татарстан). Приведем выдержки из этой публикации:

«Осенью 1949 г. предполагаемые бандиты втроем прогуливались по мосту через Казанку. Преступлений в тот вечер они не планировали, поэтому были безоружны, не считая служебного револьвера «Кормы» (Кормакова). В районе Кремля бандиты из баловства стали приставать к попавшейся им навстречу учительнице. Даже попытались отнять у нее сумочку, в которой лежала смешная для их волчьего аппетита и послевоенного времени сумма – 100 рублей.

Подъехавшему патрульному наряду Кормаков и его подельники хотели представить ограбление женщины как не-

удачную шутку. На обнаруженный в ходе личного досмотра табельный «наган» «Корма», как начальник фабричной ВОХР, имел вполне официальное разрешение. Однако милиционеры все же доставили задержанных в камеру предварительного заключения.

Первоначально расследование данного дела было поручено следователю отдела по борьбе с бандитизмом МВД Татарской АССР. Каждого из задержанных он допрашивал по отдельности. На восьмом допросе Кормаков пришел в ярость от назойливых вопросов следователя. «Пахан» сорвался и заявил: «Вы достали меня!», а затем сник и неожиданно добавил: «Я расскажу, как все было!» Раскрывшись, «Корма» поведал о нескольких преступлениях, совершенных бандой за последние два года. Задержанный описал места преступлений, назвал потерпевших и подробно рассказал о похищенном у них имуществе. Следователь тщательно заполнил протокол допроса Кормакова. Петелин и Бабаев упрямо молчали, даже не догадываясь, что их хладнокровный «пахан» уже дает изобличающие себя и подельников показания.

В то же время на прием к исполняющему обязанности прокурора Татарии Михаилу Березову пришел гражданин, проживавший в районе Чеховского рынка Казани. Взволнованный мужчина сообщил, что отмечал ноябрьские праздники со своим соседом, который работает следователем в ОББ и ведет «дело Кормакова». Расслабившись после совместного употребления алкоголя, милиционер рассказал о том, что ему удалось «расколоть» задержанного на целую серию убийств, совершенных в Казани в последние годы. Окрыленный победой, сыщик сразу же занес протокол допроса главаря банды своему начальнику.

Ознакомившись с чистосердечным признанием, руководитель ОББ Татарии неожиданно заявил следователю: «Ты сам подписал себе приговор!», напомнив, что за многие пре-

ступления Кормакова уже осуждены конкретные люди, которые ранее сознались в содеянном. Разгневанный начальник велел коменданту МВД лично доставить к нему «Корму», пояснив следственно-арестованному, что тот зря берет на себя «чужие» грехи и проявляет ненужный «героизм». Сто раз пожалевший о своем признании Кормаков предложил уничтожить явку с повинной, что было немедленно сделано начальником ОББ. Ликвидация столь ценного протокола практически гарантировала Кормакову и остальным членам банды выход на свободу!

Завершая свой шокирующий рассказ о злоупотреблениях в ОББ, бдительный гражданин добавил, что за ограбление заведующего пивным ларьком ранее был незаконно осужден его племянник. Пообещав разобраться в сложившейся ситуации, прокурор попрощался с заявителем, попросив его до поры держать язык за зубами...

...Сразу после ухода посетителя Березов дал указание немедленно изъять скандальное уголовное дело из ОББ МВД ТАССР и передать его для дальнейшего расследования в республиканскую прокуратуру.

Готовившиеся к освобождению Кормаков, Петелин и Бабаев в срочном порядке были переведены во внутренний изолятор КГБ. Последующее расследование было поручено старшим следователям прокуратуры ТАССР Бакланову и Губерману, которым с большим трудом удалось вернуть Кормакова к прежним признательным показаниям. Великий и ужасный «Корма» даже подтвердил их на очных ставках с Петелиным и Бабаевым. При обысках удалось изъять весь арсенал оружия банды. Узнав об этом, Петелин пытался выкрутиться, сочинив невероятную историю о том, что купил пистолет «ТТ» для того, чтобы из него охотиться на волков!

В конце концов, деморализованные поведением «пахана» и подавленные собранными против них уликами, подельни-

ки вынужденно признались в своих злодеяниях. Вскоре было арестовано ближайшее окружение «кормаковцев». Оказалось, что банда состояла почти из двух десятков человек!

...Поскольку дело банды Кормакова имело особое значение, для надзора за ним выехала бригада прокуроров из Москвы. На допросах «кормаковцев» лично присутствовали помощники Генерального прокурора СССР Бардин и Бутов.

31 августа 1950 г. прокурор Татарии Степан Бекедов утвердил обвинительное заключение, передав дело военному трибуналу, ввиду того, что среди потерпевших были и военнослужащие Советской Армии. В сентябре того же года Кормаков и 17 его подельников предстали перед правосудием...

Бандитов признали виновными в том, что в период 1945–1949 гг. они совершили 22 грабежа и 33 квартирные кражи. В результате вооруженных нападений было ранено 14 человек, в том числе три милиционера. Убито 22 человека, из которых трое были милиционерами, а один – солдатом Советской Армии...

Из текста приговора: «Именем Союза Советских Социалистических Республик, в 1950 г., октября 23 и 24 дня, Военный трибунал Приволжского военного округа в закрытом судебном заседании в городе Казани рассмотрел дело и приговорил: Кормакова Василия Александровича, Петелина Петра Михайловича и Бабаева Алексея Михайловича подвергнуть высшей мере наказания – расстрелу, конфисковав все имущество осужденных. Приговор окончательный и кассационному обжалованию не подлежит».

Остальные участники банды Кормакова получили от 15 до 25 лет исправительно-трудовых лагерей с конфискацией имущества и пятилетним поражением в гражданских правах.

После оглашения приговора Петелин в ярости пообещал перегрызть глотку судьям и тюремным надзирателям, а содержащийся в одиночной камере Кормаков стал готовить

побег. К чести оперативников Казанского следственного изолятора № 1, планам приговоренных к смерти было не суждено сбыться. 5 февраля 1951 г. Кормаков, Петелин и Бабаев были расстреляны»⁴³.

Об одном важном нюансе судебного процесса по банде Кормакова напомнил бывший сотрудник органов прокуратуры, профессор Б.Л. Железнов. Кормаков и его подельники по ст. 58 УК РСФСР привлекались как за контрреволюционные преступления, хотя на самом деле нападения и ограбления совершались преступниками в основном в корыстных целях, а убивали они либо с целью завладения оружием, либо при попытке задержания. Конечно, контрреволюционных целей преступники не преследовали, но убийства милиционеров были квалифицированы по ст. 58 УК РСФСР как террористические акты, совершенные в контрреволюционных целях, очевидно, для того, чтобы к преступникам могла быть применена смертная казнь.

Дело в том, что после Великой Отечественной войны в Советском Союзе смертная казнь была отменена. Но спустя некоторое время ее восстановили неопубликованным указом Президиума Верховного Совета СССР в качестве наказания для лиц, осужденных по статье 58 УК РСФСР. И когда шел суд над бандой Кормакова, преступники об этом еще не знали и надеялись на приговор в виде 25 лет лишения свободы.

Б.Л. Железнов присутствовал при оглашении приговора бандитам. Председатель трибунала огласил приговор: Кормакова подвергнуть по ст. 58 УК РСФСР смертной казни. Кормаков с недоумением спросил у председательствующего: «Как это понимать? Почему не 25 лет?» (ведь суды в тот период – до возвращения смертной казни по ст. 58 – формулировали приговоры следующим образом: «приговорить к смертной казни, но, учитывая Указ ПВС СССР об отмене

⁴³ Беляев М.В. Охота на волков // Эхо веков. – 2012. – № 1/2. – С. 255–264.

смертной казни, заменить ее 25 годами лишения свободы». В данном же случае судья ничего не сказал о замене смертной казни 25 годами лишения свободы... Это и вызвало недоумение Кормакова.)

По словам Железнова, после этого вопроса председательствующий, не торопясь, попил водички, разгладил усы и будничным голосом произнес: «Разъясняю, что смертная казнь по ст. 58 УК РСФСР на основании Указа ПВС СССР... восстановлена!» И тогда тройка основных обвиняемых, приговоренных к растрелу, – Кормаков, Петелин, Бабаев – забились в истерику. Их подхватил конвой и увел.

Если обратиться к законодательству, то действительно Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 мая 1947 г. смертная казнь в мирное время была отменена. Но Указ ПВС СССР от 12 января 1950 г. допустил применение смертной казни к изменникам родины, шпионам, подрывникам-диверсантам. Под эти категории члены банды Кормакова не попадали. Однако действовала еще и секретная директива, согласно которой смертная казнь могла применяться специальными судами (трибуналами) по делам о контрреволюционных преступлениях.

Как следует из архивных документов, Березов сыграл решающую роль в раскрытии преступлений банды Кормакова. Во многом благодаря его принципиальности и настойчивости возмездие настигло виновных, а с невиновных было снято клеймо преступников.

Вскрытые факты беззаконий по уголовным делам относились в основном к 1946–1949 гг. Напомним, что именно с 1946 г. прокурором Татарской республики стал И.С. Надеев. Неудивительно, что Надеев, его заместитель Ривкин и Ходос всячески старались противодействовать Березову в установлении истины.

13 декабря 1949 г. Березов докладывает прокурору республики Надееву о фактах незаконных арестов и осуждений

и требует изъять дело по обвинению Кормакова и других у прокурора Ходоса. Березов также предлагает Надееву сообщить об этом в прокуратуру СССР, а также заслушать Ходоса о ходе следствия по делу Кормакова и других.

Надеев отказывается уведомить о случившемся прокуратуру СССР, а лишь проводит заслушивание дела Кормакова и других. Дело было доложено Надееву 18 декабря 1949 г. При этом Березов выдвинул и обосновал свои доводы о незаконном осуждении граждан за преступления, совершенные членами банды Кормакова. В ответ Ходос и Ривкин оспаривали доводы Березова, защищали свои действия и действия работников МВД, утверждая, что ни по одному уголовному делу ошибок нет.

Надеев подвел итог: «Насчет одного дела (Игонина) надо посмотреть, что же касается остальных, то пусть сидят, поскольку они уже осуждены».

На другой день, 19 декабря 1949 г. в 9 часов утра в квартире Березова раздался телефонный звонок. «Вы прокурор Березов?» – спросил неизвестный. Услышав утвердительный ответ, незнакомец заявил: «Вы не прокурор, а адвокат Игонина. Смотрите, будет вам то же, что и Игонину».

Березов подозревал, что звонок последовал от одного из сотрудников ОББ, которых мог проинформировать Ходос. Когда Березов сообщил об этом телефонном звонке и содержании разговора Надееву, тот наивно спросил: «Кто это мог звонить?»

После этих событий 19 декабря 1949 г. Березов пишет официальную записку прокурору республики и требует немедленно изъять дело банды Кормакова у Ходоса и передать его другому следователю. Он считает Ходоса необъективным и поэтому полагает невозможным поручить ему окончание данного дела. Надеев накладывает резолюцию: «передать Чершинцеву». Однако дело передается не Чершинцеву,

а Губерману – особо доверенному следователю Надеева, и то спустя 4–5 дней. Они не хотели, чтобы правда восторжествовала, не желали скандала, старались, чтобы брак в их работе не был доказан.

Также 19 декабря 1949 г. Березов авиапочтой отправляет Генеральному прокурору СССР Сафонову спецзаписку. В ней заместитель прокурора республики подробно описывает обстоятельства дела и просит командировать 2–3 человек из Москвы для окончания дела и решения вопроса о других делах, по которым осуждены невинные.

28 декабря 1949 г. Березов представляет секретарю Татарского обкома ВКП(б) Лобкову подробную информацию: «О фактах незаконных арестов и осуждении граждан в органах Министерства внутренних дел и прокуратуре ТАССР». Такая же информация в январе 1950 г. направляется Березовым секретарю ЦК ВКП(б) Пономаренко. Остановить Березова было уже невозможно.

Обратимся к письму М.И. Березова на имя секретаря ЦК ВКП(б) Пономаренко и приведем значительный отрывок из этого документа, имеющего важное значение для понимания того, что происходило тогда в прокуратуре.

«7 июля 1949 г. мною было принята гражданка Лакина ..., проживающая в Казани, с жалобой на действия органов МВД ТАССР. Лакина сообщила, что, по имеющимся у нее сведениям, в город Казань из мест заключения прибыл гражданин под кличкой «Петро», в прошлом судимый за бандитизм и воровство. Не имея права проживать в городе Казани, он стал близким к работникам МВД ТАССР, последние ему выдали новый паспорт и разрешили проживать в городе Казани.

Преступник «Петро» назначает места, где, якобы, должно быть совершено преступление, ставит об этом в известность работников МВД, которые прибывают в указанное «Петро» место для засады. А «Петро» к указанному месту засады ра-

ботников МВД обманым путем подводит ребятишек, с которыми работники МВД производят произвол – избивают, убивают совсем или составляют уголовные дела и осуждают.

Так, по объяснению гражданки Лакиной, 11 декабря 1948 г. ее сын Панов, 1931 г. рождения, пошел в кинотеатр «Электро» посмотреть кинокартину. На улице Баумана он встретил своего товарища по школе Дубровина. С Дубровиным их встретили два других знакомых, в том числе «Петро», предложили зайти на минуту в одну квартиру. Мальчики согласились, не успев войти в квартиру, они были обстреляны из той же квартиры работниками МВД, в результате чего один из мальчиков был убит, ее сын Панов ранен в ногу, а «Петро», как выяснилось на суде, говорит Лакина, «бежал» от конвоя, работника МВД Карпова.

Проверкой заявления гражданки Лакиной (основное дело по обвинению Панова и Дубровина, по которому они осуждены, первый на 15 лет, второй на 10 лет, находится у прокурора СССР на просмотре по жалобе Лакиной) я пришел к выводу, что некоторые работники МВД ТАССР с помощью отдельных работников прокуратуры республики Ходоса и Ривкина сфальсифицировали дело Панова и других, а затем через работника Верховного суда ТАССР Аппалонова добились обвинительного приговора.

7 июля мною было поручено и.о. начальника следственного отдела Курбангалееву принять меры к установлению «Петро» через следственный аппарат, а от министра внутренних дел ТАССР запросил выделенное из дела Панова и Дубровина дело по обвинению «Петро» в связи с его «побегом». Министр внутренних дел Ченборисов вместо немедленного представления дела на мой запрос, звонит мне по телефону с сообщением следующего содержания: «Товарищ Березов, Вы запрашиваете у меня выделенное дело на скрывшегося «Петро». По оперативным соображениям я Вам его выслать

не могу». На мое настойчивое требование выслать, Ченборисов заявил: «Тогда вышлем прокурору Союза, и только через МВД СССР», – о чем мною доложено заместителю Генерального прокурора СССР товарищу Вавилову.

Характерно, что Надеев, будучи мною подробно информирован по этому делу, тогда же заявил мне: «Ничего вы тут не сделаете, дело на «Петро» нам не дадут из МВД», вместо немедленного реагирования.

Дело по обвинению Панова и Дубровина после органов МВД заканчивал опытный следователь прокуратуры города Казани товарищ Бакланов, по существу дела от которого я взял устное объяснение о причине не розыска и не привлечения «Петро». Товарищ Бакланов сообщил мне, что он пытался взять в МВД имеющиеся материалы на «Петро» с тем, чтобы его разыскать, так как дело без него направлять в суд было невозможно. Однако заместитель прокурора республики Ривкин категорически ему запретил не только искать «Петро», но даже им интересоваться. Мною был опрошен Ривкин, не усматривает ли он, что без привлечения «Петро» по делу Панова и Дубровина нельзя решить правильно дело последних. На это Ривкин мне сообщил, что «Петро» скрылся, что же касается Панова и Дубровина, то они привлечены и осуждены совершенно правильно, также правильно убит подросток Машурин Борис работниками МВД при задержании. Ривкин добавил, что лично он сам был на месте этого события.

Дело по обвинению Дубровина и Панова находится у прокурора Союза ССР с июля 1949 года, поэтому решить вопрос окончательно об их виновности или невиновности мне не представилось возможным. Кроме того, в этом воспрепятствовал Ченборисов, скрыв от меня ему известного «Петро».

Заявление гражданки Лакиной после предварительной проверки лично мною было частично подтверждено, это заставило меня критически относиться к работе заместителя

прокурора по специальным делам Ривкина, который ведал отделом по надзору за органами милиции, а также к работе прокурора отдела по надзору за органами милиции прокуратуры ТАССР Ходоса.

Поскольку их роль как прокуроров по делу осужденных Панова и Дубровина не может быть признана государственной и так как прокурор республики Надеев не реагировал, как это требуется, на мою информацию о фактах нарушения социалистической законности органами милиции по делу Панова и других, выразившихся в незаконном применении оружия, в результате чего был убит подросток Машурин, неправильного тенденциозного расследования дела и т.д., то есть такое отношение Надеева дало мне основание полагать, что он знает о фактах нарушения законности работниками прокуратуры и милиции, однако мер для устранения нарушения закона и наказания виновных не принимает. Хотя знал Надеев и то, что у Ривкина и Ходоса взаимоотношения с работниками органов МВД основаны на очень подозрительно-близкой «товарищеской дружбе».

В августе месяце 1949 г. в городе Казани при попытке задержать двух подозрительных лиц был убит постовой красноармеец, в связи с этим фактом мною, в то время исполняющим обязанности прокурора республики, было предложено заместителю прокурора Ривкину предъявить серьезные требования к работникам МВД, отделу ОББ, принять меры любым способом задержать преступников. После этого предложения через 2-е суток Ривкин информировал меня, что есть ряд косвенных улик на гражданина Кормакова, работающего начальником охраны гармонной фабрики города Казани, причем высказал мнение, что этих оснований к задержанию Кормакова за убийство красноармейца недостаточно.

Проанализировав все изложенное Ривкиным, я рекомендовал ему о даче указаний работникам ОББ МВД об аресте Кормакова.

Кормаков, будучи арестованным, признался, что он является организатором вооруженной банды, состоящей из группы в количестве четырех человек вместе с ним. Будучи арестованными, члены бандитской группы Кормаков, Матвеев, Петелин и Бабаев о своей преступной деятельности дали подробные показания, из которых видно, что начиная с 1945 г. по август 1949 г. в городе Казани существовала, беспрепятственно терроризировала трудящихся города путем убийств, грабежей, насилия, устойчивая, социально опасная банда.

Дело по обвинению Кормакова и его соучастников в количестве 6 человек с августа месяца по декабрь 1949 г. расследовал отдел ОББ МВД ТАССР, Опалев, Шахнин, Халецкий, Карпов и другие.

За расследованием дела осуществляли надзор заместитель прокурора республики Ривкин, прокурор отдела по надзору за органами милиции Ходос.

В совершенных зверских преступлениях бандиты Кормаков, Матвеев, Петелин и Бабаев (основные исполнители) признали себя виновными и дали соответствующие показания.

Так, на первый взгляд, правильно и объективно проведенное следственное дело об указанной группе преступников поступило в прокуратуру ТАССР из Министерства внутренних дел для окончания расследования и предания виновных суду.

Эту основную ответственную стадию расследования дела прокурор республики Надеев поручил выполнить Ходосу.

В процессе расследования дела Кормакова в отделе ББ МВД в начале октября или ноября месяца 1949 г. ко мне на прием явился гражданин А.А. Игонин, проживающий в городе Казани. Игонин заявил, что его сын, прослуживший вместе с ним 4 года в Советской армии, инвалид войны, осенью 1948 года арестован работниками МВД и незаконно осужден Верховным судом на 25 лет за то, что, якобы, он с неизвестным 18

октября 1948 г. в 11 часов ночи ограбил граждан Вайнштейна и Люлинскую, забрал ценности, их тяжело ранил и скрылся.

Игонин утверждает, что в тот вечер, когда совершено ограбление их соседа Вайнштейна, сын его был безотлучно дома, о чем знают посторонние люди, однако следствие этого не проверяло.

Для проверки правильности заявления отца осужденного Игонина мною было истребовано из Верховного суда ТАССР дело по обвинению Игонина. Изучив его, я пришел к твердому убеждению, что оснований для осуждения гражданина Игонина у суда не было. Не было оснований и к задержанию Игонина, так как, кроме показаний потерпевшего Вайнштейна, который на вопрос «кого вы подозреваете» заявил на следствии и в суде «по росту и хриплому голосу похож на Игонина», других объективных данных, утверждающих о совершенном разбое, в деле нет.

В связи с этим мною лично было сообщено наблюдающему прокурору Ривкину, прокурору отдела Ходосу о наличии у меня жалобы отца осужденного Игонина с той целью, чтобы они вместе с работниками МВД допросили бандита Кормакова и других на предмет проверки, не являются ли они исполнителями ограбления граждан Вайнштейна и Люлинской, за которые осужден к 25 годам ИТЛ демобилизованный из Советской армии Игонин.

Через непродолжительное время Ривкин и Ходос мне доложили, что бандиты Кормаков и Бабаев пытались взять на себя ограбление Вайнштейна, дали об этом показания, затем от данных показаний отказались, тут же добавили, что дело Игонина они хорошо знают и что Игонин осужден правильно, преступление совершил он, и нет сомнений к пересмотру дела Игонина.

Так как Игонин арестован, а затем осужден с помощью и согласия Ривкина и прокурора отдела Ходоса, работников

МВД Халецкого и Шахнина и других, кроме того, однажды работник МВД Халецкий позвонил мне по телефону с вопросом: «Вы интересуетесь делом Игонина, товарищ Березов? Это бандит, наверное, отец бандита все жалобы Вам подает, я как-нибудь зайду к Вам и расскажу, что это за семейка». Мною было сказано Халецкому, что «в Вашей информации я не нуждаюсь».

Все это вместе взятое дало возможность понять мне, что я имею дело с людьми, которые имеют целью своими действиями подрывать авторитет партии и советской власти в глазах трудящихся масс путем фальсификации дел на честных граждан и на лиц, не совершивших приписываемых им тяжелых преступлений.

Я решил лично допросить бандитов Кормакова и Бабаева по эпизоду, относящемуся к ограблению гражданина Вайнштейна и его жены в октябре 1948 г., за что осужден Игонин к 25 годам лишения свободы.

Дважды допрошенные мною бандиты отрицали ограбление Вайнштейна. Под давлением имеющихся улик, что это сделали они, Кормаков и Бабаев в совершенном преступлении сознались и на мой вопрос, почему они сразу не дали правдивых показаний, заявили, что работники отдела ОББ МВД Опалев, Шахнин, Халецкий, Карпов запретили им признаваться по делу ограбления Вайнштейна, а когда они об этом дали показания, то указанные работники предложили им отказаться от своих показаний, о чем хорошо было известно Ривкину и Ходосу.

Показания арестованных Кормакова и Бабаева мною перепроверены с обстоятельствами дела об ограблении Вайнштейна Игоным, которые полностью соответствуют, в связи с чем утверждаю, что Игонин привлечен и осужден незаконно и к этому не было оснований. Имеющиеся в деле показания Игонина о том, что он совершил ограбление Вайн-

штейна, не соответствуют обстоятельствам дела. Хотя на следствии Игонин от своих показаний в этой части отказался, заявил, что он их давал под угрозой ареста отца и матери работниками МВД Халецким и другими. По вопросу фальсификации дела на Игонины подтвердил свидетель по делу Игонины – Ткаченко.

Выяснив и проверив обстоятельства, касающиеся осуждения Игонины, я решил допросить бандитов Кормакова и других, есть ли факты их преступной деятельности, о которых они не дали показаний в органах МВД, или работники органов МВД им предложили от них отказаться, как и по делу ограбления Вайнштейна. Бандиты Кормаков, Бабаев, Петелин назвали мне преступления, совершенные ими, но работники МВД и наблюдающие прокуроры предложили им от них отказаться ...» (конец цитаты из письма Березова).

По мере расследования число преступлений банды Кормакова, за которые были осуждены невинные люди, увеличивалось. По данным М.И. Березова, за преступления членов банды Кормакова были осуждены следующие невинные лица:

1. Игонин, 1923 г.р., рабочий-электромонтер, участник Великой Отечественной войны, был привлечен к ответственности в октябре 1948 года по ст. 59-3 УК за то, что он, якобы, совершил вооруженное нападение на граждан Вайнштейна и Люлинскую, ранил их из пистолета и ограбил выручку от ларька в сумме 5000 рублей.

Следствие вели работники ОББ. За следствием наблюдал и таковое заканчивал Ходос. Обвинительное заключение утвердил Ривкин. Верховный суд осудил Игонины на 25 лет ИТЛ, и Игонин отбывает наказание уже полтора года.

Между тем Игонин этого преступления не совершал. Работники ОББ – Шахнин, Халецкий и другие, а также Ходос вели следствие необъективно и незаконными методами, организовали и использовали ложные показания свидетеля

Ткаченко, представили суду ложную справку и Верховный суд политически беспечно отнесся к рассмотрению дела, проштамповал сфальсифицированные доказательства и невинно осудил Игонина.

2. Артиев, 1916 г.р., рабочий-плотник, участник Великой Отечественной войны, не судим, и Чадаев, 1904 г.р., рабочий-плотник, не судим, были привлечены к ответственности в ноябре 1946 г. работниками по ст. 59-3 УК за то, что они, якобы, совершили вооруженное нападение на дом гражданина Заславского с целью ограбления квартиры, убили ребенка 4-х лет и нанесли тяжкие телесные повреждения до потери чувств и сознания двум взрослым Заславским. Подозрение пало на Чадаева и Артиева по той причине, что они ранее ремонтировали забор дома семьи Заславских.

Следствие вели работники ОУР МВД ТАССР Иванов, Фридзон и другие. За следствием наблюдал и таковое заканчивал Ходос. Обвинительное заключение утверждал Ривкин. Верховный суд ТАССР осудил Артиева и Чадаев. Чадаев умер в заключении.

Между тем установлено, что Артиев и Чадаев этого преступления не совершали, работники ОУР и Ходос вели следствие необъективно и незаконными методами, довели Артиева до истощения и заставили признаться в несовершеннолетнем им бандитском нападении и оговаривать Чадаева, а Верховный суд, трижды получив на суде заявление Артиева о том, что его показания были вынужденными, не проверил этого обстоятельства, слепо проштамповал сфальсифицированные доказательства и невинно осудил двух рабочих на 10 лет.

3. Поздняков, 1921 г.р., и Белоусов, 1923 г.р., в августе 1948 г. были привлечены к ответственности по ст. 59-3 УК за то, что они, якобы, ограбили дом инкассатора Госбанка Попандопуло и убили семью из 6 человек.

Следствие вели работники ОББ. За следствием наблюдал, требования ст. 206 УПК выполнил, обвинительное заключение составил и обвинение на суде поддерживал Ходос. Верховный суд ТАССР осудил Позднякова и Белоусова на 25 лет ИТЛ каждого, и они оба полтора года отбывают наказание.

Между тем установлено, что работники ОББ вели следствие необъективно, Позднякова избивали, его родителей арестовали и над ними издевались, показания свидетелей искажали, а Верховный суд, получив в заседании суда заявления обвиняемых об избиении и об иных незаконных методах следствия, вместо того, чтобы организовать проверку, стал на путь лишения слова обвиняемых и угрозы удаления из зала суда, проштамповал все сфальсифицированные доказательства и без оснований осудил обвиняемых к 25 годам ИТЛ.

4. Ганин, 1927 г.р., Потапов, 1918 г.р., и Трудов, 1930 г.р., в марте 1947 г. были привлечены к ответственности по ст. 59-3 УК за бандитское нападение на дом Баранова и Алексеева, за ранение первого и избиение второго.

Следствие вели работники ОББ. Арест всех санкционировал Ривкин, обвинительное заключение утвердил Надеев. Верховный суд осудил Ганина к 25 годам ИТЛ, а Потапова и Трудова – к 10 годам лишения свободы каждого. Все они отбывают наказание около 2-х лет.

Между тем установлено, что Ганин, Потапов и Трудов этого преступления не совершали, что следствие велось необъективно.

5. Шмелев, 1924 г.р., Носков, 1904 г.р., и Семенов, 1909 г.р., в июле 1948 г. были привлечены к ответственности по ст. 59-3 УК за то, что они, якобы, в 1943 г. совершили убийство и ограбление цыганки Богомоловой.

Следствие вели работники ОББ. Арест санкционировал Ривкин. Наблюдал за следствием, обвинительное заключение

составил, и обвинение в суде поддерживал Ходос. Верховный суд осудил всех к 10 годам ИТЛ.

На суде обвиняемые заявили, что их на следствии избивали и заставили дать ложные показания, однако Верховный суд не только не проверил этого обстоятельства, но и по ходатайству Ходоса вынес еще определение о дополнительном привлечении обвиняемых к ответственности по ст. 95 УК – «за клевету». Это определение Ривкин направил для исполнения в МВД, в тот самый орган, на который обвиняемые, якобы, клеветали. Это же министерство и вело следствие по «делу о клевете». Те же работники МВД, которые избивали обвиняемых, давали теперь показания в качестве свидетелей, что «мы, мол, не избивали», и этой комедии было достаточно для того, чтобы МВД привлекло обвиняемых за клевету на МВД. Народный суд оказался на высоте и оправдал обвиняемых по «делу о клевете».

6. Дубровин, 1930 г.р., и Панов, 1931 г.р., в декабре 1948 г. были привлечены к ответственности по ст. 59-3 УК за то, что они с неизвестным лицом «Петро» совершили вооруженное нападение на дом гражданина Дегтярева с целью ограбления.

Следствие вели работники ОББ. Арест санкционировал и обвинительное заключение утвердил Ривкин, обвинение в суде поддерживал Ходос. Верховный суд осудил Дубровина и Панова к 18 и 15 годам ИТЛ. Однако из материалов дела видно, что следствие велось необъективно. Организатором и инициатором бандитского нападения с провокационной целью являлся «неизвестный Петро», который, якобы, бежал от ОББ. Материалы на него, якобы, выделены в отдельное производство. В действительности Петро является отбывающим наказание, дважды судимым вором и бандитом, который по указаниям работников ОББ дает в любое время ложные показания против кого бы то ни было, и он не бежал, а укрывается

от суда теми же работниками ОББ, которые надоумили его совершить эту провокацию подростков.

К этому следует добавить, что в этой затеянной и исполненной работниками ОББ и бандитом «Петро» провокации работниками ОББ был убит наповал подросток Машурин, совершенно невинно и незаконно; и это гнусное и тяжелое преступление – убийство невинного подростка – лежит на совести ОББ и всего МВД и не может быть смыто никакими оправданиями.

Кстати сказать, министр Ченборисов и его заместители Павлинский и Бочков не нашли даже нужным и до сих пор никого за это преступление не наказали.

Для спасения же бандита «Петро» и выведения его из дела МВД сочло возможным дать в дело для суда фиктивные документы и даже направило в суд трех сотрудников Куприянова, Гурьянова и других, которые на суде дали ложные показания о том, что не было, якобы, четвертого преступника «Петро».

7. Блинников, 1915 г.р., и Корнилов, 1927 г.р., в мае 1947 г. были привлечены к ответственности по ст. 58-8 УК за то, что они 27 апреля 1947 г., якобы, совершили убийство двух милиционеров. Следствие вели работники ОУР Иванов, Терехов и другие. Военный трибунал В/МВД ТАССР осудил Блинникова и Корнилова к 25 годам ИТЛ каждого.

Между тем установлено, что Блинников и Корнилов к этому преступлению не причастны, а работники ОУР Иванов, Терехов, Козлов и другие вели следствие необъективно, с использованием незаконных методов, избивали обвиняемых и их родственников, заставляли их давать ложные признания, организовывали ложные показания свидетелей и т.д. Имеются все основания утверждать, что Иванов и другие подбросили в уборную пистолет с целью создания доказательства и т.д.

Дополнительно добавим, что один из осужденных за ограбление и убийство семьи Попандопуло (август 1948 г.) –

Поздняков – умер в лагере. Обвиняемый по другому делу – Блинников, не выдержав избиений и издевательств, пытался в камере покончить жизнь самоубийством.

Отметим, что лишь единичные факты из этого списка Березова не подтвердились (или их просто не смогли доказать) и не вошли в окончательное обвинение членов банды Кормакова. Согласно обвинительному заключению, в результате незаконных действий сотрудников ОББ и Ходоса были невинно осуждены всего 16 человек.

Основное обвинение в адрес Ходоса – это непринятие мер к пресечению беззаконий со стороны сотрудников ОББ. Указано, что Ходос не проверял, не рассматривал устные и письменные заявления арестованных о незаконных методах следствия, а также сам применял незаконные методы, в частности, нанес побои Поздняковой.

Ходос был арестован ночью 24 февраля 1950 г. В ходе следствия и в суде он признал себя виновным лишь в халатности. Всякие злоупотребления служебным положением, умышленные нарушения закона он отрицал. Ходос также отрицал и обвинение в том, что он лично применял насильственные действия против допрашиваемых.

Как следовало из допросов на следствии обвиняемых – сотрудников ОББ, Ходос всячески препятствовал установлению истины. В частности, когда выяснилось, что Артиев и Чадаев не причастны к ограблению Заславских и нужно было арестовать сообщницу бандитов Кормакова и других – Визгалову, то Ходос в даче санкции отказал и дал указание о пересоставлении постановления, исключив из него слова об изъятых вещах. Также Ходос присутствовал на допросах Кормакова и говорил ему, что тот врет.

Еще один штрих. 7 октября 1948 г. Ходосу была объявлена благодарность прокурора РСФСР и выдана денежная премия за активное участие в расследовании ряда уголовных дел –

убийства инкассатора Чистопольского отделения Госбанка и др. Причем в этом приказе было отмечено активное непосредственное участие Ходоса в раскрытии и расследовании убийства семьи Попандопуло! То есть Ходос получил поощрение за то, что посадил за убийство Попандопуло невиновных людей!

По большинству сфальсифицированных уголовных дел за ходом расследования надзирал именно прокурор Ходос. Он же, согласно уголовно-процессуальным нормам того времени, завершал расследование по этим делам и готовил дела для передачи их в суд. По отдельным делам он сам поддерживал в суде государственное обвинение. Обвинительные заключения по этим делам утверждал заместитель прокурора республики Ривкин, по одному уголовному делу – прокурор республики Надеев. Санкции на арест по всем этим делам давал Ривкин. Ходос докладывал об этих делах Ривкину и прикладывал все усилия, чтобы «протащить» их через суд, утвердить по ним приговоры. Например, когда в суде рассматривалось уголовное дело по обвинению Позднякова, Белоусова и Шуркова (убийство в 1948 г. семьи Попандопуло), Ходос предупредил начальника отдела ОББ о том, что мать обвиняемого – Позднякова – очень крикливая женщина, может прийти в суд, поднять шум и отрицательно воздействовать на судей своими заявлениями о невиновности сына. Ходос предложил: «В день суда вызовите ее в ОББ и продержите». Сотрудники ОББ так и сделали. Мать Позднякова целый день продержали в ОББ и в суд она не попала.

В период проведения Березовым проверки Ходос оставался на своей должности и всячески старался воспрепятствовать установлению истины. В конце декабря 1949 г. Березов узнал, что в отделе по надзору за органами милиции на столе у Ходоса лежит без движения уголовное дело об убийстве гражданки Трушиной, труп которой еще в декабре 1948 г.

нашли в полуподвальном помещении ГИДУВа. 10 января 1950 г. Ходос был отстранен от работы в отделе за неудовлетворительное расследование дела о смерти Трушиной от криминального аборта. Это дело лежало у Ходоса без движения почти год и, очевидно, стало формальным поводом для того, чтобы отстранить Ходоса от надзорной работы.

В феврале 1950 г. прокурор Татарской АССР И.С. Надеев был освобожден от занимаемой должности. М.И. Березов стал исполняющим обязанности прокурора ТАССР и довел начатое до конца.

Как установил Березов, для фальсификации уголовных дел работники милиции нередко использовали своих агентов из числа настоящих уголовников. В связи с необходимостью вербовки такой агентуры сотрудники ОББ практиковали досрочное освобождение из мест лишения свободы осужденных с недоотбытым сроком. Такие решения санкционировал министр МВД ТАССР или его заместитель.

Про агента «Петро» мы уже говорили. Другой агент ОББ Дацко по кличке «Хмурый» был освобожден из мест лишения свободы для работы в городе Казани среди уголовного элемента. В уголовном деле имеется характеристика, составленная сотрудником ОББ на агента «Хмурого». Агент характеризовался очень хорошо. Правда, имел недостаток: «давать ложь». Комментарии, как говорится, излишни. Дацко был расконвоирован в 1948 г. по санкции заместителя министра Павлинского. Сотрудничая с ОББ, Дацко давал провокационные материалы. Он же по заданию сотрудников ОББ, будучи посаженным в камеру внутренней тюрьмы, избивал следственно заключенных, добиваясь от них вымышленных признаний в совершении преступлений. В частности, в ночь на 5 сентября 1948 г. на току колхоза «Кзыл-Юл» Юхмачинского района было совершено убийство двух охранников. По подозрению в совершении этого преступления аресто-

вали пять человек – председателя колхоза, завхоза, двух охранников и конюха. Из них трое как на следствии, так и на суде вину не признали, двое дали признательные показания. Сроки всем дали большие – троим по 25 лет, двум другим – 6 и 10 лет лишения свободы. Однако впоследствии оказалось, что по данному делу сотрудники ОББ применяли в отношении подозреваемых недозволенные методы следствия – рукоприкладство, «стойки», лишение пищи в течение нескольких суток, угрозы расстрелом с демонстрацией огнестрельного оружия. Кроме этого, один из арестованных был посажен в камеру вместе с агентом ОББ Дацко. По заданию сотрудника ОББ Шахнина агент Дацко трижды избивал арестованного по этому делу Ситдикова, добиваясь от него признаний в несовершенном убийстве. Более того, когда в марте 1949 г. данное дело рассматривалось Военным трибуналом, Дацко по заданию сотрудника ОББ Халецкого выступал в судебном заседании в качестве свидетеля и давал ложные показания о причастности обвиняемых к убийству.

В феврале 1950 г. указанный приговор по заключению Генерального прокурора СССР был отменен Военной коллегией Верховного суда СССР по вновь открывшимся обстоятельствам. Впоследствии уголовное дело было прекращено. Вот такими методами «раскрывались» преступления.

Заместитель министра МВД ТАССР Павлинский, который осуществлял руководство отделом ОББ, был привлечен к партийной ответственности за то, что в 1948–1949 гг. дал санкцию на расконвоирование двух заключенных, в том числе и Дацко, с целью использования их в оперативной работе. Павлинский также утверждал постановления на арест Иголина, Позднякова, Белоусова и других, которым были приписаны преступления, фактически совершенные бандой Кормакова.

К уголовной ответственности, кроме Ходоса, были привлечены работники ОББ МВД ТАССР начальник отдела Опалев (ранее награжденный орденами Ленина, Красного Знамени!), а также Шахнин, Халецкий, Карпов и другие. Также прокуратурой был арестован агент ОББ Дацко.

В марте 1951 г. Ходос был осужден военным трибуналом войск МВД Приволжского округа по ст. 109 Уголовного кодекса РСФСР за злоупотребление властным или служебным положением к 10 годам лишения свободы. Вместе с ним были осуждены и сотрудники отдела по борьбе с бандитизмом. Ходос обжаловал приговор, но Военная коллегия Верховного Суда СССР оставила приговор без изменения.

В этот период на Березова шла самая настоящая атака. основной метод – анонимки. В частности, в ноябре 1950 г. в Татарский обком партии поступила анонимка о якобы имевших место злоупотреблениях Березова в период его работы прокурором Таганрога. О чем только не писали доброжелатели – даже о том, что прокурор Березов, будучи за рулем автомашины, задавил мальчика и т.д. Из Татарского обкома письмо направили для проверки в Таганрог. Однако все красочно описанные злоупотребления и нарушения Березова не подтвердились.

Как вспоминает Б.Л. Железнов, заместитель прокурора республики Березов был честным, порядочным человеком, преданным своему делу. У него был прямой, мужественный характер. Он твердо и уверенно вел себя и в отношениях с высоким партийным руководством. Однажды в присутствии Железнова Березов достаточно резко поговорил по телефону с какой-то ответственной дамой (кажется, из обкома партии). Женщина возмутилась: «Почему вы разговариваете со мной в таком тоне?» Березов ответил коротко: «Потому что я прокурор». Он не юлил, не заискивал, вел себя всегда достойно и уверенно.

Ходос же, по мнению Б.Л. Железнова, угодил в эту историю в значительной мере из-за своего панибратства с высокими чинами МВД.

В расследовании по делу банды Кормакова участвовали следователи прокуратуры города Казани Галимов и Бакланов. В апреле 1950 г. Березов пригласил Галимова к себе и предложил изучить многотомное уголовное дело, которое к тому времени расследовал старший следователь Губерман. Березов сказал тогда Галимову: «Вы новый человек в прокуратуре, поэтому расследование поручаю Вам». Несмотря на молодость, Ш.М. Галимов выделялся своей принципиальностью. Следствие завершали следователи из Москвы.

Ш.М. Галимов впоследствии вспоминал, как из зоны (с острова Находки) в Казань привезли мужчину, необоснованно осужденного за одно из преступлений банды Кормакова. Крепкий, коренастый мужчина средних лет, после объявления ему решения о прекращении уголовного дела за отсутствием состава преступления и об освобождении из-под стражи, упал и стал биться в истерике, плача и восклицая: «Справедливость есть! Справедливость есть!»⁴⁴.

Дело Ходоса – весьма характерное, поучительное дело. Оно является предостережением для любого прокурорского работника и, в первую очередь, для тех, кто осуществляет надзор за деятельностью органов МВД, следствием и дознанием, оперативно-розыскной деятельностью. Прокурору надо выстраивать отношения с сотрудниками полиции строго в рамках закона и ни в коем случае не закрывать глаза на любые нарушения с их стороны. Дружеские, хорошие отношения не должны вредить надзору и затуманить глаза прокурора. В этой сфере особенно важно строгое соблюдение принципа законности, с категорическим исключением всяких сообра-

⁴⁴ Жизнь мы прожили не зря. Воспоминания ветеранов прокуратуры. – Казань: Мастер Лайн, 2001. – С. 20–25.

жений, рассуждений о целесообразности, о раскрытии преступлений «любой ценой».

Когда читаешь про дела, подобные делу Ходоса, узнаешь о чудовищных ошибках следствия и суда, то совсем по-другому воспринимаешь известную истину о том, что лучше оправдать десять виновных, чем осудить одного невиновного. И это действительно так. Не забывайте об этом, молодые (да и немолодые) прокуроры!

СВЕРКНУЛ, КАК КОМЕТА

Виктор Алексеевич Щербаков родился в 1922 г. в г. Ташкенте. Участник Великой Отечественной войны, в органах прокуратуры с 1948 г., член партии с 1950 г., имел классный чин старшего советника юстиции. Отец Щербакова в свое время являлся заместителем председателя Совнаркома Киргизии и был необоснованно репрессирован, и Щербаков на себе познал все беды и невзгоды детей врагов народа. В должности начальника следственного отдела прокуратуры Татарской АССР он начал работать с 23 июня 1959 г., сменив И.Л. Коваленко, который руководил следственным отделом около трех лет.

По мнению следователей тех лет, начальник следственного отдела И.Л. Коваленко проявил себя как знающий, но жесткий руководитель. Его стиль руководства не вписывался в требования нового прокурора республики Жогина. Качество работы следователей прокуратуры по республике оставалось неудовлетворительным. Жогину нужен был человек подвижный, энергичный, способный увлечь за собой коллектив. Таким был Щербаков – полная противоположность Коваленко.

Следственный отдел прокуратуры республики тогда был самым крупным подразделением и играл важную роль. В первую очередь, от результатов его деятельности зависел авторитет прокуратуры. Прекрасно понимая это, Жогин сделал ставку на укрепление, усиление следственного отдела. Из районов в центральный аппарат выдвигаются молодые работники, готовые свернуть горы – Мутинов, Маркузов, Белоглазов, Кулышев, Муравьев, Федоров, Самосов и другие. Состав следственного отдела почти сразу же обновился наполовину.

В своих воспоминаниях Р.Ш. Мугинов оценивает Щербакова весьма высоко, ставя его на один уровень с Жогиным. Как пишет Мугинов, Щербаков быстро вошел в курс дела, сплотил коллектив и превратил его в исключительно работоспособный организм. Что нагонял страхом Жогин, дополнял авторитетом Щербаков. Его любили за человечность, простоту, заботу. Многие бывали в его квартире, встречая там доброе и приветливое отношение.

По мнению А.М. Муравьева, Жогина и Щербакова нельзя рассматривать в отрыве друг от друга. Вместе они проработали в Казани около двух лет. За этот небольшой срок они смогли создать коллектив из лучших сотрудников, способных расследовать самые сложные уголовные дела. Во главу угла ставились справедливость, принципиальность, мастерство в работе. В результате был наведен порядок и раскрыто много сложных дел. Как следствие, существенно повысился авторитет прокуратуры.

Щербаков, по воспоминаниям еще одного ветерана органов прокуратуры Н.М. Самосова, был человек подвижный, неутомимый, способный увлечь за собой коллектив. Человек чрезвычайно талантливый, харизматичный, горячий, порывистый, размашистый, шумный, энергии через край. Он как-то умел расположить к себе не только следователей, но и обвиняемых, с которыми много общался. Он удивлял всех своей кипучей работоспособностью, мог зарядить людей своей энергетикой. У Щербакова всегда исключительно результативно получалось проводить допросы. Он без особых усилий находил общий язык с любым лицом, будь то заурядный уголовник или птица высокого полета. Благодаря его умению всех завести работа в отделе закипела, все находилось в движении. В этот период возник ряд резонансных, громких дел, которые повысили авторитет прокуратуры.

Знающим, толковым, умным назвал Щербакова и другой следователь того времени Е.А. Дмитриевский. Он даже указал, что Щербакова с собой привез Жогин, хотя это и не совсем так. Безусловно, что Щербаков появился в Татарии по инициативе Жогина. Ведь они работали по соседству: Жогин – в Таджикистане, а Щербаков – в Киргизии. Скорее всего, Жогин хорошо знал Щербакова, его деловые, профессиональные качества, организаторские способности и пригласил в Казань.

«Глыбой» называет Щербакова Мильмухаметов И.А., начавший работу в органах прокуратуры Татарской АССР в 1961 г. По его словам, Щербаков был мощный, солидный, с хорошими ораторскими способностями.

Из архивных документов прокуратуры ТАССР видно, что Щербаков проявлял самостоятельность и независимость, имел собственное мнение и открыто его высказывал, твердо отстаивая свою точку зрения. 28 октября 1959 года на партийном собрании на замечания отдельных выступавших о расследуемых следственным отделом делах Щербаков резко ответил: «Для старших следователей работы хватает. Мы сами будем решать, что нам брать. Они сейчас загружены, им даже помогают следователи из районов».

Старших следователей тогда в прокуратуре республики было всего 4 человека, и они вели наиболее сложные дела. Между тем старших следователей на партийных собраниях критиковали за то, что они не посещают занятия по партийной учебе. Следователи оправдывались: «Мы ведь часто заняты с арестованными, работаем и по вечерам, и в выходные дни». Были случаи, когда Щербаков запрещал прокурорам следственного отдела, старшим следователям выступать с лекциями. За это он также получал замечания на партийных собраниях.

2 марта 1960 г. на оперативном совещании у прокурора ТАССР Жогина заслушивается отчет начальника следствен-

ного отдела Щербакова за 1959 г. В протоколе совещания указаны как положительные, так и отрицательные моменты в работе отдела, но в целом оценка весьма положительная.

На партийном собрании от 31 мая 1960 г., когда обсуждали письмо ЦК КПСС об усилении внимания к вопросам безопасности труда на производстве, Щербаков внес ряд дельных предложений: обобщить состояние соблюдения правил техники безопасности в колхозах; поставить вопрос о правовом положении инженеров по технике безопасности, вывести их из-под контроля главных инженеров, тогда они сумеют быстрее вскрывать нарушения по технике безопасности.

На партийном собрании 9 сентября 1960 г. Щербаков отметил, что мало проявляется заботы об условиях работы следователей. Их много наказывают, и в то же время у них нет транспорта, нет денег на телеграфные разговоры. У следователей были бесплатные проездные билеты на городском транспорте, но это признали незаконным и билеты отобрали. Щербаков высказал замечания и в адрес заместителя прокурора республики Абубекерова, который отправлял работников следственного отдела с каким-либо заданием, не ставя об этом в известность начальника следственного отдела. Щербаков также предложил увеличить аппарат ревизоров КРУ, так как ревизоров не хватало. Кроме этого, изучив и сравнив нагрузку, начальник следственного отдела установил, что в Казани следователи имеют в производстве по 10–12 уголовных дел в месяц, а в сельских районах нагрузка составляет лишь 1–2 дела. В этой связи Щербаков предложил увеличить аппарат следователей в городе Казани за счет сельских районов. Вполне разумные предложения.

На отчетно-выборном партийном собрании прокуратуры ТАССР 21 июля 1961 г. Щербаков заявил, что партбюро не обращает внимания на жилищно-бытовые условия работников, и вообще квартиры в прокуратуре выделяются неправильно.

К примеру, старший следователь Самосов тогда с семьей из четырех человек жил в маленькой комнате. И Щербаков настоял на выделении Самосову квартиры.

Щербаков настойчиво «пробивал» поощрения для своих следователей за раскрытие преступлений, успешное расследование уголовных дел. Например, в декабре 1960 г. прокурор РСФСР награждает ценным подарком следователей Маркузова и Белоглазова за расследование дела по обвинению управляющего Казанской епархией Кресовича.

В период работы Щербаков неоднократно ходатайствовал о введении должности заместителя начальника следственного отдела. Соответствующие письма направлялись в Москву. Однако это удалось сделать только при прокуроре республике И.Х. Хамидуллине в ноябре 1965 г.

Щербаков выезжал в районы республики для оказания практической помощи на месте в раскрытии убийств и во всех случаях добивался положительных результатов. Он направлял на места информационные письма о раскрытии и успешном расследовании уголовных дел.

Старший следователь прокуратуры ТАССР того периода А.М. Муравьев отмечает, что Щербаков был не только умелым организатором, но являлся и хорошим психологом. Он знал сильные и слабые стороны каждого следователя, знал, на что каждый из них способен. Исходя из этого распределял уголовные дела для расследования. В результате Щербаков получал максимальную отдачу от каждого следователя.

Имея огромный опыт следственной работы, Щербаков умело наблюдал за ходом расследования, давал советы, указания. Часто он говорил следователю: «Когда пригласишь обвиняемого (подозреваемого), позвони мне». И он заходил на допрос, принимал в нем участие. После допроса снова шло совместное обсуждение: «Пожалуй, он крепкий орешек. Надо задерживать».

Вот так, шаг за шагом, он контролировал ход расследования, держал все нити в своих руках и при необходимости включался в процесс. Он не наблюдал пассивно со стороны, как следователь беспомощно «болтается» в сложнейшем уголовном деле, а, наоборот, всячески помогал ему, учил его. Щербаков был настоящим профессионалом следствия, был требователен, принципиален и справедлив. Как руководитель, заботливо относился к своим сотрудникам, понимая тяжесть и ответственность их работы.

Вести расследование можно по-разному. Следователь может спокойно сидеть в кабинете и ждать, когда оперативники принесут ему в клюве необходимую информацию, приведут ранее неизвестного свидетеля, добудут какую-то важную улику, бумагу и т.д. Многие следователи так и работают. Но при Щербакове было по-другому. Нередко сами следователи прокуратуры превращались в оперативников и занимались раскрытием преступлений, поиском доказательств. Есть высшая оценка деятельности следователя, когда говорят, что он раскрыл преступление следственным путем. Это означает, что раскрытие преступления явилось заслугой самого следователя, когда он без помощи оперативников добыл доказательства, сам получил признание и т.д.

Вот, например, один из лучших следователей того периода – следователь прокуратуры Ленинского района г. Казани Николай Анатольевич Неклюдов, расследовал ряд уголовных дел о крупных хищениях на предприятиях. В частности, в магазине № 16 Росювелирторга в течение нескольких лет продавали по завышенным ценам ювелирные изделия. Дело началось с контрольной закупки торгового инспектора. Однако продавцы твердили, что произошла случайная ошибка. И главное – на тот момент ни от кого не было заявлений, то есть не было потерпевших! И Неклюдов их находит, применяя нетрадиционный способ. Три дня подряд по радио передают со-

общение следователя Неклюдова. Результат не замедлил себя ждать: к следователю явились десятки людей и подтвердили факты обмана. Преступление было раскрыто следственным путем. Всего по завышенным ценам в магазине сбыли более шести тысяч ювелирных изделий⁴⁵.

По другому уголовному делу работники прокуратуры сами ловили на вещевом рынке сбытчиков похищенных радиоприемников и деталей. Так были пойманы 13 человек. Основная часть деталей сбывалась через торговые учреждения. За систематическое хищение радиодеталей с оборонных заводов под суд пошли 15 человек, из них 6 работников заводов, 7 работников Казанского универмага. К партийной ответственности по представлениям Жогина были привлечены многие руководящие работники, в том числе и директора оборонных заводов, допустившие массовое хищение деталей особого назначения.

В 1959 году прокуратура ТАССР закончила расследование по уголовному делу о содержании притона и вербовке женщин для проституции. К уголовной ответственности привлекли балетмейстера Татгосфилармонии, затем театра оперы и балета Янкина. Балетмейстер содержал притон в собственной квартире. Притон имел экзотическое название «Волчья нора», так как в квартире висела картина, на которой Янкин был изображен волком с гитарой в лапах, в окружении кошечек в различных позах. Следствие установило многочисленных клиентов притона, а также девиц легкого поведения. Притон посещали и члены КПСС – преподаватель КАИ – и другие. Янкина за содержание притона осудили на пять лет лишения свободы⁴⁶.

При расследовании данного дела от постоянной посетительницы притона, дочери известного татарского певца Н., были получены сведения о двух мужчинах, посещавших при-

⁴⁵ Ямалиев Н.К. Выстрел на Волге. – Казань, 2003. – С 65 – 68.

⁴⁶ ЦГА ИПД РТ. Фонд 15. опись 6. дело 5540. Документы... 1959 г.

тон, ведущих разгульный образ жизни с большой тратой денег. Следствие ухватилось за это и установило этих мужчин. Ими оказались Ильин, заведующий овощной базой, и Титов, заведующий пунктом переработки овощей. Началось расследование, были установлены факты хищения путем продажи с базы овощей и фруктов. Ревизия показала, что Ильин похитил фруктов и других товаров на сумму более 319 тысяч рублей. Была и порча на 637 тысяч рублей. Всего ущерб составил около одного миллиона рублей. В отношении Ильина возбудили уголовное дело, его арестовали. Ильин в хищениях признался⁴⁷. Как видим, это преступление также было выявлено прокуратурой республики следственным путем.

По отдельным делам надо было проявлять не только принципиальность, но и изобретательность, искать нетрадиционные ходы, чтобы добиться привлечения виновных к уголовной ответственности. В первый год своей работы следователь прокуратуры В.Г. Камалетдинов вел расследование уголовного дела об ограблении молодого рабочего авиационного завода. Было установлено, что преступление совершили секретари райкома комсомола, при этом была задействована автомашина горкома партии. Под давлением партийных органов прокурор района предложил молодому следователю прекратить уголовное дело, однако тот отказался. Дело дошло до прокуратуры республики. Его изучил начальник следственного отдела Щербаков. Обсуждение состоялось у прокурора республики Жогина. В присутствии Щербакова, следователя Камалетдинова, прокурора района, Жогин позвонил первому секретарю Татарского обкома Табееву, доложил обстоятельства дела, после чего дал указание принять по делу законное решение.

В следственном отделе решили придать делу общественную огласку. Работники республиканской газеты не рискнули

⁴⁷ ЦГА ИПД РТ. Фонд 15. опись 6. дело 5842. Татарский Обком КПСС. Документы... 1960 г.

взяться за дело, но свели следователя Камалетдинова со специальным корреспондентом газеты «Известия». Следователь встретился со спецкором и тот сразу же позвонил Жогину. Прокурор республики подтвердил обстоятельства дела и позицию прокуратуры. Уже на другой день в газете «Известия» вышла большая статья об этом уголовном деле. Статья была подписана корреспондентом Феофановым, хотя и со следователем беседовал вовсе не он, а другой корреспондент. Статья вызвала большой резонанс. На заводе в поддержку потерпевшего прошли митинги рабочих, осудивших комсомольских и партийных работников, пытающихся спасти виновных от ответственности. Шум дошел даже до ЦК КПСС. В итоге дело «замять» не смогли, суд осудил виновных⁴⁸.

Пожалуй, самым громким делом того периода явилось уголовное дело по Госплану ТАССР и Управлению снабжения и сбыта при Совете Министров ТАССР. Дефицитные строительные материалы, которых в свободной продаже почти не было, распределялись в указанных выше органах. При этом оптовые цены на строительные материалы, отпускаемые по нарядам организациям, были в 3 – 4 раза ниже розничных цен. Схема преступления в самом простом виде состояла в том, что фондируемые строительные материалы по документам отпускались как будто бы организациям и за них производилась оплата по оптовым, то есть низким, ценам. Фактически же материалы продавались частникам уже намного дороже. Соответственно разница оседала в карманах многочисленных участников преступлений.

Из воспоминаний Н.М. Самосова, ключевую роль в преступной схеме играл начальник сектора Госплана ТАССР Ватажников, который фактически распоряжался распределением так называемого резервного фонда стройматериалов. Он долгое время не признавал своей вины. Возможно,

⁴⁸ Камалетдинов В.Г. Угрызений совести нет // Жизнь мы прожили не зря. Воспоминания ветеранов прокуратуры. – С.38 – 40.

рассчитывал на помощь отца, тот в свое время был наркомом и министром пищевой промышленности ТАССР, а во время расследования данного дела занимал также достаточно высокий пост начальника Управления хлебопродуктов Татарской АССР. Юридически Ватажников также был подкован: ведь он до 1951 г. работал судьей 4-го участка Свердловского района города Казани.

Следствие располагало определенными доказательствами злоупотребления Ватажниковым спиртными напитками. Об этом Щербаков прямо говорил Ватажникову на допросах, считая, что тот выпивал на деньги, полученные в виде взяток. В ответ Ватажников в жалобе в Обком преподнес в свое оправдание такую интересную версию: да, мол, «я захаживаю в «злачные заведения», и все меня видят, запоминают, потому что я высокого роста. А я выпиваю не больше других, выпиваю, как многие, по субботам-воскресеньям, после получения зарплаты». Ватажников также писал, что эта дурная слава пьяницы пошла еще со времени работы судьей, когда он «сорвался на нервной почве».

Ватажникову провели серию очных ставок с взяточдателями. Тщательно подготовились к его допросу. Щербаков сам допросил этого важного фигуранта. В конце концов, он выдал все детали и нюансы преступлений и в дальнейшем активно помогал следствию. По этим и другим делам Щербаков осуществлял руководство работой следственной группы.

Авторитет В.А. Щербакова рос от дела к делу. 9 февраля 1961 г. на заседании партбюро было внесено предложение о рекомендации кандидатами в депутаты: Казанского городского Совета – А.Х. Валиева, Бауманского районного Совета – В.А. Щербакова. С поддержкой этого предложения выступили прокурор ТАССР Жогин и Михайлов. Бюро поддержало это предложение и вынесло его на общее собрание коллектива.

13 февраля 1961 г. общее собрание коллектива аппарата прокуратуры ТАССР выдвинуло В.А. Щербакова кандидатом в депутаты Бауманского районного Совета г. Казани. Его доверенным лицом был закреплен Михайлов. Кандидатуру Щербакова поддержали в своих выступлениях Михайлов, Френкель, Вдовин.

На XXXI Бауманскую районную партийную конференцию от прокуратуры ТАССР делегатами избираются Жогин, Щербаков, Мингалеев. Приказом прокурора Татарской АССР Жогина от 19 апреля 1961 г. большой группе прокурорских работников объявляется благодарность за активное участие в пропаганде советских законов среди населения, укрепление связи с общественностью в борьбе с нарушениями социалистической законности и предупреждении преступных проявлений. В числе поощренных и начальник следственного отдела Щербаков.

В апреле 1961 г. прокурор Татарской АССР Н.В. Жогин был назначен заместителем Генерального прокурора СССР. По словам Р.Ш. Мугинова, после отъезда Жогина в Москву все в прокуратуре ломали голову, кто же станет прокурором республики? Из замов (Абубекеров, Васильев) никто не котировался. Пошли слухи, что первый заместитель Абубекеров Идрис Мусеевич висит на волоске – его должны скоро снять. При такой ситуации многие в прокуратуре думали, что если не найдут никого более достойного, то Щербаков – самая подходящая кандидатура.

По словам отдельных ветеранов, при уходе Жогина в Москву Щербаков сам говорил подчиненным, что в Татарском обкоме рассматривают его кандидатуру на пост прокурора республики. Тогда в коридорах, курилках прокуратуры многие говорили, что Щербаков скоро станет прокурором Татарской республики. И это было бы вполне логичным. Все самые крупные дела, на которых невероятно поднялся авторитет

прокуратуры, расследовались при его непосредственном участии. Жогин весьма высоко ценил начальника следственного отдела.

Однако в июне 1961 г. прокурором Татарской АССР был назначен И.Х. Хамидуллин, первый секретарь Азнакаевского райкома партии. Смена прокурора республики не отразилась на положении Щербакова. Он продолжал активно работать, и в целом его работа оценивалась положительно. В этот период он является членом партбюро прокуратуры ТАССР и отвечает, вместе с прокурором ТАССР Хамидуллиным и Мингалеевым, за партийно-организационную работу.

В июне 1961 г. в прокуратуре РСФСР состоялось совещание начальников следственных отделов прокуратур автономных республик, краев и областей. Совещание обсудило меры по улучшению организации работы по распределению преступлений и повышению уровня прокурорского надзора за законностью действий органов в милиции. Очевидно, прокуратура Татарской АССР была на хорошем счету по вопросам следствия. На этом совещании выступил и Щербаков. Он, обобщив практику назначения и проведения ведомственных ревизий в целях повышения качества следствия по делам о растратах и хищениях, предложил рассмотреть вопрос о создании специального бюро бухгалтеров-ревизоров по типу действующего бюро бухгалтерской экспертизы⁴⁹.

В ноябре 1961 г. Абубекерова и Щербакова неожиданно вызвали на заседание бюро Обкома. Все в прокуратуре были уверены, что Абубекерова снимут с работы, а вместо него назначат Щербакова. Но случилось неожиданное – без всякого объяснения причин с должности сняли обоих. Все были потрясены, но прояснить ситуацию не могли.

Из архивных партийных документов следует, что 23 ноября 1961 г. бюро Татарского обкома КПСС приняло решение:

⁴⁹ В прокуратуре РСФСР // Социалистическая законность. – 1961. – № 8. – С. 70 – 71.

считать нецелесообразным использование В.А. Щербакова в должности начальника следственного отдела прокуратуры ТАССР. Отмечено, что выступили Крайнов (заведующий отделом административных органов) и Табеев. Одновременно освобождается от должности заместитель прокурора ТАССР И.М. Абубекеров (в связи с переходом на другую работу), вместе него утверждается Малеин Михаил Александрович, который в Казань приехал из Архангельской области в 1959 г., работал Казанским транспортным прокурором, начальником отдела по надзору за рассмотрением в судах уголовных дел. Выступили снова Крайнов и Табеев. Никаких пояснений, обоснования этих решений не приведено⁵⁰.

Щербаков был вызван в Москву и там арестован, затем этапирован в Фрунзе. Его дело расследовал следователь по особо важным делам Генеральной прокуратуры СССР.

После ареста Щербакова исполняющим обязанности начальника следственного отдела остался старший следователь Мугинов. Перед отъездом в Москву Щербаков открыто сказал Мугинову о том, что его ждут неприятности по киргизскому делу. «Баранов ели, водку пили, но деньги я не брал», – так говорил Щербаков.

В момент ареста Щербаков с семьей жил в трехкомнатной коммунальной квартире в районе телестудии. Две комнаты в ней занимала семья Щербакова, в одной комнате жила вдова репрессированного Саидгалиева, председателя Совнаркома Татарской республики. Щербаковы и Саидгалиева жили очень дружно, помогая друг другу.

Работникам следственного отдела потом сообщили, что в Киргизии разоблачена большая группа взяточников из правоохранительных органов и Щербаков является одним из ее руководителей, и что частные предприниматели, организовавшие подпольное производство и зарабатывавшие на этом

⁵⁰ ЦГА ИПД РТ. Фонд 15. опись 6. дело 6044. Протокол заседанию бюро Татарского Обкома КПСС. 1959 г.

большие деньги, давали взятки оперативно-следственным работникам.

По мнению Мугинова, ничего лишнего в квартире у Щербакова не было. Поэтому они и сомневались в обоснованности обвинения Щербакова. Тем более, если бы Щербаков захотел, то он мог бы нажиться при расследовании уголовного дела на архиепископа Кресовича. По этому делу было изъято много безучетных денег, дорогих вещей, но Щербаков не взял себе ни копейки.

Как считает Самосов, Щербакова сгубила его безалаберность. У него был чрезмерно общительный характер и, соответственно, было много дружков.

На закрытом партийном собрании прокуратуры ТАССР 30 ноября 1961 г. обсуждали итоги работы областной, городской и районной партийных конференций. При этом неоднократно упоминалась фамилия Щербакова, начальника следственного отдела. После ареста он сразу стал «плохим». Васильев говорил о фактах аморальных явлений, выпивках в следственном отделе, о неправильном поведении Щербакова, Маркузова и других. Родионов сделал вывод о том, что в следственном отделе в последнее время сложилось неблагоприятное положение и даже образовалась какая-то каста.

Против мнения большинства выступил старший следователь прокуратуры ТАССР Мугинов. Он заявил, что разговоры о следственном отделе являются неправильными, и что снятие с работы и арест Щербакова не могут уронить достоинство всего отдела. Следственный отдел под руководством Жогина провел большую работу. Аппарат следственного отдела боеспособен и со своими задачами справится. И еще Мугинов удивлялся: на съезде обсуждался вопрос о культе личности, а в прокуратуре никакой реакции не было, даже не сняли портреты Сталина и Ворошилова.

Заместитель прокурора республики Васильев посчитал выступление Мугинова неправильным, пояснив, что в следственном отделе было много безобразий, а Мугинов их закрывает и замазывает. По мнению еще одного выступавшего, Коваленко, которым, скорее всего, двигало чувство обиды за снятие его с должности начальника следственного отдела, Щербаков ввел в отделе неправильную практику бригадного расследования всех уголовных дел, а это порождает обезличку и безответственность, плодит бездельников.

Мугинов был другого мнения: «Бригадный метод следствия в отделе себя оправдал!»

Его поддержал заместитель прокурора республики Малейн: следственный отдел работал хорошо, провел много хороших дел, поэтому нельзя охаивать всю работу отдела.

На партийном собрании 15 декабря 1961 г. снова критиковали работу следственного отдела, в том числе и бригадный метод расследования. Старший следователь прокуратуры ТАССР Н.М. Самосов не согласился с докладчиком Васильевым и заявил, что бригадный метод расследования оправдал себя, в частности по делу Торгмаша. «Этот метод позволяет продумывать проблемы и поднимать нетронутые участки», – пояснил Самосов.

По словам Абубекерова, в работе следственного отдела были недостатки, Щербаков много наделал делов, неправильно вел себя с подчиненными, устраивал коллективные пьянки, втянул в пьянку следователя Маркузова.

Михайлов (недавно – доверенное лицо Щербакова как кандидата в депутаты) заявил, что в следственном отделе было много недостатков, вокруг Щербакова была его группа. Вся работу в следственном отделе якобы вела секретарь (?). По мнению Михайлова, бригадный метод не всегда приемлем.

Заместитель прокурора Малейн остался на своей позиции и настаивал, что из-за Щербакова нельзя чернить весь следственный отдел. Заместитель прокурора Васильев в заключительном слове отметил, что он не против бригадного метода расследования, но он за контроль, чтобы в этой бригаде отдельные следователи не бездельничали⁵¹.

Между тем, 20 февраля 1962 г. принимается Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об усилении уголовной ответственности за взяточничество». В его преамбуле говорилось: «Взяточничество является одним из позорных и отвратительных пережитков прошлого, оставленных капитализмом в наследство нашему обществу. Это уродливое явление чуждо и совершенно нетерпимо для Советского государства, вступившего в период развернутого строительства коммунизма. В условиях нашего государственного и общественного строя имеются все возможности для полного искоренения любых форм взяточничества». За получение взятки при особо отягчающих обстоятельствах Указом предусматривалась смертная казнь. Вот под этот Указ и попали Щербаков и другие обвиняемые, хотя и вменяемые им преступления были совершены за несколько лет до принятия Указа. То есть Указу придали обратную силу и он серьезно ухудшил положение обвиняемых.

Верховный Суд СССР заседал с 12 ноября, приговор вынесли 25 декабря 1962 г. Щербакова осудили к расстрелу. Также осудили к расстрелу начальника ОБХСС Киргизии, других чинов рангом поменьше. Председательствующим по судебному процессу в отношении Щербакова и других был председатель судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР Г.З. Анашкин.

Супруга В.А. Щербакова, Ида Яновна, работала в Казани судьей Ленинского районного суда. Она всячески пыталась

⁵¹ ЦГА ИПД РТ Первичная партийная организация прокуратуры ТАССР. Протоколы...1961 г. Фонд 968. опись 1. дело 95.

помочь мужу, ездила во Фрунзе и присутствовала на судебном заседании. Именно она принесла в прокуратуру приговор на мужа, который читали коллеги. У многих осталось тягостное впечатление – Щербаков был осужден на жиденьких уликах. По мнению Самосова, более неубедительного, более невразумительного документа он в жизни не видел⁵².

Как рассказывала супруга Щербакова, главным свидетелем обвинения по делу выступил прокурор следственного отдела прокуратуры Киргизской ССР, других доказательств почти не было. По делу проходил и Волгин (начальник следственного отдела прокуратуры Киргизской ССР после Щербакова), его также приговорили к расстрелу.

Так как Щербакова и других судила коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР, то дальнейшее обжалование, пересмотр приговора были невозможны. Оставалась только надежда на помилование.

Весть о том, что Щербакова приговорили к расстрелу, горячо обсуждали в коридорах прокуратуры. Кто-то предложил просить о смягчении приговора. Первоначально письмо было составлено в адрес Президиума Верховного Совета СССР, но так как там Щербакова никто не знал, решили обратиться к Табееву, который знал Щербакова по его работе в Казани.

Письмо в защиту Щербакова датировано 12 февраля 1963 г. Оно поступило в общую часть Татарского обкома КПСС 18 февраля 1963 г. Письмо адресовано члену Президиума Верховного Совета СССР Ф.А. Табееву и подписано 10 работниками следственного отдела (Мугинов, Кулышев, Rogozный, Самосов, Муравьев, Белоглазов, Сагитов, Бакиров, Петров, Галимов). Текст письма небольшой: «Мы, работники следственного отдела прокуратуры ТАССР, обращаемся к Вам с просьбой принять зависящие от Вас меры по сохранению жизни Щербакова Виктора Алексеевича, осужденного

⁵² Самосов Н.М. Мы и наше время. – Казань, 2007; Он же. Полвека в строю. – Казань, 2003.

Верховным Судом СССР в декабре месяце 1962 года к высшей мере наказания.

До ареста Щербаков два с половиной года работал в нашем коллективе. Показал себя человеком требовательным к себе и подчиненным. Будучи талантливым руководителем, приложил много сил для улучшения работы отдела, усилиями Щербакова был повышен уровень следственной работы в нашей республике. Был безупречен в быту.

Щербаков добросовестным отношением к служебным обязанностям и чутким отношением к подчиненным снискал глубокое уважение следственных работников и пользовался авторитетом. Был избран заместителем секретаря партбюро прокуратуры ТАССР и депутатом районного Совета.

Просим Вас учесть эти обстоятельства при рассмотрении вопроса о помиловании Щербакова В.А.).

Ф.А. Табеев, получив и прочитав письмо, ручкой снизу подчеркнул слова: «Будучи талантливым руководителем», что, очевидно, выражало его полное несогласие с этим мнением, и 19 февраля 1963 г. наложил резолюцию-вопрос: «Т. Хамидуллину И.Х. Что же юристы не верят в справедливость суда?»

Мнение партийного руководителя республики было однозначным, и прокурор республики И.Х. Хамидуллин не мог не принять его к исполнению.

Письмо в защиту Щербакова от Табеева вернулось в прокуратуру ТАССР. По поручению партбюро проверку проводил А.Х. Валиев. У всех «подписантов» взяли объяснения, дали им прочитать приговор по делу Щербакова. При опросе Кулышев заявил Валиеву, что Щербаков как начальник следственного отдела оставил хорошее впечатление и жалко лишать жизни такого человека. Муравьев пояснил, что поддерживал мнение старших товарищей. Сагитов говорил, что Щербаков в Казани работал добросовестно и инициативно,

его работа ставилась в пример. Самосов в объяснении указал, что просьбы от жены Щербакова о написании письма не было. Также Самосов показал, что он многим обязан Щербакову, в частности, получением жилья. Все поясняли, что не подвергали сомнению приговор суда, а лишь просили о его смягчении, о сохранении жизни Щербакову. Валиев А.Х. сделал вывод о том, что организаторами этого дела были Мугинов и Самосов. Первый вариант письма был отпечатан на машинке Рогозным, а второй – Бакировым. Подписи собирал Кулышев. «Никто из подписавших письмо лиц не считает ошибочным свое действие и не осуждает его», – сделал вывод проверяющий Валиев.

27 марта 1963 г. на заседании партбюро прокуратуры ТАССР обсудили указанное письмо группы работников следственного отдела. А.Х. Валиев доложил результаты проверки. Дальше поднимали всех «подписантов». Они вели себя поразному. Мугинов подтвердил, что об обстоятельствах составления письма Валиев сообщил правильно, и согласился, что не следовало в такой форме обращаться по этому вопросу. Кулышев коротко заявил: «Я не считаю, что я поступил неправильно». Белоглазов пояснил, что изложил в письме свое мнение обдуманно, что он знал Щербакова по работе в следственном отделе. В письме не было ничего про обоснованность, справедливость приговора. Речь шла только о помиловании. «Я считал и считаю, что поступил правильно», – закончил он. Рогозный спрашивал: «я выразил свое мнение о человеке... Я прошу сказать, в чем я не прав?» Ш.М. Галимов утверждал, что он ясно осознавал, что подписывал: «Я знал Щербакова три года и считал, что к нему могли применить другую меру наказания, чем расстрел». После беседы с прокурором республики Галимов признал, что поступил неправильно, допустил ошибку. Из выступления Сагитова: «Щербаков характеризовался хорошо... Обращаясь с письмом, я

имел одну цель: решить вопрос о возможности помилования с учетом положительного его поведения после совершения преступления».

Таким образом, на собрании Галимов, Сагитов, Мугинов признали подписание письма в защиту Щербакова ошибкой. Кульшев продолжал упротствовать...

С резкой критикой авторов письма выступили Комиссаров, Михайлов, Малеин и прокурор республики Хамидуллин. Был сделан вывод, что такое письмо роняет честь прокуратуры ТАССР, говорит о близорукости их авторов.

После выступления прокурора республики Хамидуллина, четко обозначившего свою позицию, Кульшев, Рогозный, Белоглазов «покаялись». С учетом этого, собрание приняло решение ограничиться обсуждением, никого не наказывать.

Разговор продолжился на партийном собрании прокуратуры ТАССР 29 марта 1963 г. На нем председатель собрания П.Д. Бурда огласил информацию о постановлении бюро, которым были осуждены неправильные действия коммунистов следственного отдела, подписавших ходатайство по вопросу о помиловании Щербакова.

На этом собрании, в частности, говорилось и о том, что следственный отдел ни разу не проверял КПЗ при министерстве, и в этом вопросе функция прокурора была незаконно возложена на отдел дознания МООП. Выступившие говорили о различных нарушениях при задержании граждан: что из КПЗ задержанных переводят – укрывают в спецприемнике, что граждан милиция часто задерживает за мелкие нарушения и часами держит их у дежурного и т.д.⁵³ Ну все как сегодня. Ничего в милиции – полиции не меняется!

А в это время, в течение более трех месяцев, Щербаков ожидал решения своей участи. 6 апреля 1963 г. Президиум

⁵³ ЦГА ИПД РТ. Первичная парторганизация прокуратуры ТАССР. Протоколы... 1963 год. Фонд 968. опись 1, дело 97.

Верховного Совета СССР помиловал Щербакова, заменив расстрел 15 годами лишения свободы.

В октябре 1963 г. Щербаков прибыл в Нижне-Тагильскую ИТК № 13 – колонию для ответственных работников и сотрудников правоохранительных органов в городе Нижний Тагил Свердловской области. Рассказывают, что и в колонии в Нижнем Тагиле Щербаков пользовался авторитетом и по зонавским понятиям считался «хозяином».

Со здоровьем у Щербакова было неважно – его несколько раз отправляли в больницу. В 1968 г. он дважды по полтора месяца находился в межобластной больнице ИТУ.

После освобождения Щербакова его посетили бывшие подчиненные Мутинов и К.Ш. Садреев (впоследствии прокурор города Казани). Посидели, вспомнили былое. Щербаков рассказал, что его дело рассматривалось на Пленуме Верховного Суда СССР в составе 30 членов. 14 членов Пленума выступили за прекращение уголовного дела на Щербакова за отсутствием состава преступления, 16 были против, и высказались за сохранение приговора. В результате с учетом участия в Великой Отечественной войне, состояния здоровья Щербакову снизили срок лишения свободы с 15 лет до фактически отбытого и освободили из колонии.

Из учетной карточки осужденного В.А. Щербакова следует, что 11 апреля 1969 г. его дело было пересмотрено Пленумом Верховного Суда СССР. Приговор по статье 177 УК Киргизской ССР (взяточничество) был отменен за недоказанностью обвинения. Обвинение по Указу было переквалифицировано на часть 2 статьи 117 УК РСФСР 1926 г. (тоже получение взятки), срок наказания снижен до 8 лет. Он освободился из колонии в конце ноября 1969 г., отбыв в общей сложности 8 лет.

Следователь прокуратуры того периода А.М. Муравьев на улице случайно встретил Щербакова, когда тот вернулся из

колонии. Щербаков заявил, что будет добиваться реабилитации и восстановления в партии. Однако это ему не удалось. Щербаков сильно изменился, здорово сдал и прожил недолго. Он похоронен на Арском кладбище рядом с восточными воротами.

Жена Щербакова, которая много хлопотала за него и одна поднимала детей, умерла. Сын болел и тоже умер. Была дочь, судьба которой нам не известна.

Такова была судьба незаурядного и талантливого руководителя следственного отдела прокуратуры Татарской республики. Он сверкнул, как комета, в истории прокуратуры и исчез.

Оглавление

Вступительное слово.....	3
Коллективизация	5
Свияжский «спрут»: дело банды Шакура–конокрада.....	26
Прокурор по спецделам.....	64
По законам военного времени.....	73
Опасная должность	82
Позорная страница в истории прокуратуры Татарстана.....	122
Справедливость есть!.....	159
Сверкнул, как комета	193

Багаутдинов Флер Нуретдинович

СПРАВЕДЛИВОСТЬ ЕСТЬ!

Редактор *Г.М. Хасанова*

Корректор *Г.М. Хасанова*

Компьютерная верстка *В.А. Левин*

ISBN 978-5-9690-0391-0

Подписано в печать 30.10.2017. Формат 60x84 ¹/₁₆.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Гарнитура «Minion Pro». Усл. печ. л. 12,55.

Тираж 1200 экз. Заказ №30.10/17-2.

Издательство Академии наук РТ.

420111, г. Казань, ул. Баумана, 20.

Тел./факс: (843) 292-49-14

e-mail: izdat.anrt@yandex.ru